ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1948
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Махачкалинский торгов
порт (Дагестан). Разгр
ка теплоходов, приб
ших из Красноводск
хлопком нового урож

Фото
Дм. Бальтерманца

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 2 (1075) 11 ЯНВАРЯ 1948

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗ МИРА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАБСТВА — В СОВЕТСКУЮ АРМЕНИЮ

Из Греции, Франции, Палестины, Ирака, Египта, Ирана, Сирии, Ливана и других стран не прекращается поток зарубежных армян, возвращающихся на советскую Родину, в Армянскую ССР. Оторванные десятилетиями от своего народа, испытавшие турецкие зверства и чужеземный гнет, эти люди жили неистребимой мечтой о счастливом часе, когда они вернутся на родную землю, где трудились и боролись их предки, где свободный и счастливый армянский народ строит новую жизнь в содружестве с братскими народами Союза Советских Социалистических Республик.

Специальный корреспондент «Огонька» присутствовал недавно при волнующей встрече группы армян, возвратившихся на Родину из Соединенных Штатов Америки.

Это было в Батуми, столице Аджарской АССР. В порт вошел дизель-электроход «Россия». На борту океанского корабля, прибывшего из Нью-Йорка, находился 151 пассажир — армяне, возвращающиеся на Родину. Это первая группа из нескольких тысяч зарубежных армян, ожидающих в Соединенных Штатах Америки возвращения в Армянскую ССР. Приехавших встречали делегация Армении и трудящиеся Батуми.

Толпа новых советских граждан обступила майора Григория Вартаняна — впервые они увидели советского офицера-армянина!.. Батумская швейница случайно встретила среди прибывших родного брата, которого уже четверть века считала погибшим... 64-летний Агас Григорян горячо обнимает единственного сына Гагика; тридцать пять лет назад Агас эмигрировал в Америку, оставив жену и маленького Гагика; все эти годы отец работал в Детройте на автомобильном заводе Форда; его подросток-сын, потеряв мать, остался круглым сиротой, но советский строй дал ему высшее образование, и старого Григоряна встречал директор ленинаканской средней школы, видный математик...

Поезд увез всю группу в Советскую Армению. Специальный корреспондент «Огонька» обратился к новым советским гражданам с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Сколько лет Вы прожили в Соединенных Штатах Америки и чем занимались там?

2. Что побудило Вас оставить США?

3. С какими чувствами Вы возвращаетесь на Родину? Ваши планы на будущее?

Полученные ответы читайте на следующей странице.

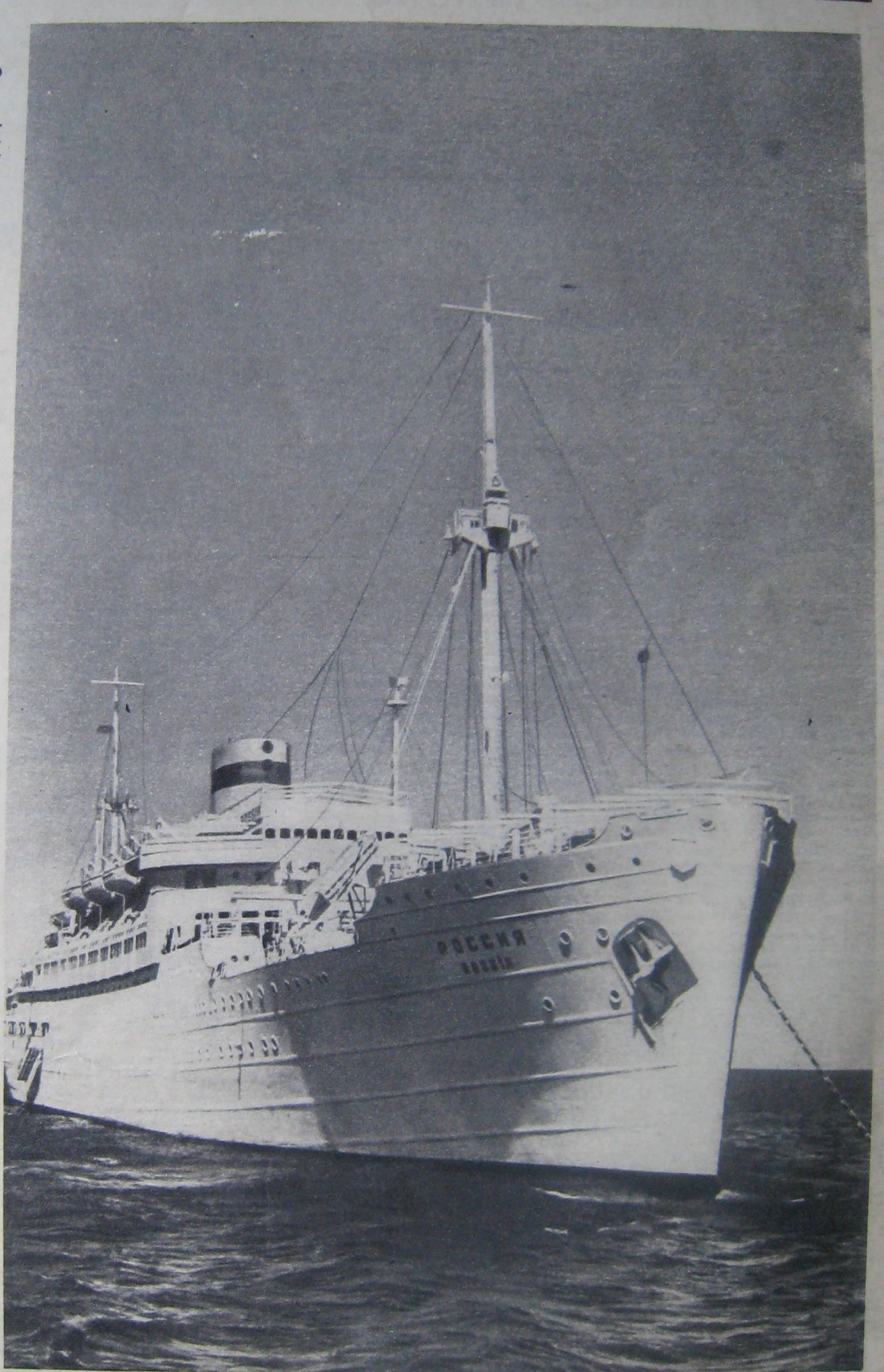

Фото О. Кнорринга

Американские армяне вернулись на землю предков

Я устал от жизни в США...

Маркар АЙРАПЕТЯН, плотник

1. Я прожил в США 31 год. Юность оптимистична, в 19—20 лет всегда надеешься на лучшее. Я был молод, когда поддался обману, поверив, что в Америке найду золотые горы. Я эмигрировал из царской России в Соединенные Штаты, полный радужных надежд. А там начались мои бесконечные странствования: я бродил от Нью-Йорка и Филадельфии до Сан-Франциско и Лос-Анжелоса—по всей стране в поисках заработка. Как и другим, не знающим английского языка, мне выпадала особенно горькая участь: приходилось браться за любое дело, только бы не голодать. Сойдя на американскую землю с двадцатью долларами в кармане, я больше всего рассчитывал на свою наследственную плотницкую профессию, но эта работа редко доставалась мне; я был то шофером, то садовником, то продавцом журналов, то батраком; в «золотой» Америке, если не имеешь нескольких профессий, пропадешь!.. Помню годы безработицы, страшное время кризисов, когда тысячи и тысячи людей, лишенных крова, ночевали в парках, в подземке, на берегу реки; не забыты голод и болезни... Десять лет назад, в дни борьбы испанского народа против фашизма, я продавал в Нью-Йорке, на углу Бродвея и 42-й улицы, «Дэйли уоркер» и другие прогрессивные издания.

2. После войны я увидел, что дела в США идут все хуже и хуже. Когда Америка выполняла крупные военные заказы, работы хватало, можно было жить; говорят, то же самое наблюдалось и в первую мировую войну. Удивительное дело! В Америке живется сносно лишь в то время, когда в Европе или Азии проливают моря крови; а между войнами — кризисы, безработица и голод, как в проклятое время Гувера. Вот и теперь быстро приближаются страшные дни, когда миллионы простых людей, вроде меня, будут сметены экономическими потрясениями... Я не мог оставаться равнодушным к капиталистической эксплоатации, когда человеку, проработавшему 10 или 12 часов, хозяин платит за 8... Я устал от этой жизни и в США не видел для себя ничего хорошего впереди.

3. Хочу весь остаток своей жизни отдать труду для процветания моей родной Армении и всей советской Родины. Со мной приехали два товарища, мы привезли грузовую машину. Вступив в члены транспортной артели, будем заниматься перевозкой государственных грузов по плану. Мне 51 год. Теперь я хочу еще долго жить на земле предков.

Всё—для моей социалистической Родины

Погос АРУТЮНЯН, обувщик

1. Родился в Турции, юношей переехал в Соединенные Штаты и прожил в Чикаго 27 лет. Сапожничал, работая день и ночь безустали. Много раз подвергался гонениям, несправедливому обращению со стороны «сильных», терял свои трудовые крохи.

2. Как и тысячи ремесленников-армян, я искал выхода из этой жестокой жизни. Выход к счастью один—Советская Армения! Нет за границей ни одного любящего свою Родину армянина, который не стремился бы в свободную Армянскую ССР. В Советской стране каждый отец может растить своих детей, зная, что им обеспечено национальное развитие, правильное воспитание, все их будущее. Моя мечта — дать детям высшее образование, а в Америке это было невозможно. Мой сын не мог и надеяться попасть в медицинскую школу: как бы ни был он способен и талантлив, юношу-армянина сумели бы под благовидным предлогом «отвести».

3. Счастье улыбнулось мне: я вернулся на Родину, по которой тосковал годами. Моя Армения живет по советским законам, по Сталинской Конституции! Надеюсь быть полезным в области организации производства хорошей модельной обуви. Все — для моей социалистической Родины, где жизнь и воспитание моих детей и внуков обеспечены!

Трудиться на благо народа

Том МУРАДЯН, студент

1. Я родился в США, мне девятнадцать лет. В отличие от огромного большинства армян нашей группы, я не умею ни говорить, ни писать на языке моих предков. Родители делали все возможное, чтобы дать мне образование. Окончив среднюю школу, я учился в колледже журналистики. Узнав о репатриации в Советскую Армению, я объявил родителям свое решение: бросить колледж, уехать в СССР и получить советское высшее образование. Родители от всего сердца согласились, хотя сами и не могли со мной поехать.

2. В капиталистической системе я не более, чем пешка, которую по своему усмотрению передвигают хозяева. Я же хотел и стремлюсь быть частицей великого народа, строящего новую жизнь; работать рука об руку со своими соотечественниками, сознавая, что плоды моего труда будут использованы на общенародное благо, а не положены в банк на текущий счет какого-нибудь зажиревшего капиталиста.

3. Отдам всю свою энергию борьбе за идеалы Союза Советских Социалистических Республик — величайшей страны мира.

Я приехал в страну, где разрушен идол наживы

Аркаш АГАРОНЯН, врач

1. 26 лет я пробыл в США. Я врач-офтальмолог, специалист по оптике.

2. Объехав много стран, я всюду замечал либо ненависть либо безразличие к своим соотечественникам, а в глазах каждого армянина — страдание скитальца. Политический, экономический и национальный гнет я видел и в Турции, и во Франции, и в «демократической» Америке. Что оставалось делать армянину в капиталистическом мире? Раствориться среди других национальностей? Забыть свой народ и его великое прошлое?.. Турция хотела истребить армянский народ, уничтожить его многовековую культуру; из родных жилищ изгонялись десятки тысяч армянских семейств. И я прошел этот скорбный путь... Потом началась моя американская жизнь, поверьте, безрадостная. С болью в сердце я наблюдал, как мои дети забывают родной язык, свою культуру, утрачивают национальный характер. Американские школы воспитывают людей, ограниченных в своих стремлениях, оторванных от народа, эгоистов, мечтающих только о своем личном «просперити». Такими, к сожалению, выросли и мои дети. Более двух десятилетий я был гражданином США, но на каждом шагу чувствовал тяготеющее надо мной проклятье скитальца... Мне угрожали, что вышвырнут из общества американских врачей, если

я не внесу деньги на борьбу с прогрессивным движением... Мое сердце тосковало по нашей прекрасной Родине.

3. Когда моя нога вступила на родную советскую землю, я с особенной силой ощутил, что начал жить снова и по-новому. Я вернулся на родину, где Сталинская Конституция — закон жизни. Счастливый вхожу я в жизнь страны, где разрушен отвратительный идол наживы. Видя великие достижения моего народа, я говорю себе: «Какой же поразительный прогресс будет еще достигнут в ближайшие годы!» За этот прогресс, за расцвет и благосостояние советских народов, моей советской Родины, я отдам все свои силы. Реакционеры в США запугивали нас бытовыми трудностями в Советском Союзе. Глупцы! Какие трудности могут устрашить людей, готовых отдать за любимую Родину жизнь?!

У себя дома!

Соня ПНАГУНИ, педагог

1. В 1920 году родители бежали со мной, пятилетней девочкой, из страны наших предков, спасаясь от резни, учиненной турками над армянами... После окончания в США средней школы мне пришлось прервать образование: родители не имели возможности отдать меня учиться в колледж. Лишь проработав девять лет, я смогла продолжить образование. По окончании университета мне посчастливилось: я получила место учительницы экономической географии в одной из ньюйоркских школ. Эта удача объясняется главным образом тем, что я была одной из лучших студенток; многие же мои товарищи по выпуску не смогли получить никакой работы в течение нескольких лет. За 27 лет жизни в США мои родители и моя семья много раз страдали от экономических кризисов; бывало, что мы едва сводили концы с концами.

2. Когда репатриация в Советскую Армению стала реальной возможностью, я, не колеблясь ни минуты, решила ехать с первой группой, хотя к этому времени я уже достигла неплохого материального положения. Моя любовь к родной стране и желание работать для прогресса моей дорогой Советской Армении неизмеримо выше меркантильных интересов, которые могут удовлетворить лишь человека с капиталистической идеологией.

3. Вернувшись на Родину, я испытываю чувство восторга и торжества. Впервые драгоценные Кавказские горы, древние памятники, холмы и долины стали реальностью; до сих пор я видела их только в мечтах или на картинках. А главное — люди! Товарищеское, теплое отношение, которое я встретила со стороны всех моих советских братьев и сестер, будь то армяне или представители других национальностей, породило во мне чувство: «Я у себя дома!» Готова делать все, на что способна, для строительства моей Родины. Возможно, мой преподавательский опыт и знание английского языка окажутся полезными.

Великая благодарность русскому народу

Погос ГАРАЯН, оптик

1. Тридцать шесть лет. Работал на обувной фабрике, а последнее время — в оптической лаборатории, где обучился различным специальностям на производстве очков.

После многолетней разлуки.

2. С детских лет я зарабатывал на жизнь, и вся она представляется мне тяжким, изнурительным трудом. Как мог, я вносил свою долю участия в борьбу американских рабочих за их политические и экономические права. Несмотря на свой преклонный возраст, жажду соединить мой труд с трудом родного советского народа. Готов преодолеть любые трудности и препятствия, если они встретятся на нашем общем пути. Я готов даже умереть за свою Родину, если это нужно.

3. Не в силах передать чувства, которые овладевают мной при сознании, что мечта десятилетий осуществилась и я на родной земле. Буду работать в оптическом производстве.

Великая благодарность русскому народу, возвратившему мне Родину, свободную и прогрессирующую! Да здравствует Октябрьская социалистическая революция и рожденная ею Советская Армения! Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Советская Армия! Пусть живет многие годы наш отец и великий вождь Генералиссимус Сталин!

Американская действительность

Хемаяк КАЗАНДЖЯН, деревообделочник

1. 24 года. Профессия — обработка дерева, работал на фабриках.

2. Жизнь в Соединенных Штатах Америки не является устойчивой, твердой и определенной; там простой человек не уверен в своем завтрашнем дне. Если ты здоров и имеешь работу, то можешь жить сравнительно неплохо; однако ты постоянно находишься под страхом лишения работы. Поэтому в Америке душевное спокойствие совершенно незнакомо рабочему или владельцу среднего магазина. В США любят кстати и некстати много говорить о демократии, но если вы попытаетесь воспользоваться ею на практике, то убедитесь, что между словами и действительностью огромная разница. Когда мы собирались покинуть США, друзья решили устроить нам проводы и сняли для этого зал в Кэмбридже (штат Массачузетс), недалеко от знаменитого Гарвардского университета. Группа фашистски настроенных хулиганов, поощренная реакционной прессой, ворвалась в зал, чтобы сорвать нашу последнюю встречу. Тут появились 150 вооруженных полисменов со слезоточивыми газами. Вы полагаете, возможно, что они стали на охрану наших гражданских свобод и разогнали хулиганов? Ошибаетесь! Полиция прибыла, чтобы помешать собранию. Один из наших друзей обратился к полицейскому офицеру: «Мы, армяне, полторы тысячи лет боролись против тирании, и нас трудно испугать. Но удалить хулиганов — это ваша обязанность!» Однако полицейский начальник сорвал наше собрание. Вот характерный образчик американской «демократии»...

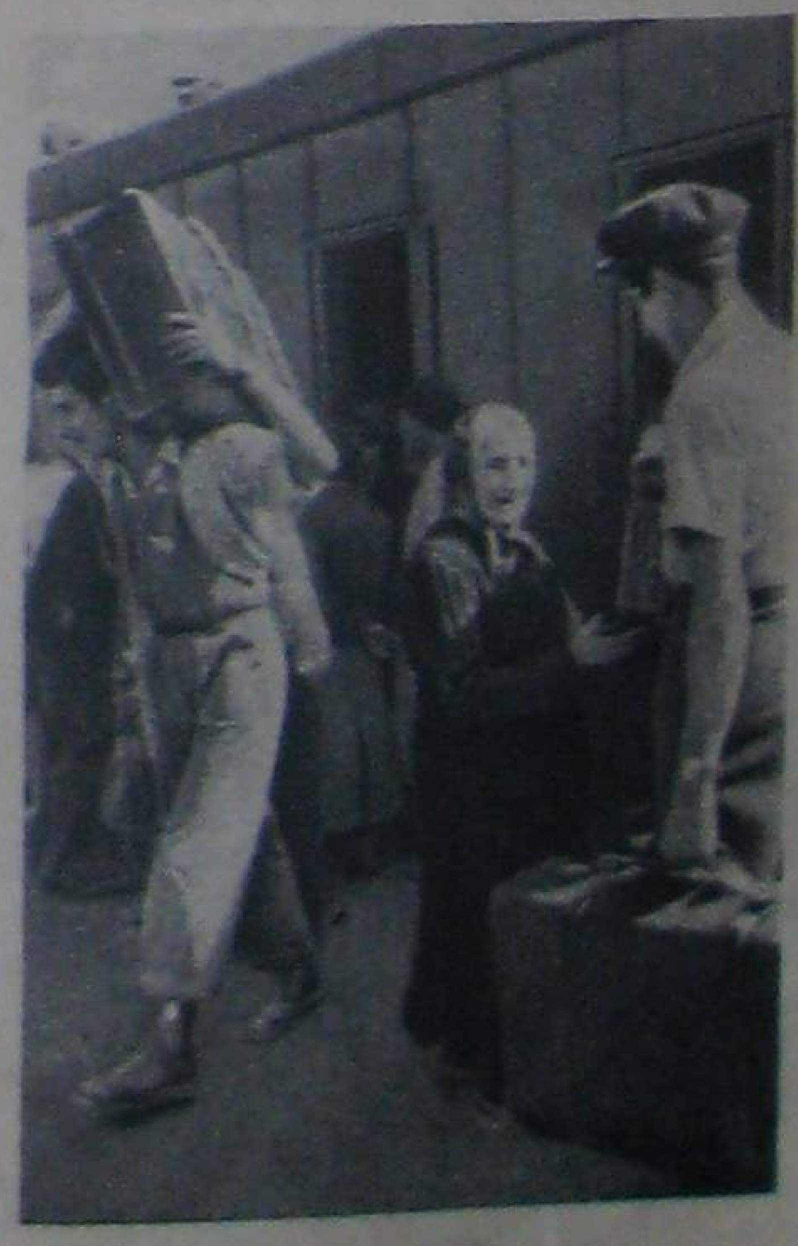
3. Со дня, когда мы еще в Нью-Йорке почувствовали себя молодыми гражданами СССР и до момента вступления на родную землю, прошло несколько недель. Все это время мы находились среди советских людей на корабле «Россия», потом в Батуми, в поезде... Не помню, чтобы кто-либо упоминал самое слово «демократия», но в этом и не было необходимости: здесь подлинный демократизм проявлялся на каждом шагу... Мое стремление — со всей энергией включиться в социалистическое строительство родной страны. Да здравствует единство советского народа! Да здравствует наш великий вождь Сталин!

Итог полувековой жизни в США

Эгия САРКИСЯН, электромеханик

1. Пожалуй, по возрасту я самый старший в нашей группе: мне шестьдесят седьмой год. Я расстался с США лишь за четыре года до полувекового «юбилея» своей жизни в этой стране. Не мне, старому человеку, кривить душой, и я отвечу на ваши вопросы со всей правдой, которую ощущаю своим сердцем.

2. Сорок шесть лет я прожил в Америке, но не любил ее и сорок шесть минут. Соединенные Штаты не были для меня родиной, я жил мечтой об Армении. После русской революции я весь принадлежал своему возрожденному Отечеству. Казалось бы, у меня имелось все для хорошего существования: материальные средства, семья, бизнес... Правда, в периоды кризисов я терял деньги, но затем снова выплывал на поверхность. С годами я убеждался, что не в деньгах счастье, что весь капиталистический строй основан на несправедливости, обмане, угнетении одного человека другим. Я сознавал, что жизнь сделала меня одним из колесиков этой беспощадной машины эксплоатации. Коротко невозможно изложить все волновавшие меня мысли, да я и недостаточно образован для этого. Если сказать просто,— мир, в котором я провел всю свою большую жизнь, стал мне ненавистен. Он отжил свое и должен будет уступить место новому, что создано и расцветает на моей дорогой Родине... В годы войны моя решимость покинуть США для новой жизни стала непреклонной. Личная собственность, имущество, накопления — все это меня не интересовало, утратило смысл. Каждая весть о Советской Армении наполняла меня гордостью и счастьем. Мой народ, освобожденный Лениным и Сталиным, работает для себя, и каждый новый день раскрывает там волшебные горизонты... Мои дети в США имеют свои семьи, а мы с женой Кларой решили ехать к нашему народу. Придет время— скоро оно придет! — когда и наши дети направятся по этому пути. Я выехал первым. Когда я уезжал, многие завидовали мне. Некоторые, впрочем, уговаривали остаться, но, если бы об этом меня про-

На вокзале в Ереване.
Фото В. Джайранова

сили даже все сто сорок миллионов американцев, я не задержался бы и лишней минуты.

3. Я советский гражданин! Понять мое счастье может только человек, который обрел родину. Мне все время хочется петь и танцовать, и я не стыжусь открыто проявлять свои чувства. Люди моего возраста говорят, что они хотят умереть на родине. Но я приехал не умирать, а жить и работать. Трудиться я умею, знаю около десяти специальностей, главным образом, в области электротехники. А что касается сил и энергии, то в свои 66 лет я готов соревноваться с любым американцем, который вдвое моложе меня; он-то вынужден работать на хозяина, а я покажу ему, как могут трудиться люди для счастья своего народа!.. В нашей группе есть артель по выработке электроарматуры; в ней я и буду работать. Я изучу русский язык и буду читать советскую правду в «Правде». Я всегда буду видеть родной Арарат...

Товарищ редактор! Я уже дописал ответ на вопросы вашего корреспондента, но захотелось поделиться с вами такой мыслью: в США немало болтают о свободе печати; как вы думаете: найдется буржуазная газета, которая решится напечатать мое искреннее и правдивое мнение?!

Ждем наших братьев-армян из США

Месроп МАЧКЯН, портной

1. Мне 57 лет, последние тридцать четыре года прожил в США. Прошу извинить меня за недостаточную грамотность и ошибки: ведь я, рабочий-портной, жил не в СССР, а в США, где, конечно, не мог получить образования.

2. Не прошло и двух лет после приезда в США, как я в полной мере ощутил классовое угнетение в самых отвратительных его проявлениях: преследования, шпионаж за рабочими, изгнание с работы, тайные «черные списки»... По своей классовой природе капиталисты-хозяйчики не могли примириться с деятельностью профессиональных союзов, а я был одним из членов профсоюза, к тому же не из пассивных. Те, кто знаком с историей рабочего движения в США, понимают тяжесть борьбы против беспощадных угнетателей трудящихся... После советской революции в сердцах трудящихся армян за рубежом зажглись надежды на будущее, наша цель ясно определилась: жить и трудиться в Советской Армении! Но прошло еще немало лет, пока мы смогли воплотить свои чаяния... Когда была объявлена репатриация, жена спросила меня: «Ты готов ехать на Родину? Не станем терять время... Поговори с друзьями, организуй швейную артель и едем!..»

3. Мы вернулись туда, куда влекли нас сердце и ум. Все, что только есть у нас: силы, мастерство, наше личное скромное достояние — отдаем любимой Родине. Мы ждем еще много тысяч наших братьев-армян из США. За передовым отрядом армянских патриотов последуют новые и новые, и все они станут участниками великого строительства и восстановления в послевоенном пятилетнем плане.

Чувство патриота

Левон ХАЧИКЯН, химик

1. Все мое 26-летнее пребывание в США прошло в неустанном труде, чтобы достигнуть какой-то материальной обеспеченности. Последние шестнадцать лет я жил в Калифорнии, занимаясь производством химического состава для отбелки тканей.

2. Патриотическое чувство побудило меня, жену и девятнадцатилетнего сына оставить США: мы решили навсегда обосноваться в Советской Армении.

3. Надеюсь, что мой трудовой вклад послужит на пользу моей Родине.

Взоры трудящихся устремлены на СССР

Бюзанд ТРДАТЯН, ювелир

1. Все 27 лет жизни в США я был ювелиром.

2. Реакция делает невыносимой жизнь для честных людей, преданных социалистическим идеям. Главная причина, побудившая меня оставить США,— глубокое сознание, что жить стоит только в условиях советского строя, где ликвидированы эксплоататорские классы. Взоры угнетенных трудящихся всего мира направлены к Советскому Союзу и его вождю товарищу Сталину.

3. Рад и счастлив, что вступил на священную землю Советского Союза — социалистического государства рабочих и крестьян. Беспредельна благодарность великому русскому народу и всем народам СССР, которые под руководством товарища Сталина сделали возможным возвращение десятков тысяч армян на Родину. Желаю работать по своей специальности, но готов выполнять любое дело, на которое способен и которого достоин...

Хочу учиться

Изабелла ЧУКАЗЯН, стенографистка

1. Я родилась в США, мне 22 года. Окончив среднюю школу, пять лет работала в конторе секретарем-стенографисткой. Мне не удалось продолжать образование: за обучение в колледже надо вносить плату, очень большую, а у родителей не было средств; пришлось пойти на службу, чтобы помочь семье.

2. Вернулась на нашу Родину вместе с родителями и младшей сестрой. Очень сожалею, что я одна из многих армянских девушек, которые в Америке разучились говорить на родном языке (в раннем детстве я его знала).

3. У себя дома, в Советской Армении, я ликвидирую этот серьезный пробел. Буду делать всё, что в моих силах, для процветания нашей Родины. Мечта моя та же, что и у подруг,—высшее образование; ведь теперь мне это доступно!

Вечная борьба за существование

Тигран ГАБРИЕЛЯН, портной

1. В США пробыл восемь лет. По ремеслу я портной, работаю более 22 лет.

2. Тяжелы условия, в которых я жил с первых дней пребывания в США: постоянные поиски работы и безжалостная эксплоатация, которой я подвергался, кошмар безработицы и отсутствие бесплатной медицинской помощи. Америка со всеми своими капиталами и техникой не смогла удовлетворить естественного стремления рабочего человека к труду. Не нам, миллионам американских безработных, было думать о счастье и радости. Вечная борьба за существование и отсутствие какой-либо перспективы порождали желание бежать из этой страны. Настал час, когда открылась возможность уехать на Родину, где осуществляются лучшие человеческие идеалы.

3. Радость моя не имеет границ. Я буду работать в Ереване по своей специальности.

На родной советской земле. Первые минуты.

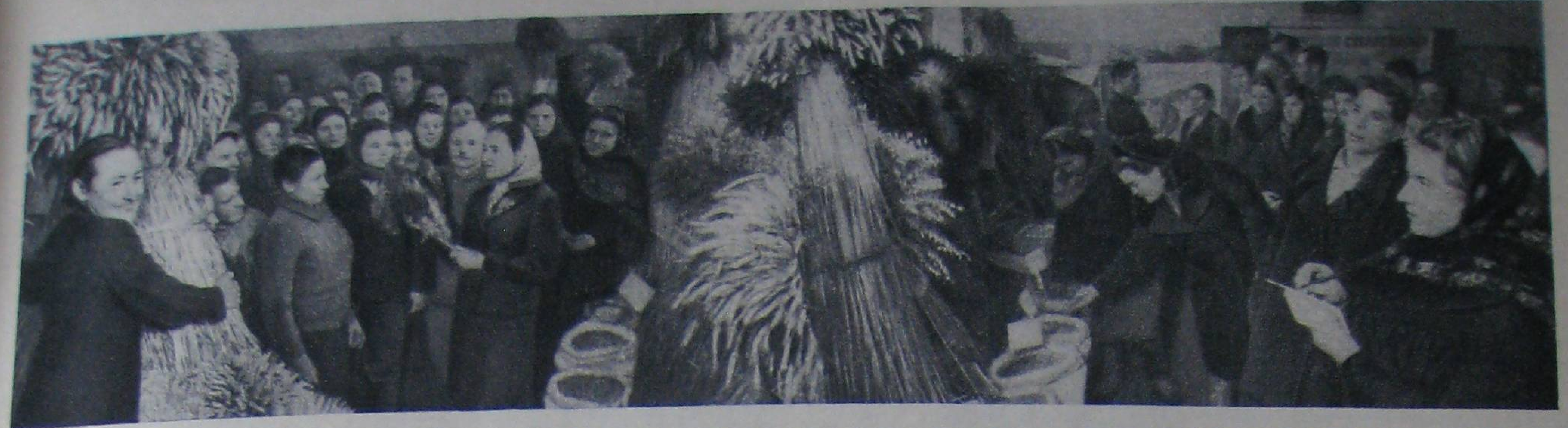
Реакция в США усилилась

Диран КРМОЯН, кандидат наук

1. Более семи лет назад я приехал из Турции в США, чтобы продолжать изучение химии в Чикагском университете. Получив в 1947 году ученую степень кандидата наук, я был оставлен ассистентом при кафедре химии этого университета.

2. В первые годы у меня не было оснований жаловаться на судьбу, но затем реакция в США значительно усилилась; я стал повседневно испытывать ее жестокое и тяжкое влияние, познал природу реакционного угнетения. Когда началась подготовка к репатриации армян, я не стал задерживаться, понимая, что только работая среди родного народа с его прогрессивной идеологией, я буду счастлив.

3. Испытываю глубокую благодарность за предоставленную мне возможность жить и трудиться в Советской Армении. Я надеюсь работать на Родине в области научных исследований, расширять свои знания и применять их на пользу моего народа.

ТВОРЦЫ КОЛХОЗНЫХ ПОБЕД

Фото Г. ЗЕЛЬМА

Текст Е. ДОРОША

Опираясь на достижения науки, колхозники Верхней Хавы пришли к мысли, что они могут опередить время, что они способны выполнить районную пятилетку в четыре года. Оформить это желание народа, разработать план необходимых мероприятий взялись руководящие работники отдела сельского хозяйства и МТС. Они собрались на производственное совещание (нижний снимок), чтобы обсудить планы новых севооборотов. И хотя календарь говорил, что над землей еще только занимается сорок восьмой год, в этой скромной комнате, над заваленным чертежами и схемами столом, вставал год сорок девятый.

С песнями, под задорную скороговорку гармоники, кто с присвистом, а кто и приплясывая, валом валил народ. Ближние шли пешком. Дальние катили в украшенных кумачом трехтонках, в грохочущих телегах, запряженных сильными лошадьми. Весь этот праздничный поток вливался в широкие улицы Верхней Хавы, районного центра Воронежской области. Люди двигались на районную сельскохозяйственную выставку, где пятьдесят лучших колхозов представили для всенародного обсуждения образцы своего труда.

Подобно капле воды, отразившей ослепляющую силу солнечного света, выставка отражала величие победы, одержанной в минувшем году колхозниками всей Советской страны.

Многие из участников и посетителей выставки жили еще в то страшное время, когда трезвые цифры статистиков установили, что воронежский крестьянин, вследствие постоянного недоедания и болезней, обречен на вырождение. Обитатель курной избенки в прошлом, раб земли, находившийся в плену слепой стихии, человек, приговоренный капитализмом к медленной смерти, сколь неузнаваемо изменился он за тридцать лет советской власти!

Каждый экспонат совершенством своих форм и окраски, высокими достоинствами своими свидетельствовал о том, что выращен он новым человеком, в работе которого уже не определишь грани, разделяющей физический и умственный труд. Агроном и учитель, партийный работник и зоотехник — вся наша жизнь, вся повседневность ее воспитали этого человека. Да и самая выставка — что как не школа она для сотен и сотен верхнехавских колхозников!

В отделе механизации таблицы и диаграммы рассказывали о работе трактористов, прицепщиков, комбайнеров и штурвальных, искусство которых повысило плодородие тучной воронежской земли. Она всегда была плодородной, эта земля, и в плодородии ее заключалась одна из причин вымирания здешних крестьян в дореволюционное время. Воронежские черноземы издревле привлекали к себе помещиков, столь густо населявших здешний благодатный край, что мужику и аршина не оставалось, разве что для могилы. Когда же этот бывший мужик, ныне колхозник, получил в свое вечное владение землю, то с помощью машин и в содружестве с наукой начал собирать урожаи, какие и не снились помещикам.

Около двухсот тридцати центнеров сахарной свеклы с каждого гектара получил в прошлом году колхоз «Новая деревня», которым руководит Василий Егорович Попов. Не отстал от своего товарища и Григорий Андреевич Зайцев, председатель артели «Сила», где со всей посевной площади собрано по двадцать пять с лишним центнеров зерна.

Звено Анны Харитоновны Лебедевой вырастило на каждом из пятнадцати своих гектаров без малого тридцать два центнера озимой ржи. Свыше пятисот пятидесяти центнеров сахарной свеклы взяла Лебедева с каждого гектара. Ее подруги, звеньевые Анна Трофимовна Лебедева и Анна Матвеевна Пешкова, столь же прославлены своими трудовыми победами.

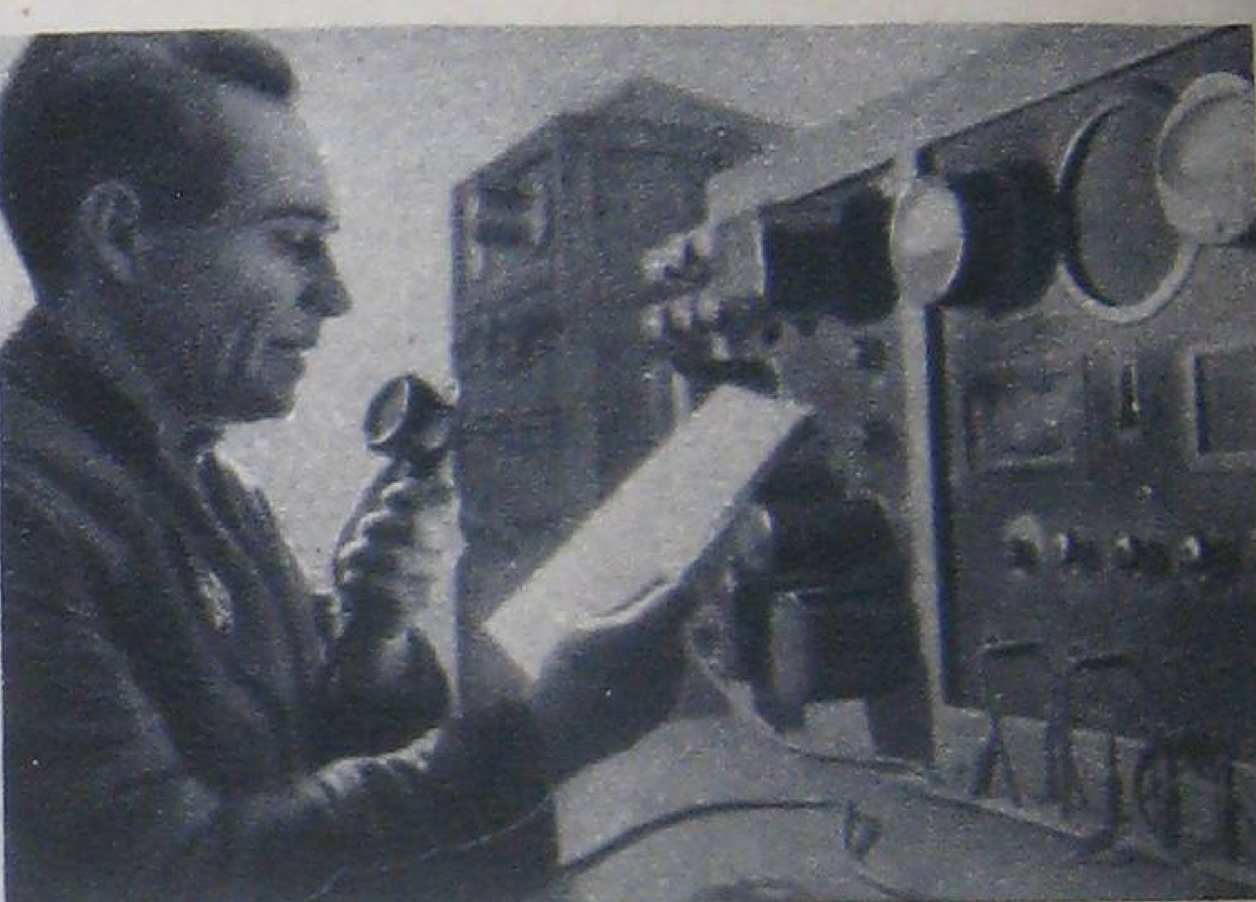
Колхозники из артели «Сила» Анна Подвигина и Петр Хатунцев апробируют в хате-лаборатории сортовую рожь.

Молодые овощеводы из колхоза «Память 22 января» постоянно советуются со своими шефами, научными сотрудниками Опытной плодо-овощной станции. Директор станции В. Ф. Петров рассказывает им, как вырастить овощи высокого достоинства, как заставить землю давать этих овощей побольше (фото справа).

На обширной площади, привлекая всеобщее внимание, нетерпеливо перебирали копытами горячие, таившие в себе стремительную силу, русские рысаки, выращенные на конефермах района (фото внизу).

Заведующий районным отделом сельского хозяйства Николай Григорьевич Галушко читает по радио лекцию. В каждой колхозной семье включены сейчас репродукторы.

Собралась у репродуктора и семья престарелого колхозника Якова Ивановича Хатунцева. Внучка Якова Ивановича старательно конспектирует лекцию. В тусклое золото пшеницы и ржи воплотятся будущим летом скупые строчки конспекта.
Сотни тонн зерна, картофеля и овощей вырастят люди сверх плана, потому что крепко подружились они с наукой. Учатся молодые и старые, полеводы и огородники.

В СТРАНЕ ПАЛЬМ И ГОЛОДА

Г. УШАКОВ, Ю. АЛЕКСАНДРОВИЧ

Теплоход «Грибоедов» вошел в бухту Гуанабара вечером. В сумерках можно было различить несколько высоких островков, а впереди горизонт охватывала огненная дуга. Над городом, залитым электрическим светом, на высокой конусообразной горе видна была гигантская фигура с распростертыми руками. Лоцман объяснил нам, что это монумент Христа на горе Корковадо.

Так мы прибыли в Бразилию, в страну, которая пышно именуется «зеленым раем». Дуга, залитая огнями, была набережной Рио-де-Жанейро. Мы прибыли сюда затем, чтобы наблюдать солнечное затмение, но попутно увидели то, о чем многие до сих пор имеют превратное представление. Мы увидели жизнь Бразилии и ее народа без всяких экзотических прикрас.

Рассказ нам хочется начать со столицы. Ее по справедливости считают красивейшим портом мира. Сами бразильцы называют Рио-де-Жанейро «сидаде маравилёза», что означает «великолепный город».

Вдоль извилистой бухты больше чем на сорок километров растянулся огромный город, прижатый горами к берегу. Роскошная тропическая растительность, ослепительно белые здания с красными черепичными крышами, четырехкилометровый широчайший пляж Копакабаны, мозаичные тротуары из белых и черных камешков, сплошная лента бешено несущихся автомобилей и оживленная толпа, одетая преимущественно в белое, придают Рио-де-Жанейро действительно великолепный вид. Но сколько, оказывается, скрывается за этим великолепием подлинного горя и нищеты!

Однажды, осматривая город, мы обратили внимание на очередь, выстроившуюся на одной из боковых улиц. Улица была нарядной. По середине ее шла пальмовая аллея. По бокам возвышалось несколько красивых многоэтажных зданий. Роскошные особняки утопали в зелени. А в конце улицы стояла странная очередь из детей, женщин и нескольких мужчин. У всех в руках были бутылки, чайники, бидоны, банки...

— Что это? — спросили мы сопровождавшего нас бразильца.

— Очередь за водой,— ответил он.

— А кто эти люди? Прислуга из особняков?

— Ну, что вы! В особняках есть водопровод. Это жители фавеллы.

— Фавеллы? А что такое фавелла?

Бразилец на минуту задумался. Потом он решительно сказал:

— Пойдемте, увидите сами.

Мы обогнули водоразборную колонку и по узкой, очень крутой тропинке начали подниматься в гору. Обогнали женщину, осторожно шагавшую с бидоном воды на голове, потом двух девочек; у одной из них в руках был чайник, у другой, совсем маленькой,— бутылка. Скоро начали попадаться жилища. Они лепились к горе все выше и выше, пока не уперлись в отвесную скалу.

Все здесь было убого. Голая, вытоптанная земля. Жалкие домишки, вернее конуры, сколоченные из досок от старых ящиков и местами обмазанные глиной. Обрывки толя и старой жести, иногда просто тряпки вместо крыши. Внутри никакой мебели, лишь в некоторых конурах — нары. У стенки свернутая в трубку цыновка—постель всей семьи. Вместо печки—очаг.

После роскоши набережной и прибрежных улиц нищета здесь просто ошеломляла.

— Это и есть фавелла! — мрачно сказал наш спутник.

Мы прошли по поселку, если его можно так назвать, и еще больше ужаснулись. Оказалось, что здесь люди живут без воды, без канализации, без электричества. У них нет школы, амбулатории, больницы. Даже кладбищ для них нехватает. Умершего бедняка хоронят на пять лет. Потом останки выкапывают и на этом месте хоронят новую жертву нищеты. А там, внизу, мы видели роскошные склепы для усопших собачек.

— И много таких фавелл в Рио? — спросили мы.

— Больше четверти населения федерального округа Рио-де-Жанейро живет в фавеллах,— последовал ответ.

Вот цифры, о которых мы узнали несколько позже: 90 процентов обитателей фавелл больны туберкулезом, малокровием, дистрофией, дизентерией и другими болезнями. Это из официального доклада, представленного в муниципальный совет Рио-де-Жанейро в марте 1947 года. Смертность здесь огромная, особенно среди детей. В печати были опубликованы статистические итоги: средняя продолжительность жизни в федеральном округе составляет 23,1 года.

«Бразилец родится усталым»,— гласит поговорка. Она станет понятной каждому, кто побывает в фавеллах. Здесь один из трех детей умирает на первом году жизни, и только один из двух доживает до 30 лет. Около половины жителей фавелл — военнообязанных — бракуется по состоянию здоровья.

Столкнувшись впервые с бытом фавелл, мы стояли, подавленные всем виденным. Вправо и влево от нас вдоль гор тянулись все те же нищенские конуры, а внизу бурлил, гудел и переливался красками «сидаде маравилёза». Роскошные улицы с дорогими отелями, шикарными ресторанами и магазинами, солидными зданиями банков и утопавшими в зелени дворцами богачей омывались с одной стороны зелено-голубыми водами океана, а с другой — сплошным морем фавелл с трущобами бедняков и беспредельной нищетой 46-миллионного народа.

...Мы в гостях. Наш хозяин — бразилец-интеллигент — с большим интересом расспрашивает нас о Советском Союзе. Мы отвечаем на вопросы. Но нам не дают покоя фавеллы и страшные цифры статистики. Хозяин с горечью говорит, что эти цифры верны и они отражают действительность всей страны.

— Профессор Клето Сеабра Велозо,— говорит он,— в статье «Бразилия — огромная больница» пишет, что, по статистическим данным, на 46 миллионов населения Бразилии приходится 8 миллионов маляриков, 8 миллионов больных анкилостомозисом, 5 миллионов сифилитиков, 800 тысяч туберкулезных, 700 тысяч больных трахомой, сотни тысяч прокаженных и, наконец, 12 миллионов больных на почве недоедания и голода.

— Что за болезнь анкилостомозис? — спросили мы.

— Это болезнь босоногих,— ответил наш хозяин.— Она уносит в могилу миллионы крестьян. Возбудители ее — черви-анкилостомы — проникают в организм человека через ступни ног.

— Как же можно лечить эту страшную болезнь?

— Лечение простое — обуть крестьянина, обуть его жену и детей... Но лекарство это не для нынешней Бразилии.

Наш собеседник достает из книжного шкафа увесистый том.

— Эта книга называется «География голода», и написал ее профессор Жозуэ де Кастро. Ученый утверждает, что нет в Бразилии места, где народ был бы всегда сыт. Он делит страну на три зоны: в одной голод царствует всегда, в другой — возникает периодически, в третьей — наблюдается хроническое недоедание. Утверждение профессора — горькая правда, и никто не может возразить против его выводов.

Да, не сладко живется жителю Бразилии, этому обитателю «зеленого рая». Основная пища бразильца — рис, фасоль и бананы. Мясо и жиры редко бывают в меню рабочего, крестьянина и батрака. В огромном количестве они пьют кофе, очень крепкий, без молока и очень невкусный, так как покупать они могут лишь самые худшие сорта.

Наши впечатления могут показаться пристрастными. Но вот еще одно свидетельство самого бразильца, того же профессора Клето Сеабра Велозо. В книге «Бразилия в отчаянном положении» он пишет: «Хроническое недоедание и голод уносят ежегодно в могилу миллионы этих обреченных людей. Как правило, бразильский крестьянин одевается в лохмотья и ходит босиком. Он живет в примитивной лачуге, не отличающейся от хижины дикаря, не имея понятия о гигиеническом жилище. Он спит на полу, почти никогда не моется

Рабочие веломастерской — подростки. Они работают за одну четверть заработной платы. Так принято в Бразилии.

и землю обрабатывает мотыгой. 85—90 процентов крестьян в Бразилии совершенно неграмотны, они одержимы всевозможными суевериями и в своем умственном развитии отстали по крайней мере на 400 лет».

Остается добавить, что в некоторых районах Бразилии одна больничная койка приходится в среднем на 10 тысяч человек населения, одна сиделка — на 38 тысяч человек и один врач — на 60 тысяч человек, а 10 процентов населения Бразилии вообще лишены какой-либо медицинской помощи. Это тоже официальные цифры: они были оглашены в бразильском парламенте.

...Бразилия — страна земледельческая. В сельском хозяйстве занята основная масса населения. Кукуруза, рис, кофе, сахарный тростник и фасоль — главные продукты сельского хозяйства.

Кофе в Бразилии еще недавно было монокультурой. Оно и сейчас является главным предметом экспорта. Однако бразильское кофе давно утратило славу лучшего в мире. Хищническая эксплоатация земли, недостаток удобрений ведут к истощению плантаций, и качество кофе становится все хуже и хуже.

Нигде в Бразилии труд не доставляет радости человеку, но на кофейных плантациях он особенно тяжел и безрадостен. Рабочие-батраки настолько закабалены контрактами, что, по существу, они рабы плантатора. Вынужденные покупать все продукты и товары в лавке хозяина, они вечные его должники. Рабочие не могут покинуть плантации, и в случае бегства им грозит тюрьма.

Немногим легче и положение промышленных рабочих. По официальным, очень заниженным данным, прожиточный минимум семьи для Рио-де-Жанейро определяется в 2700 крузейро в месяц. А рабочий в среднем зарабатывает 600—800 крузейро. Чтобы свести концы с концами, вынуждена работать вся семья, включая подростков и детей. Детский труд оплачивается в 3—4 раза ниже, чем труд взрослых. Почти в каждой мастерской можно увидеть оборванных, изможденных подростков и детей. В одном отеле Рио-де-Жанейро семилетний мальчик часами стоял у входа в ресторан. Он был затянут в мундирчик и стоял на вытяжку. Днем малыш убирал помещение и чистил ковры. Его рабочий день заканчивался только поздно ночью.

Редко проходит неделя, чтобы газеты Рио-де-Жанейро не сообщили об очередном самоубийстве. Изголодавшиеся, изверившиеся и отчаявшиеся бедняки поднимаются на Корковадо и бросаются вниз с подножия монумента Христа, благословляющего столицу страны бесправия, нищеты и голода.

Трудящиеся, прогрессивная интеллигенция и даже некоторая часть бразильской буржуазии понимают положение, в котором находится их родина. Они ищут выхода.

Прогрессивные демократические слои населения часто обращают свой взор к Советскому Союзу. Вопреки бешеной антисоветской пропаганде, которую ведут реакционеры и поджигатели войны, трудящиеся Бразилии любят Советский Союз, видят в нем оплот всеобщего мира и демократии, друга и защитника угнетенных народов.

Когда в Рио-де-Жанейро демонстрировался советский фильм «Парад молодости», появление на экране товарища Сталина неизменно встречалось аплодисментами и приветственными криками.

В 1945 году в городе Сан-Пауло был учрежден Институт культурной связи Бразилии с СССР. Он объединил многих видных бразильских ученых, проводил лекции, конференции, устраивал выставки, посвященные Советскому Союзу.

В Бразилии было издано много книг советских и иностранных писателей и общественных деятелей о Советском Союзе, переведено много классиков русской литературы.

Все это показывает, насколько глубоки симпатии трудящихся масс и прогрессивных слоев интеллигенции к Советскому Союзу.

В симпатиях бразильского народа мы убедились сами во время нашей поездки по Бразилии. По пути следования нашего поезда на станциях собирались многие жители городов. Они просили оставить им на память какой-нибудь сувенир. Рабочий-негр, которому мы подарили однажды обыкновенную почтовую марку, поднял ее, как знамя, и проговорил с волнением: «Совет! Москва! Сталин!» Он двинулся через толпу, и многие глаза провожали маленькую советскую марку — кусочек далекой, но родной Москвы.

Вопреки воле своего народа, вопреки интересам своей страны бразильское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР. Почему? Теперь, когда мы побывали в самой Бразилии, ответ нам совершенно ясен. Его можно выразить одним словом — «импортадо».

В бразильском магазине продавец, расхваливая товар, настойчиво повторяет: «Импортадо! Импортадо!» В Бразилии большинство товаров — «импортадо». Зубочистки сюда привозят из Португалии, яблоки и виноград — из Аргентины, рыбу — из Норвегии, лук — из Египта.

Так выгодно некоей иностранной державе, на откуп которой отдана вся экономика Бразилии. 63 процента бразильского импорта приходится на долю США. В Бразилию ввозят все, что заблагорассудится, и, как правило, не то, чего требует экономика страны.

В период второй мировой войны импорт предметов широкого потребления из США сократился. Зародилась бразильская легкая промышленность, появились надежды на ее развитие. Но кончилась война, и американским монополиям вновь потребовался рынок для сбыта своих товаров. И, отказывая Бразилии в заводском оборудовании, капиталисты Северной Америки стали завозить по демпинговым ценам большое количество именно тех товаров, которые производятся в самой Бразилии. Не выдерживая конкуренции, предприятия стали либо закрываться, либо переходить в руки новых хозяев, тоже помеченных маркой «импортадо». Все это резко ухудшило положение трудящихся.

Лапа Уолл-стрита чувствуется всюду: в торговле, в промышленности, в сельском хозяйстве, в разработке естественных богатств, в добыче нефти, каучука. Задолженность Бразилии достигла в 1947 году 750 миллионов долларов. Только в виде процентов Уолл-стрит выкачивает из Бразилии ежегодно около 150 миллионов долларов.

Трудящиеся и прогрессивная интеллигенция видят, как их родина теряет независимость, и они борются против засилия американских монополий. Ведущая роль в этой борьбе принадлежит компартии Бразилии, ныне запрещенной.

А что касается реакционной верхушки буржуазии, президента Бразилии Дутра, его правительства,— все они смело могут поставить на своей внутренней и внешней политике штамп со словечком, имеющим в Бразилии столь широкое распространение,— «импортадо».

Жители фавелл в очереди за водой.

Линия обреза

На новогодней елке в Московском городском доме пионеров. Дед Мороз среди ребят.

Фото Э. Гуттарца

Мой рубль

Михаил ЛУКОНИН

Я новый рубль
В карман кладу, —
Он полной ценою вечен,
Он выпущен
в сорок седьмом году,
Моим трудом обеспечен.
Да здравствует
твердый курс трудовой —
Ценность и сила веская —
Новый рубль
полноценный мой,
Валюта моя советская!
Заокеанский мешок тугой
Долларом душит страны,
К Европе тянется жадной
рукой,
Лезет в ее карманы.
Но не купишь!
Рабочий класс
Святая ненависть движет,
Народ трудовой
смотрит на нас
В Неаполе и Париже.
Честность рубля моего
видна
Глазам всего человечества,
Его полноценность
подтверждена
Гербом моего отечества.

НОВОГОДНЕЕ...

Вступив на тихоокеанские берега нашей Родины тогда, когда еще в столице только темнело, часов семь шагал от меридиана к меридиану Новый год, пока, наконец, в московскую полночь появление его не возвестили куранты кремлевской башни... И на знакомый перезвон башенных часов, слышимый по радио во всех уголках нашей земли, отозвался заздравный звон наполненных стаканов: «С Новым годом! С новым счастьем, товарищи!..»

Наступил 1948-й!

Как хороша была в Москве эта новогодняя ночь, скрепленная алмазной печатью легкого морозца! Зажглись на площадях разукрашенные электрическими монистами елки. Закружились вокруг них шумные хороводы, оркестры затрубили славу наступившему году, песни на улицах встретили его. Шумел, ликовал, искрился праздник. Пестрые созвездия елок в окнах, пляшущие, веселые тени на занавесках. А на улицах в этот час все знакомы друг с другом: «Товарищ постовой! С Новым годочком вас от всей нашей честной компании!» «И вас, граждане, с тем же! Счастья желаю!..»

— Товарищ вагоновожатый!.. Счастливо оставаться. Поибыли. Остановка Новые дома. Новый год! Нам сходить.

— Заходите через годик, дальше повезу!

В метро перекликались с эскалаторов:

— Эй вы, которые вниз... старый год спускаете!.. С праздником вас!

— А вы, видите, с Новым годом возноситесь! Счастливо вам гулять...

Молодежь колхоза имени Ворошилова (Ухтомского района Московской области) на встрече Нового года.

Фото В. Соболева и В. Егорова (ТАСС)

В заводских клубах, где гремели медью новогодние балы и взлетали бумажные ракеты серпантина, поздравляли друг друга сослуживцы, товарищи, цеховые соратники:

— Ну, брат, с Новым годом! Желаю тебе в третьем году пятилетки пятый закончить!

— И тебе, дорогой, желаю в 1948-м за 1951-й отчитаться! Будь здоров!

Сортировались на почтамте тысячи поздравительных телеграмм, готовых, как было помечено в заказе на бланке, утром отправиться по адресам. Печатались в типографиях первые номера газет нового года и корректоры внимательно исправляли на первой полосе цифры: устаревшую уже в эту ночь семерку на новорожденную восьмерку — 1947-й на 1948-й! А сверху крупно: «С НОВЫМ ГОДОМ, ТОВАРИЩИ!»

И набирались строки на газетных страницах, повествующие о тех славных делах и творческих победах, с которыми пришел наш народ к новогодней дате, с радостной уверенностью и смелым взглядом, с какими смотрят советские люди в лицо будущему. И ложились в другие, соседние строки вести из зарубежья, из мира по ту сторону границ наших, где тысячи людей в эту новогоднюю ночь робко заглядывали на дно своего недопитого бокала, тщетно пытаясь разглядеть сумрачный для них завтрашний день начавшегося года...

Веселое, торжественное новогодье справлял в те часы советский народ. Без тени сомнения, с твердым убеждением, что завтрашний день будет еще прекраснее вчерашнего, а сегодняшний прожит недаром, со славой и честью вступила наша страна в третий год послевоенной сталинской пятилетки.

И в самые первые дни нового года в громе новой трудовой славы прозвучали имена тех, кто героически восстановил шахты всесоюзной кочегарки, Донбасса,— благодарная страна воздала славу героям! Прошел еще день — и на всю Советскую страну прогремели имена замечательных мастеров колхозного урожая, одержавших блистательную победу в борьбе за хлебное изобилие в государстве: страна узнала о присвоении звания Героя Социалистического Труда неутомимым труженицам курских колхозных полей!

Так, в славе вдохновенного и упорного труда на благо Родины, начался год 1948-й.

Младшие граждане Советской страны, видевшие в полночь с 31 декабря на 1 января Новый год только во сне, увидели его наяву утром.

Наступили желанные новогодние каникулы в школах. Гуляй, школяры, веселись, детвора! Как звонок лед на катках, какая веселая кутерьма идет на крутых горках в парках культуры и отдыха, где целые санные поезда мчатся один вдогон другому! И чудо-звери изо льда выросли у входа, и сам Дед Мороз Красный нос в бархатной звездчатой шапке с вьюжной бородой едет по снежной аллее... А на облучке у него Снегурочка, а за санями расписными скачут гурьбой лисы, зайцы, скоморохи и шагает, невесть как заблудившийся тут, видно, уже привыкший к московскому морозному климату высоченный жираф с наставной шеей.

В клубах, дворцах пионеров и школах с утра до ночи новогодний карнавал. Приезжают в гости к ребятишкам артисты, музыканты. Здесь концерт, а там вдруг тишина: приехал рассказывать о достижениях советской науки почтенный академик, ученый, известный всему миру.

Ходят вокруг елок и ведут беседы с малышами детские писатели. А герои из их книжек тут как тут... И читатели, и автор, и герои — все довольны друг другом. «С Новым годом! С новыми книжками! С новыми друзьями!» Про что же вам еще написать?

— Напишите про нашу жизнь в 1978-м году! Чтоб мечтать...

— Напишу!.. Ладно! Помечтаем...

— А что вы напишете?

— Что она будет еще на тридцать лет лучше, чем в 1948-м! Растите большие!

А в только что отремонтированном и потому еще более ярком, еще во много крат ставшем нарядиее, чем всегда, Колонном зале Дома союзов, огромной алой звездой касаясь белоснежного потолка, по которому вдруг разбегаются радужные снежинки, стоит, кружится, сыплет бегущие огни отблесков «Главная елка Советского Союза»,— так называют ее маленькие москвичи. Трижды в день зажигаются на ней огни, трижды в день пестрая и звонкая кутерьма разыгрывается под елкой и «главный» Дед Мороз ведет вереницу зверей, акробатов, волшебников, затевая новогодний карнавал.

Мамы внизу, в вестибюле, терпеливо ожидают своих питомцев, которые с подарками в руках сбегают по широкой лестнице, когда елка, наконец, гаснет (а гаснет она столь же роскошно, как и зажигается!). И бегут, спешат к матерям малыши:

— Смотри, что мне сам Дед Мороз дал!.. Ой, какой хороший в этом году Новый год!..

Лев КАССИЛЬ

Школьные каникулы. В Детском городке Сокольнического парка культуры и отдыха.

Фото Э. Гуттарца

Более полутора тысяч учащихся выпускных классов средних школ столицы собрались на традиционный новогодний бал в Колонном зале Дома союзов.

Фото Э. Евзерихина (ТАСС)

Больше товаров для населения

Беседа с министром легкой промышленности СССР товарищем Н. Е. ЧЕСНОКОВЫМ

Наступил 1948 год — третий год послевоенной сталинской пятилетки. Вместе со всей армией тружеников Советской страны большими производственными успехами встретили Новый год и работники легкой промышленности, производящие для населения обувь, одежду, посуду и другие товары.

Министр легкой промышленности СССР тов. **Н. Е. Чесноков** в интервью со специальным корреспондентом «Огонька» А. Захаровым рассказал, как развивалась государственная легкая промышленность, восстанавливая свое хозяйство после войны, и какие задачи стоят перед промышленностью в новом году:

— Война нанесла серьезный ущерб нашим предприятиям. В районах, оккупированных врагом, находилась значительная часть фабрик и заводов легкой индустрии, созданной в годы сталинских пятилеток. Враг почти полностью разрушил и разграбил эти фабрики и заводы. Восстановление легкой промышленности началось сейчас же после изгнания оккупантов.

Проявляя постоянную заботу о трудящихся, партия, советское правительство и лично товарищ Сталин уделяют легкой промышленности большое внимание. В декабре 1946 года правительство приняло постановление «О мероприятиях по ускорению подъема государственной легкой промышленности». Были увеличены ассигнования на строительство новых и восстановление разрушенных предприятий. Легкая промышленность получила дополнительно большое количество оборудования, материалов, сырья. Все это позволило значительно увеличить выпуск товаров для населения.

— Скажите, товарищ министр, какие основные восстановительные работы велись в 1947 году?

— Возрождались и заново создавались кожевенные, обувные, трикотажные и швейные предприятия в Молдавии, Латвии и Литве. Восстанавливались обувные фабрики в Киеве, Днепропетровске, Гродно, Ростове на Дону, чулочная фабрика во Львове, трикотажная фабрика «Красное знамя» в Ленинграде.

— Каких результатов достигла легкая промышленность в 1947 году?

— Минувший год принес нам, как и другим отраслям промышленности Советской страны, немалые производственные успехи. 12 декабря 1947 года легкая промышленность СССР выполнила годовой план. Население получило сверх плана на миллионы рублей товаров широкого потребления. Обуви было выпущено на 2 с лишним миллиона пар больше, нежели предусматривалось планом. Значителен был рост и других товаров; так, например, чулок и носок было выпущено на 60 процентов больше, чем в 1946 году, белья — на 40 процентов больше, верхнего трикотажа — на 50 процентов. В два с половиной раза больше было выпущено пальто, в два раза — костюмов.

— Как будет развиваться легкая промышленность в 1948 году?

— Нас, конечно, не могут еще удовлетворить результаты прошлого года. Новый год, говорим мы, советские люди,— это новые темпы, новые достижения. Историческое решение Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о денежной реформе и отмене карточек поставило перед работниками легкой промышленности ответственные задачи. Мы должны дать населению еще больше товаров. В кратчайший срок необходимо восстановить довоенный уровень производства товаров широкого потребления. Наряду с увеличением выпуска продукции правительство требует от нас обеспечить и более широкий ассортимент, улучшить качество товаров.

В отделе готового платья Центрального универмага в Москве. Фото М. Трахмана

Две тысячи новых моделей платья будут выпускать в 1948 году фабрики Министерства легкой промышленности СССР.

— Товарищ министр, расскажите, что делается сейчас для обогащения ассортимента и улучшения качества товаров легкой промышленности?

— Еще в прошлом году на обувных фабриках «Буревестник», «Парижская коммуна», «Пролетарская победа» и на предприятиях московского городского управления легкой промышленности был организован выпуск обуви с цветным верхом из замши, лака, велюра. Увеличился выпуск ботинок на микропористой резине, которые значительно прочнее обуви на кожаной подошве. Трикотажная промышленность увеличила выпуск высококачественных коттонных чулок, рисунчатых носок. Трикотажные бельевые фабрики приступили к выпуску белья новых фасонов из трикотажного полотна высокого качества. Начался выпуск верхних трикотажных изделий по 100 новым моделям. В первом полугодии 1948 года на швейных фабриках внедряется более двух тысяч новых моделей костюмов, пальто и т. д. Этим, конечно, не ограничится борьба за качество и расширение ассортимента. Мы думаем, что нам в этом помогут и работники химической промышленности, поставляющие для нас всевозможные красители, помогут и текстильщики, дающие нам пряжу и ткани. Потребитель вправе надеяться, что его вкус и его требования будут в новом, 1948 году удовлетворены значительно лучше, чем в истекшем году.

В нынешнем году министерство расширяет выпуск стеклянной сортовой посуды. На Гусевском хрустальном и Дятьковском стекольном заводах возобновлено в широких размерах производство сервизов, ваз и другой посуды из хрусталя. Начали выпускать посуду стекольные заводы имени Свердлова, Неманский и Киевский.

В ближайшие месяцы в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Ташкенте и Горьком открываются магазины Министерства легкой промышленности для продажи обуви, готового платья, трикотажа. Непосредственное общение производственников с потребителем поможет еще лучше удовлетворять спрос населения на товар высокого качества.

— Товарищ министр, какими новыми предприятиями легкой промышленности обогатится наша страна в новом году?

— Из наиболее крупных предприятий мы намечаем пустить вскоре швейную фабрику в Вильнюсе, войдет в строй первая очередь кожевенного завода в Кишиневе, начнет выпускать пряжу новая фабрика во Фрунзе, удваивается мощность обувных фабрик в Зарайске и Одессе. На полную мощность начнут работать Кишиневская и Львовская обувные фабрики, чулочная фабрика «КИМ» в Витебске будет выпускать в год 20,5 миллиона пар чулок. Начнется строительство чулочных, прядильных и обувных фабрик. В частности, прядильная фабрика будет сооружена в Кургане, обувная — в Риге, швейная — в Кишиневе.

Работники легкой промышленности прекрасно понимают, что от их труда, от их творческой инициативы во многом зависит улучшение материального благосостояния народа. С небывалым размахом развернулось на наших предприятиях социалистическое соревнование за досрочное выполнение пятилетнего плана. Творческая инициатива советских людей поистине неисчерпаема. Достаточно сказать, что в легкой промышленности — более двадцати тысяч изобретателей и рационализаторов. В прошлом году они внесли 32 тысячи предложений, из них свыше 25 тысяч внедрено в промышленность. Рабочие, инженеры и техники легкой промышленности обязались в 1948 году дать населению страны больше обуви, одежды, трикотажа, галантерейных товаров, посуды. Они не пожалеют сил, чтобы с честью выполнить эти обязательства и тем самым оправдать доверие партии, правительства и советского народа.

245 ЛЕТ РУССКОЙ ПЕЧАТНОЙ ГАЗЕТЫ

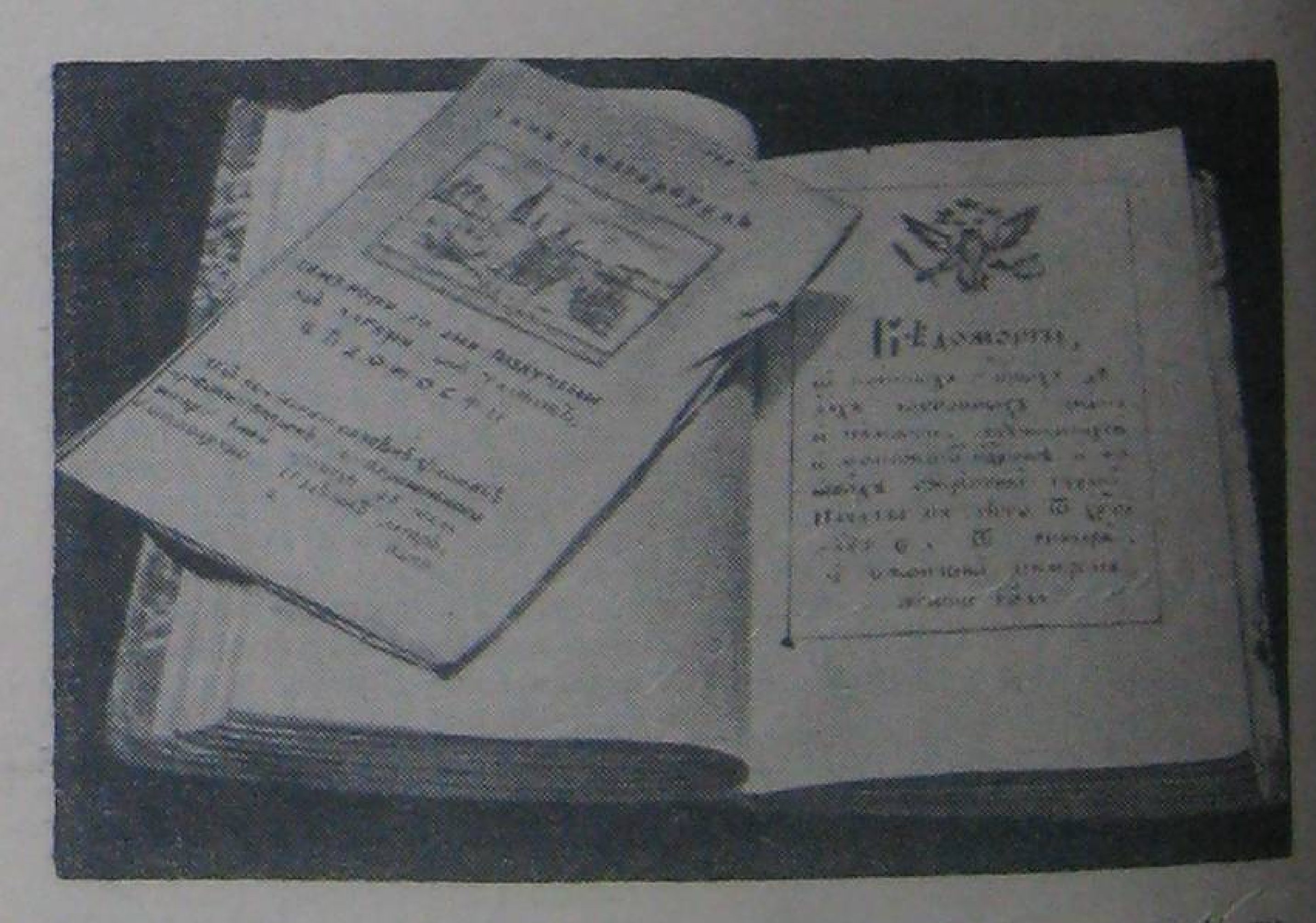
Исполнилось 245 лет со дня выхода первой русской газеты. По указу Петра I в Москве 27 (16) декабря 1702 года вышла первая русская печатная газета. До той поры в России выпускались лишь рукописные ведомости, или, как они назывались, куранты иностранных известий. В указе Петра от 26 декабря 1702 года говорилось, чтобы ведомости «на Печатном дворе печатать и продавать в мир по надлежащей цене».

Государственный литературный музей отметил эту дату специальным научным заседанием в пятницу 2 января. Кандидат филологических наук В. Д. Кузьмина познакомила участников заседания с новейшими данными по истории русской газеты и ее первых сотрудников. О развитии русской периодической печати и современном мировом значении советской прессы рассказал Д. О. Заславский.

Профессор Казанского университета Харлампович в 1919 году обнаружил в архивных материалах первые экземпляры газеты. «Ведомости с Цесарских писем» — так назывался первый номер газеты. Он содержал только иностранные известия. Второй номер уже был посвящен отечественным событиям и назывался «Ведомости Московского государства». О победе русского оружия сообщал номер от 7 января 1703 года — «Юрнал о взятии Нотебурга».

Петр I хотел сделать газету доступной народу по языку и по цене. Выходила она не регулярно, а по мере того, как набирались известия. Бывали годы, как, например, 1717 год, когда вышло лишь три номера газеты. В среднем в год выходило 50 номеров. Тираж газеты не превышал тысячи экземпляров. Исключение составляли особо торжественные номера. Например, номер с описанием Полтавской баталии вышел в четырехтысячном тираже. Стоила газета, за исключением специальных номеров, «две деньги».

Несмотря на попытки Петра I приблизить газету к народу, она не была популярна, и большая часть тиража оставалась нераспроданной. Объяснялось это тем, что широкий читатель не находил в ней отражения своей жизни. Кроме иностранных известий ведомости освещали экономику России. Газета помещала сообщения о ценах на товары, о прибывших торговых судах, о месторождениях железа, серы, меди, о новых фабриках и заводах. А все это интересовало лишь узкий круг торговых людей.

Номер газеты состоял из четырех маленьких страниц (⅛ листа), печатался мелким шрифтом, и только крупные события выделялись киноварью.

Первым редактором «Ведомостей» был сам Петр I. На сохранившихся оригиналах видны многочисленные его замечания, правка, пояснения иностранных и непонятных слов и надписи «к неукоснительному и быстрому тиснению».

В газете длительное время не было специальных сотрудников. По приказу Петра в ведомости писали дипломаты и послы при иностранных дворах. Только с 1719 года в газете появились первые постоянные сотрудники — Борис Волков, переводчик коллегии иностранных дел, и Яков Синявин, первый русский хроникер и фельетонист. Яков Синявин описывал карнавалы, празднества при дворе, красоты Санкт-Петербурга.

Сначала газета печаталась в Москве, в типографии Печатного двора, а после основания Петербурга стала печататься в обоих городах.

Посетители Литературного музея могут увидеть сохранившиеся экземпляры петровской газеты, называвшейся долгие годы «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах».

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

СОВЕТСКАЯ ТКАЧИХА В ПОЛЬШЕ

Надних вернулась в Москву из поездки в Польшу знатная ткачиха комбината Трехгорной мануфактуры имени Дзержинского Наталья Ильинична Дубяга. Она побывала на текстильных предприятиях демократической Польши и поделилась своими впечатлениями с корреспондентом «Огонька».

— Почему именно на Вас пал выбор для поездки в составе советской делегации на съезд профсоюза польских текстильщиков? — задали мы вопрос советской ткачихе.

— Мне кажется, — ответила она, — что это произошло по двум причинам. Прежде всего я—потомственная ткачиха и с шестнадцати лет работаю на Трехгорной мануфактуре. Здесь же 33 года работает ткачихой и моя мать, работала сестра, заканчивающая сейчас учебу в текстильном техникуме, работал брат, погибший на фронте. Отец тоже работал на «Трехгорке» до своей смерти. Все мои родные — ткачи. Вторая причина заключается, очевидно, в том, что я с 1938 года работаю на шестнадцати станках и с тех пор непрерывно увеличиваю производительность своего труда. «Трехгорка» меня воспитала, здесь я вступила сначала в комсомол, а потом и в партию. Дважды рабочие «Трехгорки» избирали меня депутатом Московского Совета.

— Расскажите, пожалуйста, о Ваших встречах с польскими текстильщиками.

— Первая встреча состоялась на многолюдном съезде польских текстильщиков в Лодзи. Советскую делегацию встретили восторженно, криками «ура», возгласами приветствий в честь товарища Сталина и советско-польской дружбы. Председатель Центрального комитета профсоюза рабочих текстильной промышленности Н. А. Муравьева выступила на съезде с докладом о работе и жизни текстильщиков СССР. После этого делегаты потребовали, чтобы выступила русская ткачиха — так они назвали меня. Я рассказала им о своей стахановской работе и призывала польских текстильщиков также перейти на обслуживание большего числа станков.

Нужно отметить, что польские ткачи вначале с недоверием относились к тому, что я обслуживаю шестнадцать станков. Когда я закончила свое выступление, меня окружили делегаты съезда и стали допытываться, действительно ли я ткачиха. Пришлось показать им свои руки, и, лишь заметив на них мозоли, они убедились в правоте моих слов. В дальнейшем мне пришлось показать свой стахановский труд на одной из польских фабрик. Произошло это вот как.

Мы, иностранные гости, посетили самую большую фабрику в Лодзи. Среди нас были голландцы, венгры, чехословаки. Нас, советских ткачих, поразило, как медленно протекает работа на польской фабрике. Я обратила внимание, что скорость станков значительно ниже, чем у нас. Не выдержало мое сердце ткачихи. Заметила несколько бездействовавших станков и подошла к ним. Взялась за ручку, пустила станок. Это вызвало удивление у польских ткачей: они обычно пускают станок за маховик и даже сделали мне указание, что я поступила якобы неправильно.

— Зачем браться за ручку? — спросили они.

— Так получается быстрее, — ответила я и подсчитала, что на пуске шестнадцати станков я таким образом выигрываю полторы минуты.

Мне не пришлось показать полностью свою работу на польской фабрике, так как рядом со мной оказалось только четыре пустовавших станка. Я проработала на них несколько минут. Не только польские ткачи, но и голландцы, венгры и чехословаки с интересом наблюдали, как работает советская стахановка. Но станки вращались так медленно, что мне то и дело хотелось руками ускорить движение погонялки.

Затем мы пошли дальше по фабрике и остановились возле одной работницы, которая, вследствие получившегося на ткани брака, разрабатывала нити обратно. Я стала ей помогать и, хотя она уже давно занималась этим делом, быстро ее догнала.

— Вы очень спешите, — сказала мне польская ткачиха.

— Чем быстрее мы работаем, — ответила я, — тем больше тканей получает советский народ. Это в наших интересах.

— У нас нельзя так работать, — пытались утверждать некоторые польские ткачи.

— И на ваших предприятиях можно и нужно так же работать, — убеждала я их.

Весть о том, что советская ткачиха работает на шестнадцати станках, быстро облетела всех польских ткачей. Нередко мне даже на улице приходилось слышать, как люди говорили друг другу, указывая на меня: «Вот идет русская ткачиха, которая работает сразу на шестнадцати станках».

— Нашлись ли среди польских ткачей Ваши последователи? — спрашиваем у Натальи Дубяги.

— Стахановские методы работы, — отвечает она, — вызвали несомненный интерес у польских текстильщиков. Несколько позднее мы встретились с польскими работницами. Среди них были две девушки, которые, узнав о том, что я работаю на шестнадцати станках, заявили о своем желании одновременно обслуживать восемь станков, с тем чтобы потом достигнуть советского, стахановского рекорда. Эти девушки горячо говорили мне о своем стремлении стать стахановками, о том, что их инициативу поддержал профсоюз и что они сейчас уже работают на восьми станках.

— Какое впечатление произвела на Вас современная, демократическая Польша?

— Мне хочется отметить трудолюбие польских рабочих. Текстильные предприятия, так пострадавшие после немецкого нашествия, почти полностью восстановлены благодаря трудовому энтузиазму польского рабочего класса. Стахановское движение в Польше, делающее свои первые, робкие шаги, несомненно, получит широкое развитие. Польский народ полон уверенности в своих силах и питает чувства искренней дружбы к своему великому соседу — могучему Советскому Союзу, в котором видит своего искреннего защитника и бескорыстного друга. В этой любви к советскому народу мы убеждались на каждом шагу, при каждой встрече с польскими рабочими, интеллигентами, солдатами и офицерами польской армии.

Знатная ткачиха страны Мария Волкова на работе в цехе.

Фото Ф. Кислова

ПРАЗДНИК В ОРЕХОВО-ЗУЕВЕ

Широкой асфальтированной лентой пролегла дорога от Москвы на Горький. Из окна автомобиля видны запорошенные снегом леса и поля.

Ветка шоссейной дороги уходит от магистрали к знаменитому городу текстильщиков, раскинувшемуся на живописных берегах Клязьмы. Орехово-Зуево славится своим огромным хлопчатобумажным комбинатом — предприятием, которому недавно исполнилось 100 лет. Президиум Верховного Совета СССР отметил этот знаменательный юбилей, наградив комбинат и его работников за успешное выполнение заданий правительства по выпуску тканей для народного хозяйства. Комбинату вручается орден Ленина.

Заслуженную славу среди всех текстильщиков страны приобрела молодежная бригада ткачихи Марии Волковой. Но это ее не удовлетворило. Волкова и ее подруги прокладывают новые пути повышения производительности труда. Настойчиво овладевая техникой, они перенимали опыт передовых ткачих, добивались высокого мастерства в труде. Обобщив лучшее, бригада создала свои собственные методы многостаночного обслуживания. С 1945 года каждая ткачиха бригады работает на 16 станках и вчетверо превышает установленные нормы.

Метод многостаночного обслуживания стал сейчас достоянием многих ткачих. Об этом позаботились хозяйственные руководители и партийная организация. На комбинате созданы стахановские школы. Опытные стахановцы систематически передают свои знания молодым рабочим.

Выпуская все больше продукции, ореховские текстильщики улучшают вместе с тем свою жизнь, свой быт.

Только одних пособий по временной нетрудоспособности было выдано 3500 тысяч рублей, 1760 тысяч рублей израсходовано на пособия инвалидам, беременным женщинам и кормящим матерям, на оказание единовременной помощи престарелым и семьям многодетных рабочих.

Свыше 470 тысяч рублей пошло на лечебное питание. 250 рабочих ежемесячно направляются в диэтические столовые комбината. Многие получают питание бесплатно, другим делается скидка от 55 до 75 процентов.

Фабком содержит на свои средства благоустроенный пионерский лагерь. За лето в нем отдохнули и поправили здоровье 1375 ребят, 815 детей комбинат вывозил на дачи.

Значительные средства — свыше 400 тысяч рублей — израсходованы на культурно-массовую и спортивную работу. В текущем году 1610 текстильщиков провели очередные отпуска на курортах Юга и в других здравницах страны. Подавляющая часть из них получила путевки в собственный дом отдыха.

Мы проходим по улицам текстильного поселка и видим на воротах фабрик, на стенах домов и на заборах метровые буквы афиш:

«Ореховский хлопчатобумажный комбинат объявляет набор рабочих — ватерщиц, ленточниц, банкаброшниц, тазовщиц и других профессий. Лицам, не имеющим специальности, обеспечивается индивидуальное обучение с оплатой 80% тарифной ставки соответствующей должности. Всем рабочим, не имеющим жилой площади, предоставляется общежитие».

Сколько глубокого смысла в этом суховатом официальном объявлении! Оно раскрывает характер советского строя, при котором нет и не может быть безработицы. И недаром, глядя на него, 86-летняя пенсионерка тов. Кириллова напомнила нам о днях, когда выброшенные фабрикантами за ворота рабочие оставались без куска хлеба.

— Слава богу, что этого больше нет, — заключила она.

Но ее тут же поправила молодая текстильщица Семенеева:

— Нет этого, бабушка, только у нас, в нашей стране. В Америке, Франции, Англии и многих других странах миллионы людей ходят без работы. Там попрежнему над рабочими мудруют хозяева.

П. КАПЫРИН,
Д. ЗАРАПИН

ВРУЧЕНИЕ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ И ПОЛНОМОЧНЫМ ПОСЛАННИКОМ СССР В МНР.

Чрезвычайный и полномочный посланник СССР в Монгольской Народной Республике Н. П. Важнов вручил верительные грамоты председателю Президиума Малого хурала Монгольской Народной Республики Бума-Цендэ. На снимке (слева направо): Чрезвычайный и полномочный посланник СССР в МНР Н. П. Важнов, Председатель Президиума Малого хурала МНР Бума-Цендэ, премьер министр и министр иностранных дел МНР маршал Чойболсан.

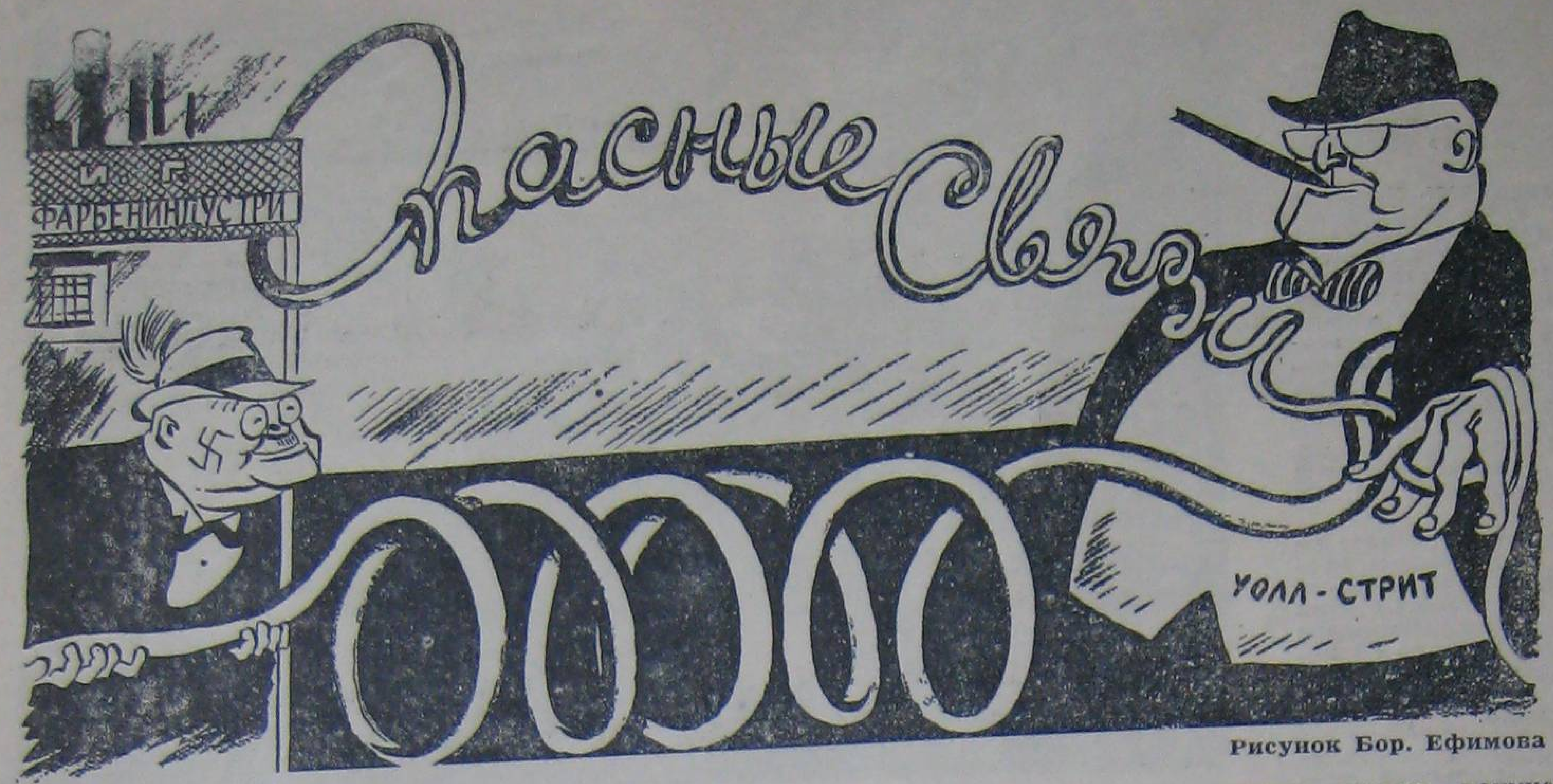

Рисунок Бор. Ефимова

Из дневника обозревателя

И. ВДОВИН

Случился такой казус в годы первой мировой войны. Англичане отбили у немцев полевую пушку и установили её как памятник бойцам, погибшим при её захвате. Но после кто-то, внимательно рассматривая трофей, с удивлением обнаружил на нем надпись по-английски. Орудие оказалось с маркой английской оружейной фирмы Виккерс, которая продала пушку немцам.

Всего через четверть века казус повторился, причем не с одной, а с тысячами пушек. Англия и США снова вступили в войну с противником, которому они сами помогли вооружиться. В то же время их собственная мощь была сильно подорвана Германией. Главную роль в этом, среди прочих немецких фирм, сыграла «И. Г. Фарбениндустри».

Двадцать четыре руководителя этого концерна сидят сейчас на скамье подсудимых в Нюрнберге. Среди них Шмитц — председатель правления, Шмитцлер — член узкого правления, Макс Ильгнер — руководитель отдела шпионажа—и другие.

Медленно, очень медленно движется этот первый в истории процесс промышленников, обвиняемых в подготовке и проведении агрессивной войны. Давно уже все выяснено и установлено, давно уже мог быть вынесен самый приговор, но чья-то могущественная, издалека протянутая рука не дает опуститься мечу правосудия.

...История «И. Г. Фарбениндустри» начинается в середине 60-х годов прошлого века, когда были основаны два химических предприятия: в городе Хехст — всего с пятью рабочими — и в Людвигсгафене — с тридцатью. Из этих двух заводиков выросло современем крупнейшее промышленное объединение, активы которого достигли суммы в 6 миллиардов долларов.

Крупп после первой мировой войны вынужден был на первых порах прикрыть свой хищный оскал миролюбивой улыбкой. Его фирма шумно рекламировала новые изделия—зубные коронки из нержавеющей стали, пишущие машинки и плуги. Владельцы химических фирм не стали утруждать себя даже такой невинной маскировкой. Союзники их не беспокоили.

Фирмы росли, как на дрожжах. Дрожжами для них служили щедрые иностранные займы и правительственные субсидии. Дело в том, что за стенами фирм вырабатывались не только новые химические продукты, но и планы завоевания мира. Эти планы требовали консолидации. В 1925 году крупнейшие химические фирмы Германии объединились в единый концерн «И. Г. Фарбениндустри» (И. Г. — Интерессен-Гемейншафт означает «общий интерес»).

Тогда же руководитель концерна Карл Дуисберг заявил, что Германии «необходимы вожди, могущие действовать, не считаясь с капризами масс». Наиболее подходящими с этой точки зрения оказались Гитлер и его приспешники.

Выборы 1932 года принесли успех немецким демократам. Нацисты потеряли два миллиона голосов. Для них это был критический момент. В своем дневнике Геббельс записал: «Глубокое уныние по всей организации. Чувство крайней усталости; хочется хоть на несколько недель отойти от всех этих дел... Прошлое—неубедительно, будущее — представляется темным и мрачным. Все надежды как будто исчезли...»

Нацистов выручили немецкие толстосумы. Они вручили Гитлеру 3 миллиона марок. Львиную долю суммы внес «И. Г.». Всего в кассу нацистской партии от «И. Г.» поступило 40 миллионов марок. Расходы должны были окупить себя сторицей. Гитлер у власти означал войну. Война означала сверхприбыли. Кривая доходов быстро взлетала вверх. В тридцать втором году они составляли 17 миллионов марок, в сорок третьем — 571 миллион.

Во время войны «И. Г.» и немецкая армия распределили свои обязанности. Солдаты набивали чемоданы часами и мехами, требовали у крестьян «яйки» и стреляли поросят. Представители концерна, одетые в модные сюртуки, вели себя более степенно и не разменивались на мелочи. Через неделю после занятия Праги они прибрали к рукам всю чехословацкую химическую промышленность. Затем последовали химические заводы Польши, Франции, Норвегии, Украины.

«И. Г.» ответственен за вооружение Германии. Он был основным производителем взрывчатых и отравляющих веществ и синтетического горючего. Каждый патрон, сразивший воинов объединенных наций, каждый снаряд, обрушенный на мирные города, начинал свой путь на заводах концерна.

Финансовыми делами «И. Г.» ведал Макс Ильгнер. Но ведал он ими больше для отвода глаз. Больше, чем бухгалтерия, его интересовала некая созданная в Америке фирма. Официально она называлась «Агентством по техническому обслуживанию», и заправлял ею на месте брат Макса Ильгнера — Рудольф. Когда Америка вступила в войну, в агентстве произвели обыск. Были обнаружены целые залежи секретных материалов: аэрофотоснимки Нью-Йорка, топографические карты американского побережья, промышленные чертежи, аппарат для секретной связи. «Техническое оборудование», оказывается, носило весьма странный характер.

К началу войны «И. Г.» разросся в огромного спрута, охватившего своими щупальцами 93 страны мира и около 500 иностранных фирм. Концерн был участником свыше 2 тысяч картельных соглашений. Особенно тесными были связи с такими ведущими американскими монополиями, как «Дюпон», «Стандарт ойл», «Дженерал моторс» и другие. Свои зарубежные связи германские химические магнаты поставили на службу Гитлеру. Они добились соглашения, по которому производство магния в США не должно было превышать 4 тысяч тонн в год — в несколько раз меньше, чем в Германии. Это отставание в производстве магния Америка остро почувствовала во время войны. По соглашению со «Стандарт ойл», последняя должна была воздерживаться от производства синтетического каучука. Когда японцы захватили основные источники натурального каучука, десятки тысяч готовых американских самолетов и грузовиков не могли сойти с конвейера: для них нехватало резиновых шин.

Соглашение «И. Г.» с американской фирмой «Ремингтон армс» лишало США возможности снабжать Англию уже во время войны тетраценом — важным химическим составом, необходимым для изготовления капсулей и патронов. Но американцы не порывали контракта. Больше того, в октябре тридцать девятого года в Европу прибыл представитель «Стандарт ойл». Вместе с представителем «И. Г.» он разработал планы продолжения прежних связей, «независимо от того, вступят ли США в войну или нет».

Принадлежавшие обеим фирмам патенты были разделены. Однако по патентам, перешедшим к «Стандарту», одна пятая всех доходов продолжала зачисляться на счёт «И. Г.». Война войной, а доходы доходами.

Связи между американскими и германскими монополиями слишком очевидны, чтобы их можно было скрыть. А скрыть их, как видно, кому-то очень хочется.

В бегстве от русских солдат директора «И. Г.» устремились на запад. Но навстречу двигались английские и американские войска. Под чьё покровительство отдаться? Недолгие колебания — и выбор пал на американцев. Первое время казалось, что директора допустили ошибку. В американской зоне были изданы грозные директивы против концернов, произносились устрашающие речи по адресу промышленных магнатов, кое-кого даже арестовали. Но потом оказалось, что все это похоже на театральную баталию: на сцене идет пальба, со звоном скрещиваются бутафорские мечи, падают сраженные рыцари, в зале охают слабонервные дамы... Но вот опускается занавес, и за кулисами слышится смех «покойников».

Заправилы «И. Г.» быстро разобрались, откуда и куда дует ветер. Еще в мае 1945 года Макс Ильгнер написал письмо своим двум помощникам. Он распорядился не терять надежд, потому что, предсказывал он, американцы в конце концов вновь разрешат «И. Г.» начать свою деятельность.

Ильгнер был настолько уверен в своих прогнозах, что даже самое письмо это отправил с агентом американской разведки, рекомендовав своим коллегам обращаться за содействием к... американцам. И он не так уж оказался неправ.

Теперь автор книги о концерне «И. Г.» Ричард Сэсюли пишет: «Разлад внутри Большой тройки явился спасением для «И. Г.»... прямой удар по «И. Г.» не удался. Главные заводы, столпы прежнего «И. Г.»,— Леверкузен, Хехст, Людвигсгафен — продолжают выпуск продукции в больших масштабах. Фланговый удар посредством денацификации также не удался... Политическая атмосфера Германии всё еще благоприятна для роста таких агрессивных монополий, как «И. Г. Фарбен».

Акции «И. Г.» снова появились на биржах Франкфурта и Гамбурга. Многие заводы работают полным ходом. Некоторые из них передаются в руки прежних руководителей. Некоторые прибираются к рукам самими американцами.

На Лондонской сессии совета министров иностранных дел В. М. Молотов в упор поставил вопрос: сколько было закуплено немецких предприятий в западных зонах американскими и другими собственниками и какие доходы на этом получены? Маршалл, как и Бевин и Бидо, предпочел оставить этот вопрос без ответа.

Не любят господа из Америки прямых вопросов. Вот почему вокруг Дворца юстиции, где происходит процесс главарей «И. Г.», снуют агенты «Дюпон» и «Стандарт ойл». Их послали защитить подсудимых, не допустить, упаси боже, каких-либо откровенностей о прошлых и нынешних связях между американскими и германскими монополиями, о связях, опасных для дела мира.

— Шила, однако, в мешке не утаишь!

Михаил ПРИШВИН

Осударева дорога

Рисунки О. Верейского.

В Надвоицах и на всем Выгозере, на островах и на суземе, и на Сегозере, и даже в большой глуши на Хижозере давным давно от финских корелов ловцы и полесники переняли привычку в праздники по случаю удачного лова и охоты угощаться кофеем.

В ту весну, когда в Выгореции начали строить Беломорско-балтийский путь, в доме Мироныча был счастливый лов и охота: довольно наловили и семги, скачущей с камня на камень вверх через водопад, напоездовали сигов, наловили сетями и накололи строгами щук. Не грех было в праздник Николы Вешнего собрать всю семью и всем вместе напиться кофею.

Приехал с Коросозера старший сын Мироныча, Осип, всегда молчаливый при батюшке полесник. Он привез с собой много дичи, мяса звериного соленого и свежих, только что убитых на токах мошников. Младший сын, молодой саблеватый парень Ванюшка, работающий на сплаве лесов, приплыл из Сороки погулять на праздниках. Оба зятя приплыли из Габсельги и Койкинского погоста с бабами. И здешние сыновья Мироныча, все пятеро, собрались с женами и малыми детьми.

В ожидании приезда из Поморья почетного гостя, промышленного морских зверей, убирали стол. Принесли огромные рыбники с запеченными в тесте цельными сигами, и тоже и семужные были рыбники с нежнорозовым мясом, и щучьи были пироги на любителя щук, и мошники цельные большие, и целые стопы калишек с творогом.

Возле полураскрытой занавески у образов, вся в черном, сидела Марья Мироновна. Она не к празднику, не за кофеем приплыла сюда с Корельского острова, а только чтобы спасти от смерти больного мальчика, сына Осипа Сергеевича. Дни и ночи сидела мирска́я няня возле больного, что-то шептала, перебирая пальцами пуговки своей лестовки, понимала, что удерживает душку больного на какой-то высоте между землею и небом.

— Не упустить бы ангельскую душку,— думала мирска́я няня.

А душка мальчика в этот день как раз начала оживлять столько дней в неподвижности лежавшее тело. Где-то в своем поднебесьи Зуек услышал знакомые прекрасные клики пролетающих лебедей, и это решило все: он начал спускаться на эти звуки родной земли.

Выставляли в избе зимнюю раму, и вместе с шумом Надвоицкого падуна всем послышались гармонические звуки лебедей, перелетающих по светлым ламбинам на места своих гнездований.

— Лебеди, лебеди! — закричали дети.

— Как славно играют,— отозвался отдыхающий на палатях Сергей Мироныч.

А Марья Мироновна, измученная бессонной ночью, услыхала в довольстве сказанные слова об игре лебедей и ответила с досадой:

— Играют лебеди — им бы только играть, а нам лежать на палатях и слушать.

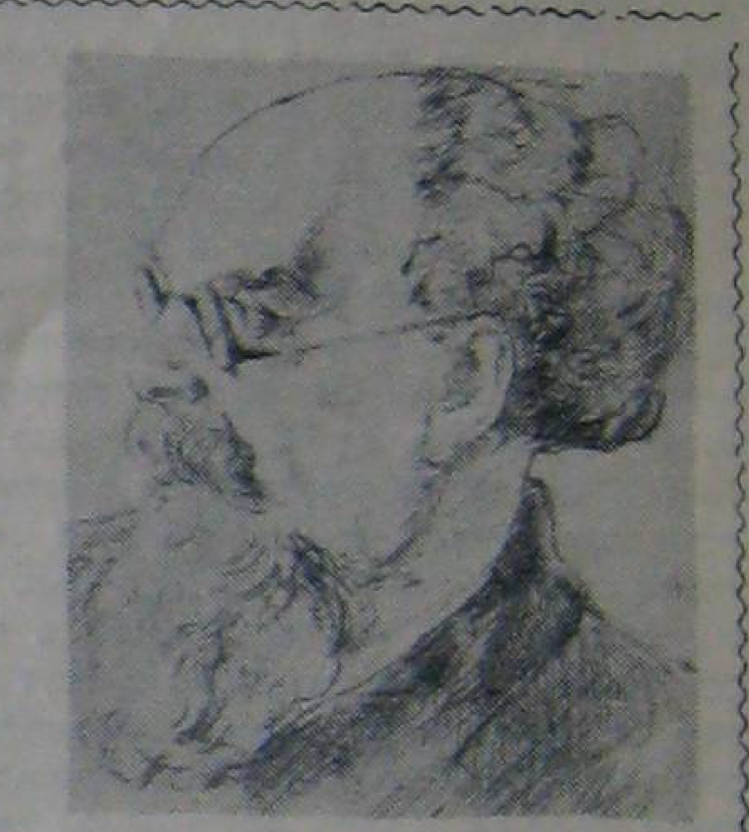
— Не все игра у них,— усмехнулся Мироныч,— поиграют птицы самую малость, а там надо яички класть, а там вывелись птенцы — надо кормить, это — нелегкое дело, каждому птенцу нужна рыбка, а там надо выходить, надо уберечь от ястреба и от зимней стужи нашей увезти в теплые края. Нелегко и лететь туда — на лебедях летят в теплые края вошки-букашки в великом множестве, все кусаются, все есть хотят, кровь исходит на всякую дрянь, а крылами все надо махать и махать: у каждой птицы под крылом мозоль нарастает в кулак, и каждая птица должна понимать про себя: долечу ли я или упаду. А ты, сестра, говоришь, что у них только игра.

— Конечно,— ответила Мироновна,— дело нелегкое, ну, а все-таки по желанию: свои деточки у лебедя — свои желания, вот и легко!

— А можно ли что-нибудь сделать на свете без своего желания, Марьюшка?

— Можно, Мироныч!

— Ну, как же так, не пойму. Ты вот мирска́я няня, ходишь за чужими детьми: разве что вот это...

Рис, В. Тарасовой

Массельгский хребет является водоразделом бассейнов Белого моря и Балтийского. Река Выг течет в сторону Белого моря и разделяется Большим Выгозером на две реки: Верхний Выг — это выше озера — и Нижний Выг — ниже, ближе к Белому морю.

В глухих лесах Верхнего Выга в петровское время еще в полной силе жила колония старообрядцев поморского согласия, известная как маленькое государство Выгореция внутри огромной России. Весь этот край рассекается путем, по которому Петр народом, собранным из трех губерний, тащил корабли из Белого моря в Балтийское, известным под именем Осударевой дороги. В 1905 году я еще мог фотографировать явственные следы этой дороги и последние дома Выгореции и застал еще в живых людей, ставших прототипами романа, который неспеша, потихоньку пишу еще с тех пор, как по этому краю прошел Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. Со времени строительства канала я лелею мечту изобразить превращение дикого ландшафта в культурный. В поисках выражения трудной темы я делал много опытов, пока, наконец, не нашлась удовлетворяющая меня форма сказки-были «Кладовая солнца», в которой сказка обходится без традиционного народного мифа.

Главным действующим лицом романа является мальчик Зуек, носящий кличку самой маленькой чайки Поморья. Вместе с ним действуют представители старого поколения и нового, каналармейцы.

— И тоже хожу за ними по желанию, и борюсь с этим, и все не могу до конца победить этой слабости: я им делаюсь все равно, как родная мать...

— За своими по желанию, за чужими по желанию, да можно ли, сестра, на свете хоть что-нибудь сделать без своего желания?

— Отчего же нельзя? Наши отцы не по желанию жили.

— А как же?

— Как надо.

— А как, по-твоему, надо?

— Не по-моему, брат, а как написано в наших старых книгах до нечестивого Никона. Ты это знать должен.

— Лежать в гробу,— сказал брат,— учили наши отцы и, лежа, дожидаться светопреставления. Ждали, ждали — и не дождались. Верно ли это, что мы в гробах должны ждать конца? Верно ли, что сразу все должно кончиться, а не каждый человек отдельно кончается в своем труде на пользу других? Сестра, не гордость ли это наша, чтобы всем сразу кончиться, а самому лежать и дожидаться, когда, наконец, придет час для всех?

Тогда, как будто в подтверждение слов Мироныча против стремления живого человека к своему смертному часу да еще с угрозой этим часом для всех, на белой подушечке явились два чудесные голубые цветка. Так удивляемся мы цветам, когда, отвечая красоте солнца золотого и неба голубого, они образуют свои венчики. Но что удивительней прекрасного детского глаза, отвечающего и всей красоте природы и чему-то еще более нам дорогому, нашей какой-то надежде на будущее счастье всего соединенного в добре человека!

Так, выздоравливая, Зуек открыл свои голубые глаза с золотой искоркой.

Но Мироновна этих глаз не видала. Зеркало души ее было взволновано. Слова брата налетели на него, как ветер налетает на спокойное

ясно воды и смешивает все чудесные отражения действительно прекрасной жизни. Как будто тень замученного фанатика Аввакума вошла в нее, и такая добрая бабушка, протянув вперед руку с двуперстием, зашептала старыми, закостенелыми словами:

— Мертвые встанут. Что вы, признаков не видите: леса, воды — все измерено, цепь антихриста пролегла по всем просекам, диких зверей стали считать, на товарах всюду печати, сатанинской проволокой, как паутиной, опутан весь мир.

А Мироныч, не слушая знакомые и давно прожитые слова своей сестры, радостно глядел на голубые цветы своего любимого внука.

— Брось, сестра,— сказал он,— ты лучше погляди-ка на внука!

Оглянулась Марья Мироновна, и Зуек встретил ее улыбкой на щеках, начинающих румяниться.

— Бабушка,— сказал он,— а что, лебеди не считаны?

— Нет, сыночка, — ответила бабушка совсем другим голосом, — лебеди не считаны — кто может их сосчитать! Лебеди — птица вольная.

— А ручейки весенние в лесах?

— Ручейки, сыночка, неровно бывают: один год меньше, другой больше. Ручейки нельзя сосчитать.

— А что, эти ручейки — это наши желания?

Мироновна вздохнула.

— Желания, миленький, бегут, бормочут, шепчутся, травки качают, камушки лижут: все, все это наши желания.

— А лебеди?

— Весна идет и всем дает желания.

— И несчетные?

— Кто может сосчитать это: все жить хотят.

— А как же ты сейчас с дедушкой спорила и говорила, что все звери в лесу сосчитаны, и деревья, и все на свете измерено и опутано проволокой, как паутиной?

— Ну, и молодец! — отозвался с полатей Сергей Мироныч.

Старик приподнялся, ноги с полатей спустил, приготовляясь к новой борьбе со старухой за жизнь на земле в бесконечном ее несчитанном разнообразии.

Но Зуек, еще слабый, закрыл глаза, и румянец слетел с бледных щек. И та же самая рука, только что грозившая своим страшным заклинающим двуперстием, теперь — ладонь с разжатыми пальцами,— часто раскачиваясь в воздухе, умоляла о тишине.

— Тише, тише! — шептала она, показывая рукой тишину.

И полуоткрытый рот и материнская улыбка пробудили на старом лице следы былой красоты.

— Уснул, уснул,— шепнула она,— это к здоровью.

И осторожно, бесшумно задернула полог.

Но Зуек не спал. Его душа теперь была, как это часто бывает у тех, к кому возвращается жизнь: душа его была, как вся земля, как вся природа, и он в ней, как свой, и все тут свое, близкое, знакомое, прекрасное и понятное. Вот оно тут лежит все Выгозеро со всеми своими островами: сколько дней в году, столько островов на Выгозере. И со всех сторон в озеро бегут речки из лесов и несчитанные ручьи, все шевелят травками и, ударяясь о камешки, шепчут и бормочут поразному и неровно, то погромче, то потише. Когда потише — рождаются травки, когда погромче, то рождаются камешки, и вместе у всех выходит одно слово:

— На родину!

А падун — этот великан трехголовый — высунул плечи черные из-под воды и там под водой руками своими огромными над чем-то трудится, работает, крутит воду, бросает, наказывает, сердится, гонит, рычит:

— На ро-ди-ну!

Поднялась на зов из моря даже холодная рыба и снизу пошла вверх на падун. Серебряной семге тоже надо пробраться через падун вверх на родину.

Зуек видит теперь себя не на постели: вся душа его стала теперь вся родная земля. Он теперь сидит с деревянным молотком, кротилкой, у одной каменной чаши возле падуна.

Семга, бросаясь вверх с камня на камень, на перепуте должна попасть в эту каменную ямку. Вон там, внизу, где разбивается столб падающей воды, сверкнула вверх длинная искра: это она сделала свой первый скачок вверх с нижнего камня повыше, и вот с верхнего сейчас скачет еще выше, еще прыгнула, еще — и прямо к нему под молоток. А вон другая прыгнула и ошиблась: встречная струя сшибла ее, ударила о камень головой, огромная рыба упала в бучило и там завертелась, бессильная по воле воды, с перевернутым вверх брюхом.

Рыбу крутит вода, воду крутит черный трехголовый великан. А кто над великаном стоит? Зачем ходит месяц по небу, зачем звезды, зачем солнце? Что это они там по желанию ходят, как говорит дедушка, или тоже крутит великан какой-нибудь, и им так надо ходить, как говорит бабушка?

А вон и новая семга сверкает внизу и прыгает вверх. Ей надо пробиться из моря вверх, из Нижнего Выга надо пробиться через падун в Выгозеро, а из озера пробиться в Верхний Выг, на родину, на места икромета.

Значит, она не боится погибнуть: ей так надо. И ей так хочется.

Ей до смерти хочется, а выходит — так надо.

Семга сверкнула, как искра огня. И мысль сверкнула у мальчика:

«Почему же у семги так выходит, что если ей до смерти хочется, то ей так и надо? — А если бабушке что-нибудь хочется, то это грех, а надо бывает у нее, когда самой вовсе не хочется?»

* *
*

Старый друг Мироныча Михайло Потапыч с приездом своим хорошо подгадал. Пироги на столе далеко не успели остыть, когда показался на озере его карбас с одним парусом на прямую поветерь. По северному обычаю, женка его сидела на веслах, а он, бородатый, правил кормовым веслом. Ловко обойдя еловый островок, разделяющий натрое падение Выга, карбас Потапыча остановился против дома Мироныча с восьмиконечным крестом и с князьком на крыше, подобным голове оленя с ветвистыми рогами. Гостя дорогого Мироныч усадил возле себя и, не видавши его уже лет тридцать, стал рассказывать о себе и потчевать всем, что дает северному полеснику и ловцу богатая вода и таежный сузем.

— До веку мне остается немного,— говорил Мироныч,— не знаю, друг, доживу ли еще. Много ли тебе осталось до веку, Михайло?

— Мне остается до веку,— ответил помор,— сколько у белого медведя зубов без одиннадцати.

— А сколько у медведя зубов? — бойко спросил Зуек, раздвигая занавеску обеими руками широко в обе стороны.

— Больно ты боек, паренек,— засмеялся Мироныч,— есть кто поматерей тебя за столом и тоже не знает, а не смеет спросить. Вот придет время, отдам тебя Потапычу на выучку, пойдешь с ним в море, убьешь зверя и сосчитаешь, сколько у него зубов.

— А не уладишь убить,— засмеялся Потапыч,— он у тебя сосчитает.

— Ну, вот, зачем так,— поправил друга Мироныч,— годика через два найдем мы тут неподалеку берлогу, поставим парня против чела, и я скажу: «Ну-ка, Зуек, стар я становлюсь, память путается, скажи-ка мне, молодец, сколько у медведя зубов?»

Все засмеялись, все посмотрели на кудрявого мальчика с большими голубыми глазами: осенью в заводях, когда небо чистое как будто мутнеет немного, прозрачная вода становится голубей неба, и где-то в глубине золотые искры солнца — такие были глаза у Зуйка.

Загляделся Мироныч в глаза любимого внука и, верно, в них себя самого увидел, как он тоненьким ребятенком тоже с такими глазами со строгой в руке выглядывал щук в синей заводи.

— Родитель мой батюшка,— сказал он,— богато жил на Хижозере, и я занятный был мальчишка, и тоже вот спрашивал: сколько зубов у медведя, сколько рыбы в Хижозере, сколько на небе звезд? Так вот сказывал родитель-батюшка, будто на камне середь озера узрел он, как водяной выгозерский с водяным хижозерским в карты играли. На другой день после того случая вода в Хижозере стала убывать, и через три дня от всего озера осталась только дырка в землю: и рыба и вода ушли от нас, а вода в Выгозере заметно поднялась. Так и подумали на карты, что хозяин хижозерский хозяину выгозерскому в карты проиграл и воду и рыбу. Поросло наше озеро ольхой и частым осинником, человеку пройти — только с топором. Пробовали жечь лес, камни ворочали, сняли нивы. Да что говорить, возле океана живем: подует морянка, да ясень на небе, да три звезды — все вымерзнет, весь труд тяжелый пропадет.

Тут родитель мой батюшка говорит: «Ну, Сергей, видно, правда, хижозерский хозяин рыбу свою проиграл выгозерскому, и не вернется она к нам оттуда, собирайся в поход, идем на поклон выгозерскому хозяину». Так вот перебрались и не каялись. И родитель мой батюшка перед самым концом мне сказал: «Ум, Сергей,— не бочонок с водой:

не переставишь, не перельешь в чужую голову. Пока я жив — бери с меня пример, живи примером, а свой ум береги».

Вот я, Потапыч, с каких времен помню, и ум свой берегу: моего ума держимся.

— Что уж! — сказал на эти слова койкинский зять.

— Да уж! — отозвался зять с выгозерского погоста.

— Мироныч, Мироныч,— оборвала разливистую речь старика Марья Мироновна,— погляди-ка, что там за дымок на озере, будто вода загорелась, и какой-то невиданный карбас без весел летит по воде. Нет и паруса, а сзади дымок.

Все поглядели в окно. Там вдали лодка неслась по воде против ветра, как птица.

— Моторная лодка,— сказал Потапыч,— у нас в Поморье теперь это — не диво. Только глядите, други, чует мое сердце, это не спроста: тут что-то есть.

— Это еще что,— ответила Марья Мироновна,— вот погодите: в священном писании на летающего монаха указано, что в последние дни архиерей полетит на крылах.

Но никто о летающем архиерее не слушал: все разглядывали с величайшим изумлением крупную моторную лодку, которая летела, росла, разрезая воду Выгозера расходящимся углом, подобным каравану гусей. Скоро она причалила к берегу, как раз против дома Мироныча. Из лодки на берег вышел высокий молодой человек такого вида, какими тогда выходили из народа начальники: бритый выдающийся вперед подбородок как будто стремительно влек всего человека вперед, а во лбу и глазах какая-то другая сила осаживала движение, и от этого ноги ступали рассчитанно, руки в плечах двигались сдержанно. Это был явно начальник, и четверо других ребят, более молодых, державшихся совершенно свободно, как будто всю заботу о каком-то важном деле взял на себя их начальник. С ними была еще женщина в военной одежде с наганом, в зюйдвестке, почти не отличимая от мужчин.

Начальник, выйдя на берег, стал сейчас же крутить себе папироску, другие вынесли из лодки тяжелые котомки, один достал несколько пачек папирос, всех оделил, все закурили.

— Табашники! — сказала Мироновна.— Только вышли на берег — и небо коптить.

— Да уж! — сказал один зять.

— Что уж! — ответил другой.

— А котомки,— молвил Мироныч,— видно, тяжелые, смотри, как засутулились. Небольшие мешки, а тягость какая.

— Да, Мироныч,— сказал Потапыч,— я в Поморье на них насмотрелся, чует сердце мое, это вам неспроста: пора вам кончать в своем соку вариться со своими сигами да мошниками. Время везде переходит. Дивлюсь, как оно вас тут, в медвежьем углу, обошло.

Вытащив лодку, табашники направились к лучшему дому в селе, к дому Мироныча, с крепким крестом, высокой сосной и резным оленем на крыше.

— Батюшки мои,— вдруг воскрикнула, вся переменяясь в лице Мария Мироновна,— да они к нам идут!

— Понравился олень,— спокойно сказал Сергей Мироныч.

— Семушка,— крикнула Марья Мироновна на детский стол одному из приезжих внуков,— Семушка, беги скорей, скажи как сумеешь: никого дома нет.

— Гораздо уж ты строга! — остановил ее Мироныч. Семке махнул рукой, чтобы сидел на месте и никуда не бежал.

— Табашники идут, слышишь ты, брат, табашники!

— Опять старая песня,— ответил Мироныч,— теперь и хорошие-то люди курят табак, что с этим поделаешь, не можем же мы всех заставить кровью своей поить комаров, как делали наши отцы. И какая теперь людям от этого польза?

— Не польза, — ответила Марья Мироновна,— а пример, по хорошему примеру люди живут, а польза приходит сама собой. А если без примера будешь только за пользой гоняться, ничего не выйдет полезного.

Не знаем мы, чем бы кончился для Семы спор двух упрямых стариков, только в это время застучали ноги по лестнице, и твердый и сдержанный мужской голос сказал:

— Разрешите войти, граждане?

* * *

Такая большая наша страна, что как будто и всемогущее время иногда не сразу может справиться с нею: всегда остаются в этой стране забытые временем уголки. Надвоицы были таким медвежьим углом. И вдруг время вспомнило забытый край, новое время нашло себе старое место, где еще пели былины, молились по неисправленным Никоном книгам и ждали светопреставления.

Чужой человек постучался...

Чужой человек вошел, и люди за столом глядят на него, как стадо животных домашних глядит на зверя иной породы, следя внимательно за всеми его движениями, за всем выражением лица и фигуры.

— Хлеб да соль! — приветствовал чужой.

— Милости просим! — отвечали свои.

Вслед за начальником вошел и тот военный с наганом, и когда и он сказал вслед за начальником «хлеб да соль», то все сразу по голосу узнали в нем женщину.

— Там, за дверью, четверо моих ребят, — сказал начальник.—Мы приехали сюда по большому государственному делу, нуждаемся ненадолго в квартире: очень скоро мы выстроим тут свой городок.

— Государственному делу,— отвечал Мироныч,— мы с охотой готовы служить и хорошим людям рады. Зовите ваших ребят к нашему хлебу и соли.

— Табашники! — возмущенно прошептала Мироновна.

Начальник это услыхал.

— Вы,— спокойно сказал он, обращаясь к Мироновне,— не сомневайтесь: курить и сами не будем в избе, и за ребят отвечаю — никто не дыхнет табаком.

— Эх, сестра,— покачал головой Мироныч, — слышала же ты: люди по большому государственному делу приехали, а ты со своим табаком заладила на всякого, как сорока про Якова. Зовите товарищей, присаживайтесь к столу, гости дорогие.

— Позовите ребят, товарищ Уланова! — распорядился начальник.

— Слушаю, товарищ Сутулов! — ответила по-военному женщина и, обернувшись, открыла дверь.

— Маша,— остановил ее начальник,— ты ребятам нашим скажи насчет табаку, как сейчас говорили: чтобы и духу не было.

— Слушаю, товарищ Сутулов! — ответила Уланова.

И скоро привела сидевших в ожидании на лавочке возле дома молодых людей, немного оробевших под общим разглядыванием. Сутулов дельно высмотрел для них места за столом, усадил. Уланова как будто сейчас только вдруг для всех открыла свои глаза, большие, карие, и как бы одновременно печальные внутрь себя и веселые к людям. У русских людей это бывает, и у Мироновны раньше были такие глаза, сразу и печальные к себе и веселые к людям.

С доброй внимательной улыбкой приезжая женщина оглядела всех, в одно мгновенье запомнила и унесла с собой, как уносит с собой все ей нужное налетающая на берег морская волна. И Зуек с его удивленными большими глазами не остался незамеченным: волна, откатываясь, заметно на мгновенье остановилась на нем. И еще дальше остановилась на строго красивом лице Марьи Мироновны. Отойдя в уголок, она там начала, стараясь быть незаметной, приводить себя в порядок, превращаться из морской волны, из военного в женщину.

В крестьянских избах постоянно раздеваются и убираются на людях так, что все это видят и в то же время как будто и не замечают ничего. И Зуек тоже, как все, не таращил глаза туда в уголок, а все видел, все замечал про себя и складывал.

Маша прежде всего сняла с себя загрязненную зюйдвестку, и каштановые волосы крупными золотистыми локонами рассыпались вокруг лица и по плечам.

С того времени, как рассыпались волосы по плечам, Зуек стал себе складывать из Марии Улановой свою необыкновенную красавицу. Так многие дети делают, так просто у них складывается целый мир, свой собственный у каждого, из обыкновенных, но еще невиданных вещей.

Приезжая женщина сняла с плеч свою котомку, вынула из нее сумочку кожаную, открыла ее, вынула маленькое круглое зеркальце, привесила зеркальце к стене, зацепив за гвоздик...

Она достала бутылочку маленькую с пробкой стеклянной, обвязанной чем-то и затянутой ниточкой, чтобы не выскочила. Вынула вчетверо сложенный белый платок и немного полила на него из бутылочки.

Зуек первый раз в жизни видел такое, и он не женщину понимал в Марии Улановой, а складывал из всего ее женского мира свою сказочную красавицу Марью Моревну.

И только коснулась она, только слегка провела платком по лицу, вдруг оказалось, что в бутылочке живая вода: лицо Марьи Моревны стало цветистым, и по всей избе повеяло ароматом, как будто открыли окна летом, когда всюду цветут луга. Марья Моревна вынула из кожаной сумки какую-то блестящую коробочку круглую, сняла с нее крышечку, окунула туда ватку и покрыла чем-то легким, белым цветущее свое лицо, и оно стало, как небо в белых сквозных облаках на заре. Сложив обратно коробочку в кожаную сумку, она провела пальчиком по бровям — и они раскинулись, как крылья, когда птица опускается на воду. Потом она расстегнула военную куртку, и оттуда показалась кофточка, точно как бывает вечером — розовое сходится с голубым, и все шашечками, одна к одной, розовая к голубой, голубая к синей и опять розовая, а с шеи по этому вечернему небу спускается платочек с золотыми цветами. После этого красавица обернулась ко всем, села за стол, и сквозь улыбку глаза ее и веселые, и печальные, и все понимающие были, как если бы на заре ко всему, что бывает прекрасного, еще вышли бы между облак два человеческих глаза.

Так Зуек, создавая свою Марью Моревну из обыкновенной Маши Улановой, вспомнил, как однажды было после трудного перехода с отцом: наконец-то, под вечер темный лес разноцветными своими окошечками открыл им вид на зарю, и так было хорошо на опушке, что и усталый отец остановился и стал читать свои «Живые помощи». Он же стоял на месте, глядел на зарю и все чего-то ждал, ждал... Теперь он понял, что ждал он тогда вот эти глаза.

Так Зуек, поняв приезжую женщину, как свою сказочную Марью Моревну, перевел глаза на Сутулова и стал вырезать из него своего

начальника. Он сразу же заметил, что бабушке он очень не нравится, и понял, что у нее все это за табак. А вот почему дедушке новый человек чем-то сразу понравился? И, раздумывая об этом, он стал понемногу выводить себе и начальника из дедушки, как вывел свою Марью Моревну из зари, облаков, леса и ароматного луга. Он сразу заметил тоже, что начальник держит и себя и ребят своих, как дедушка тоже всегда держит себя, и от этого все его слушаются. Дедушка как будто на чем-то стоит и что-то держит, и это нужно для всех: это всем надо. Дедушка велит — и это надо, хотя самому, может быть, хочется совсем другого. Вот и начальник тоже, как дедушка, держит себя, как большой, а ребята его большие, все равно, как у дедушки, маленькие: они слушаются, а не держат себя, не стоят на чем-то и таят что-то свое, чего им так хочется. Да, им, конечно, теперь хочется покурить, а надо удерживаться даже дышать табаком.

Но это Зуек, конечно, по себе догадывался о ребятах, они же все сидели, как связанные волею дедушки и начальника, и виду никакого о своем желании покурить не подавали. Так из дедушки вырезал Зуек своего начальника и стал внимательно слушать беседу и слова чуждые и непонятные, вроде государственного дела, переводить на свой детский язык. Так точно и умные зверушки внимательно смотрят на нас, и мы не всегда догадываемся, что по-своему они все понимают.

* * *

Дав гостям хорошенько покушать, а самому за это время к ним приглядеться, Сергей Мироныч, наконец, решился спросить Сутулова:

— А по какому же делу вы приехали и для чего будете строить здесь городок?

— Приехали мы по государственному делу,— ответил Сутулов,— мы назначены прокладывать водный путь для больших морских кораблей из Белого моря к Балтийскому. Надвоицы будут на этом водном пути одним из самых главных узлов.

— Ой-ли! — весело воскликнул Мироныч.

И, обернувшись к жене, продолжал:

— Ну, княгинюшка, Евстолия Васильевна, потчевай, потчевай дорогих гостей, как только можешь! Слышишь ли ты, по какому большому делу люди к нам приехали? — и обратился к своему другу помору.

— Я жену свою, Михайло, в праздники постоянно княгиней зову.

Евстолия Васильевна при этих словах, быстро что-то второпях прожевав, проглотив, встала, всем поклонилась и, несмотря на свой возраст, конфузливо закраснелась. Княгиня была точенькая, сухонькая, а глаза большие, горящие и для всех приветливо светились в том смысле, что если все обиды снять с людей, то будут все хороши, а праздник — затем он и праздник, чтобы люди обиды свои все дома оставили.

— Кушайте, дорогие гости, беседуйте! — кланялась хозяйка.

И все гости, слушая искренние ласковые слова, кушая, чувствовали, будто входят в большую семью и к ней как-то присоединяются.

Зуек в это время не сводил глаз с Сутулова. Он очень хорошо понял по дедушке, что начальник о своем государственном деле сказал страшно большие слова и что дедушка сплутовал: услыхав эти слова, чтобы получше их понять про себя, он завел о княгинюшке. Такое Зуек все хорошо понимал: дедушка неспроста угощает гостей

— Да, друг мой,— говорил он помору,— люба ли тебе княгиня моя? Ну, а мне она в свое время гораздо полюбилась. Да, Михайло, много, много мы с княгиней горя хлебнули, а жили советно и семь молодцов, как семь яблоков, вырастили. Советно жили: в наше время невестка, бывало, не скажет хочу — не хочу, не как нынешняя молодежь: им слово, а они — два.

— Да уж! — сказал один зять.

— Что уж! — ответил другой.

— Какое время было, какими примерами жили! Старики-то наши тогда все о царствии небесном думали и плоть свою морили: бывало, слепням, комарам и всякому гнусу лесному спины свои подставляли. Считали отцы, что царствие будет там, а не здесь, на земле. За грех считали даже в бане хорошенько попариться: чем трудней, мол, здесь, тем легче там будет. Только временную жизнь устраивали себе здесь отцы. А нынешняя молодежь — давай хоро́м, коня да дом. Вы как, гости дорогие, об этом думаете?

— Мы думаем,— ответил серьезно, не улыбаясь и очень твердо и властно Сутулов,— жизнь надо устраивать на земле хорошо и прочно. Так ли я говорю, товарищ Уланова? — сказал он, не улыбаясь, но смягчая голос.

— Где же устраивать жизнь, как не на земле? — ответила Уланова.— Здесь будем устраивать, а на небе само собою устроится.

И вдруг, увидев Зуйка, глядевшего на нее во все глаза свои голубые, как на зарю, улыбнулась ему:

— Тебя как зовут, милый мальчик?

— Зуйком,— ответил тот просто.

— Вот, Зуек, милый, будь у нас с тобой крылышки, мы с тобой бы и полетели на небо.

Тогда, наконец, осмелился один из ребят:

— Лететь можно и на самолете. За этим дело не стало.

— На самолете туда не долетишь,— ответила Маша.

— Бензину не хватит! — весело и сочувственно подал свой хозяйский голос Мироныч.

— Нет, я не про то,— серьезно возразила ему Уланова.— У нас у всех есть свои крылышки, мы так и родимся с ними, и все бы летали мы на своих крылышках, да вот почему-то они обламываются. Я к тому говорю, что жизнь наша коротка и так, а мы ее еще короче делаем и заставляем себя делать не то, для чего мы родились, не то, что нам самим хочется...

Зуек прошептал про себя: «По желанию».

— Как же так, деточка,— ответил Мироныч,— по-твоему выходит, как кому захочется, так и живи. Нас отцы учили жить не как хочется, а как надо жить.

— Правильно учили отцы,— ответила Уланова,— я не против этого говорю, а про себя: мало ли чего мне хочется. Я, конечно, все это отбрасываю и стараюсь делать не как мне самой хочется, а как надо. Но тоже по себе знаю, если что-нибудь мне до смерти захочется и я так поступлю, то это и будет непременно, как надо.

— «До смерти захочется!» — шептал про себя Зуек, вспоминая, как он то же самое думал о семге, прыгающей через падун на места гнездований: семге до смерти хочется туда пробиться, и у нее выходит, как надо.

Маша Уланова раскраснелась, глаза ее загорелись, и заметно по всему — образованная женщина она была, а говорила среди простых людей так просто и почтительно, как будто это было общество людей самого высокого круга. Сергей Мироныч это очень хорошо понимал и, подумав о ее словах, в увлечении принял их: до смерти захотеть, все поставить на карту — и тогда у каждого выйдет, как надо!

— Ну и голова! — с восхищением воскликнул Мироныч.— Такая была только... царица, как только звали ее, забыл, такая мудрая царица пришла к царю Соломону...

— Царица Савская,— подсказала Уланова.

— Ну и голова! — повторил Мироныч. — А ежели ты, царица, такая прыткая, то какой же должен быть у тебя Соломон!

— Саша! — сказала она, поглядев на Сутулова.— Мне что-то стыдно становится такие похвалы получать: не заслужила я.

— Мне тоже кажется,— с улыбкой ответил Сутулов,— не заслужила и рассуждаешь неверно: мало ли чего другому захочется..

— Я сказала: до смерти...

— Ну, что ж, пусть другому до смерти захочется кроить людям черепа, так нам за то только, что он рискует, и подставлять свои головы? Нет, товарищ Уланова, это не выход для всех.

— Так я разве о всех говорю: я о себе.

— Нет, Машенька,— согласился Мироныч,— это не выход.

— На уж! — сказал один зять.

— Что уж! — ответил другой.

— Неве́рно,— повторил Сутулов,— человеку мало хотеть до смерти — ему еще нужен верный план, чтобы делать, как надо. Все животные дикие живут, как им хочется, и жизнью своею постоянно рискуют: своими глазами видел, как семга прыгает по камням через падун и разбивается.

Зуек слышно вскрикнул: «А!» и Уланова пристально на него поглядела, а Сутулов еще говорил:

— Человек тем и отличается от животного, что ему мало жить по желанию: человеку нужен еще верный план.

— Соломон, Соломон, настоящий царь Соломон! — воскликнул восхищенный словами Сутулова Сергей Мироныч.— План должен быть у человека, план первее всего. Лонись мы вот тоже с сестрой спорили, я вот тоже хватил было «по желанию», а она мне говорит: надо план, надо по плану жить, как отцы наши и деды жили: жить по писанию.

— Неверно,— перебил старика Сутулов,— в этом писании план определен на жизнь небесную: тут на земле как-нибудь, с жуликами, а там на небе будут ангелы и архангелы. У нас план должен быть один-единственный и на земную жизнь.

— А как же на небе? — спросил Мироныч.

— Это нас не касается,— ответил Сутулов и нахмурился.— Я сам,— сказал Сутулов,— вышел из старообрядцев.

— Какого же согласия? — почтительно спросил Мироныч.

— Никакого согласия: деды были, как и вы, поморского согласия, а отцы называли себя немоляками.

— А вы как?

— Безбожники! — решительно и громко сказала Марья Мироновна.

На минуту все смешались и замолчали. Стало неловко, но вдруг Уланова с улыбкой и с веселыми глазами сказала:

— Нет, какие это безбожники, бабушка, ты получше только к ним приглядись: добрые ребята и никакие не безбожники, а вот знаешь, Сергей Мироныч,— обернулась она к старику,— хочешь я сейчас тебе скажу, кто они?

— Ну, скажи, скажи, Машенька!

— Вот и скажу: не безбожники, а просто табашники, хорошие люди.

От веселого слова куда что девалось! Веселое слово пришло, как солнечный луч. Мироныч понимающим взглядом поглядел на Уланову и даже ей успел подмигнуть.

— Конечно, табашники,— засмеялся он,— говорят, что жизнь новую хотят на земле устроить лучше небесной, а самим до смерти покурить хочется! Ну, ребята, потерпите немного, у меня есть клеть, ветерком подбитая, там вам можно будет и покурить.

— Наше дело,— подумав, сказал Сутулов,— здесь, у вас в Надвоицах, устроить водный путь для больших морских кораблей.

— Наше озеро неглубокое,— ответил Мироныч,— как же вы это устроите?

— Мы запрем ваш падун, чтобы даром вода через него не лилась и не шумела.

— Падун запереть! Ну, ладно, об этом после, запереть, так запереть, а дальше?

— Вода поднимется — и озеро станет глубокое.

— Сколько дней в году, столько на Выгозере островов, и на них есть пожни, есть нивы, деревни и люди живут. Что вы с людьми делать будете?

— Мы за большое дело взялись, лес рубят — щепки летят. Но мы все-таки не бросим и этих людей. В три раза будет больше озеро, старые острова будут залиты, новые объявятся, новые будут берега, и старые звери придут на новые берега, напьются новой воды. Вот и людей мы тогда с островов переселим на новые эти берега.

— Вот дело-то какое,— сказал Мироныч,— государственное: падун запереть.

— Да уж! — засмеялся один зять. — Нечего сказать: заперли!

— Что уж! — смеялся другой. — Взяли да заперли!

Партизанские судьбы

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

...А Минай — это батька их родный —
Мститель народный.

Аркадий Кулешов.

На северо-востоке Белоруссии, по правому берегу Западной Двины, на десятки километров тянутся Щелбовские леса. Не только природным богатством прославлены эти густые хвойные массивы: Щелбовские леса в 1941—1943 годах были базой партизан.

Отсюда под покровом ночи переправлялись витебские партизаны на плотах через Двину и наносили страшной силы удары по немецким гарнизонам, стоявшим в деревнях и местечках Суражского района. Здесь был штаб знаменитого батьки Миная — «товарища Ш.».

Теперь мы знаем, кто такой товарищ Ш.— батька Минай. Это Минай Филиппович Шмырев, старый член партии, один из руководителей суражской районной партийной организации, ныне заместитель председателя Витебского облисполкома.

Перед нашествием немцев он работал директором картонной фабрики возле Суража. Партия знала, что у Шмырева есть опыт партизанской борьбы: еще в восемнадцатом году он дрался против солдат кайзера. И ему приказали немедленно подготовиться к переходу в подполье. В лес завезли продукты, оружие, там были сосредоточены верные люди. И только своих троих ребят не успел он забрать в лес — они остались у родных в деревне.

Гестаповцы и полицаи начали настоящую охоту за ним. Шмырев оставался неуловимым.

Тогда немцы арестовали сестру Миная Филипповича и его троих малолетних детей. Самому маленькому — Мише — еще не было и четырех лет.

В тот же день немцы разбросали на опушке леса провокационный листок с «последним предупреждением»:

«Если Шмырев явится к коменданту, дети его будут освобождены. Если не явится, дети завтра же будут расстреляны».

Гестаповские «психологи» не сомневались в успехе своего плана. Немцы считали, что партизанский вожак уже в их руках.

Минай Филиппович не пошел в западню.

...Мы видели в Сураже ров, где были расстреляны дети Шмырева. На краю рва стоит скромный обелиск с пятиконечной звездой.

...Минай Филиппович воспитывал в партизанах своей бригады бесстрашие и упорство, умение ставить выше личного интересы партии, интересы народа. Одной из лучших боевых помощниц Шмырева оказалась молодая коммунистка Анна Ефимовна Шпаковская.

Минай Филиппович гордился ею в дни боев. Еще больше гордится он ею сегодня: бывшая партизанка заслужила высокое доверие народа: она выдвинута кандидатом в депутаты Суражского районного Совета депутатов трудящихся.

* * *

На первый взгляд она кажется суровой и замкнутой. Между тем во всем Суражском районе, наверно, нет более чуткого и душевного человека, чем эта славная партизанка, которую колхозницы запросто называют «наша Ефимовна».

Мать Анны Ефимовны рано овдовела. Анке не пришлось ходить в школу, как другим детям деревни Вальки, Яновичского сельсовета. С восьми лет она работала в поле и помогала матери, у которой на руках осталось пятеро малых ребят.

Молоденькой двадцатилетней девушкой Анна была избрана крестьянами членом сельского Совета в Яновичах.

Яновичи гордились своей избой-читальней, школой, сельской самодеятельностью. Они были лучшими в районе. И все знали, что самым активным членом Совета была Анна Шпаковская.

Анна Ефимовна Шпаковская.

Фото М. Трахмана

Ее послали в Минск, на курсы женского сельского актива.

Курсанткам преподавали белорусский язык, математику и политическую грамоту. Анне было труднее, чем другим: раньше она не училась. Но старательность и серьезность помогли закончить курсы с отличием.

Когда Анна вернулась в Яновичи, ее избрали председателем сельского Совета.

В 1940 году Анна Шпаковская вступила в партию.

Вскоре ее выдвинули на хозяйственную работу в районе, и она переехала в Сураж.

В Сураже она познакомилась с комсомольцем Данилой Клянским, уполномоченным наркомата заготовок. Они полюбили друга друга и поженились.

Когда началась война, Анна была беременна. Но, несмотря на это, вместе с мужем ушла в лес и вступила в отряд Шмырева. Батька Минай хотел освободить Анну от боевых заданий, однако она сама вызвалась ходить в разведку.

— Скажу, что в больницу иду,— убеждала она Шмырева.— Фрицы дурные, поверят...

И Шпаковская действительно несколько раз проникала в Сураж, высматривала расположение немецких частей и возвращалась в Щелбовский лес с ценными сведениями.

Она родила в лесной землянке сына в тот день, когда из разведки не вернулся муж, ушедший подрывать немецкий воинский эшелон.

Через несколько дней, сидя у костра, она кормила грудью ребенка. К ней подошел Шмырев:

— Как самочувствие, товарищ Шпаковская?

— Спасибо, Минай Филиппович: я уж из «декрета» вернулась.

Он улыбнулся ее шутке:

— Ничего, Ефимовна, все придет снова: и отпуска, и курорты, и дома отдыха, и вся наша прежняя, хорошая жизнь... Только бы немца прогнать...

Шмырев уселся рядом, достал из костра уголек, закурил.

— Большое дело поручает нам обком,— сказал он, задумчиво глядя на огонь костра.— Надо начать восстанавливать советскую власть. Вот здесь, в немецком тылу. Помогать честным колхозникам, женам красноармейцев...

Анна сразу поняла, какое отношение лично к ней имели эти слова:

— Пошлите на это дело меня!

Минай испытующе посмотрел на Анну:

— А маленький?

— Что ж маленький, Минай Филиппович? Он мне не помешает.

— Хорошо,— сказал Шмырев. — Назначаю тебя, товарищ Шпаковская, уполномоченным районного исполкома.

...Советская власть в немецком тылу! Действующие сельские Советы на территории оккупированной Витебщины!

Волны радио разносили эту весть по всему миру. С гордостью говорили об этом в Москве и Свердловске, в Архангельске и Владивостоке. Тайком, с волнением и надеждой передавали друг другу эту новость советские люди в захваченных районах. Об этой «сенсации» телеграфировали из Москвы корреспонденты ньюйоркских и чикагских газет. Гитлеровский «министр оккупированных территорий» Розенберг горько сетовал: «В результате 23-летнего господства большевиков население Белоруссии в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления не имеется ни организационных, ни персональных условий...»

Глубокая преданность населения советской власти для захватчиков была страшнее, чем пули и мины. Печальные «недоразумения» происходили всякий раз с приказами генерала Фрица Гольвитцера, командира 53-го армейского корпуса, размещавшегося в Витебской области. Приказы, расклеенные по улицам Суража, обычно сохраняли свой девственный вид не дольше чем в течение дня. Ночью партизанская рука ставила на них штамп: «Явная немецкая ложь». И полицаи спешно соскребывали листки со стен...

От партизан бежали в панике назначенные немцами старшины волостей и старосты. Партизаны вешали предателей и закрывали от грабителей на крепкий замок колхозное добро.

Тайная, но всемогущая власть партизан была сильнее всех пыток гестапо.

В восьми сельсоветах Суражского района: в Пудотском, Запольском, Островском, Куринском, Ботническом, Пышняковском, Комаровском и Николаевском — весной 1942 года советская власть была уже явной. И олицетворением этой власти была крестьянская дочь из деревни Вальки партизанская разведчица Анна Ефимовна Шпаковская.

Она свободно разъезжала из деревни в деревню на крестьянской подводе. Женщины, увидев ее, радостно всплескивали руками:

— Ефимовна! Родная! А нам сказали, что немцы в Сураже на вас воду возят!..

Авторитет подлинной власти стоял за каждым распоряжением Шпаковской.

Деревни создавали отряды самообороны. По всем дворам шел сбор теплых вещей для партизан и денег на танковую колонну.

Возле домов сельских Советов день и ночь дежурили вооруженные колхозники.

Сельсоветы проводили мобилизацию молодежи в армию. Через знаменитые «белорусские ворота» — прорванный участок фронта,

который держал своими силами батька Минай,— уходили в советский тыл тысячи белорусских юношей.

Заработала почта. Сотни писем полетели на «Большую землю».

— Разве Витебская область уже освобождена? — с радостным недоумением спрашивали люди в советском тылу.

— Нет еще. Но там хозяева — партизаны!

Восстановленные сельские Советы взяли на учет семьи военнослужащих, и жены красноармейцев стали получать пособия.

Однажды к Шпаковской пришли солдатские жены из деревни Пуницы. Рассказали о своей беде: немцы забрали всех лошадей и коров, не на чем пахать землю.

— Мы дадим вам своих коней, партизанских. И пахать поможем.

Шпаковская с одобрения Шмырева выполнила свое обещание.

...Я услышал обо всем этом на предвыборном сходе в Пуницах. Обсуждалась кандидатура Анны Ефимовны. Женщины с огромной любовью говорили о ней. Вспоминали годы партизанщины, первые послевоенные дни. Неимоверно трудно было снова начинать жизнь на этой опустошенной земле, которую гитлеровцы, стремясь лишить партизан базы, превратили в «зону пустыни».

Жили даже не в землянках: в ямах, в воронках от снарядов. Шатались от недоедания. Счастливым считался тот, кто мог столочь в ступе немного «гущи» — ячменной крупы.

И вот прошел слух, что в Сураже, в райисполкоме, снова работает Ефимовна. Валом повалил к ней народ.

Ответственная, требующая выдержки, большого сердца и железных нервов работа была поручена бывшей партизанке. Она возглавила отдел социального обеспечения.

Районные власти сумели предотвратить и голод и эпидемии. Потом встала новая задача — переселить людей из землянок в дома.

В Пуницах вспоминали, как приехала к ним Шпаковская в начале 1947 года.

— Что же вы, женщины, думаете делать? — спросила она.— Неужто помирать хотите в этих ямах? Надо строиться.

— А как же, Ефимовна, мы будем строиться, когда у нас на всю деревню один плотник остался, старик Антон Иванов?

— А вы что, не сила? Государство даст лес. Получите кредиты: по восемь тысяч на двор. А у кого детей много, тем бесплатно построим. Машины пришлем. Стройте, женщины! И пусть старый Антон будет у вас за бригадира!

— Как услышали мы эти слова, так у нас снова дух поднялся,— говорила на сходе Хима Дмитроченко.— Знали мы, что раз Ефимовна сказала, дело будет. И правда... Помогло нам государство. Что бы я сделала одна, с четырьмя детьми, когда не государство? Хату мне отстроили лучше прежней. Корову дали... Спасибо Сталину родному, спасибо советской власти! И спасибо нашей Ефимовне. Я за нее первая голосовать пойду!

* * *

Мы пришли к Анне Ефимовне Шпаковской в ее кабинет, в Суражский райисполком, когда она заканчивала прием посетителей.

Мы вышли вместе с ней. В сером свете позднего декабрьского дня тянулись улицы новых домов. Некоторые стояли еще с пустыми «залобниками», некоторые были покрыты не драницей, а соломой.

— Это временно,— сказала Анна Ефимовна.— Скоро пустим кирпичные заводы. Будем строить каменные дома с черепичными крышами!

Я спросил ее о сыне.

— Здоровый!—улыбнулась она.— Шесть лет уже.

Помолчала. Задумалась.

— Дети! Ради них мы все вынесли, все преодолели. Вот Минай Филиппович... Вы знаете, что немцы сделали с его ребятами? Большое у него горе. Но если бы не он, не такие, как он... разве могли бы мы одолеть врага. Разве добились бы мы победы? Мы вырвали у смерти тысячи, миллионы, десятки миллионов детских жизней! А сейчас мы построим для них такую жизнь, какая и не снилась нашим отцам. А эту улицу,— добавила она,— мы решили назвать именем Шмырева. Пусть никогда не забудут люди его имя.

В мире редких книг

Л. ГОЛЬДИН

Старопечатная книга «Апостол» — первое датированное московское издание Ивана Федорова (1564 год).

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина... Гигантское книгохранилище, сокровищница многовековой человеческой культуры. Ее богатейшим фондом, насчитывающим 11 миллионов томов, ежедневно пользуются тысячи читателей Москвы и периферии, люди разных возрастов и профессий.

Среди замечательных ценностей библиотеки — 150 тысяч редчайших книг всех времен и народов. Раскрывая их, ощущаешь дыхание времени.

Нам показывают первые старопечатные книги середины XVI века — «Евангелие», «Псалтырь», «Апостол», напечатанный Иваном Федоровым. Далее мы знакомимся с «Геометрией», впервые напечатанной гражданским шрифтом в 1708 году.

Книжка величиной с небольшой блокнот содержит комплект первой русской газеты «Ведомости». Она начала выходить в 1703 году. В каждом номере — четыре миниатюрных страницы. Это хроника текущих событий. В «Ведомостях» сообщается о возвращении Петра с войны, дается статистика рождений в Москве, рассказывается об изготовлении пушек, о том, что «индийский царь послал государю нашему слона и иных вещей немало».

Из литературных произведений XVIII века обращает на себя внимание биографическая повесть Радищева «Житие Федора Ушакова».

Исключительный интерес представляет собрание книг и брошюр, запрещенных в свое время царской цензурой и отпечатанных в революционном подполье. Здесь первые издания произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина, полные комплекты газеты «Искра».

В фондах отдела редких книг собрана также уникальная литература народов Европы. Перед нами — инкунабула[1] огромного формата. Это — первое иллюстрированное издание «Божественной комедии» Данте с комментариями Христофора Ландино. Место издания — Флоренция. Время — 1481 год. Бессмертное творение Данте оформлено искусными гравюрами на меди, выполненными по рисункам Сандро Ботичелли.

Нам показывают книги, которые имеются во всем мире в одном или двух экземплярах. В XVII веке в Лондоне вышло в свет безымянное издание брошюры «Убиение Лжедмитрия». В ней рассказывается о гибели Дмитрия Самозванца. Эту брошюру можно найти только в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве и Британском музее в Лондоне.

Столь же ценна инкунабула «Обычное право Нормандии» (1480 г.), находящаяся, кроме Ленинской, еще только в Руанской библиотеке (Франция).

Недавно отдел редких книг пополнился новыми приобретениями. Среди них любопытен альбом зарисовок с натуры русских воинов, вступивших в Берлин в 1813 году после разгрома наполеоновских войск. В альбоме зарисовки казаков, гусар, пехотинцев и артиллеристов. Они исполнены художниками Шадовым и Колбом.

Библиотека приобрела «Путешествие вокруг моей комнаты». Это оригинальные философско-бытовые очерки, принадлежащие перу Ксавье де Местра, француза, эмигрировавшего в Россию в конце XVIII века. Книга издана в Париже в 1814 году тиражом в 35 экземпляров, причем 10 из них, в том числе и приобретенный библиотекой имени Ленина, были отпечатаны на пергаменте. Интересна история этого экземпляра. Он принадлежал некогда русскому дипломату, проживавшему во Франции в 70—80-х годах XIX века. Книга была подарена ему одним из крупных парижских собирателей редкостей. По сохранившимся записям в дневниках русского дипломата — библиофила — удалось установить, что первым владельцем книги был Талейран. Он подарил «Путешествие» испанскому королю во время Венского конгресса. Позже книга перешла к королевскому министру Гонзалесу Браво. Последний завещал ее своему другу, который и подарил ее русскому.

...Было бы неправильно думать, что редкие книги хранятся в библиотеке имени Ленина без движения, только как музейные ценности, как памятники старины.

Богатейший фонд редких книг привлекает в Ленинскую библиотеку многочисленных читателей. Этими изданиями пользуются, как пособиями, полиграфисты, художники-иллюстраторы, студенты и преподаватели специальных учебных заведений, научные работники.

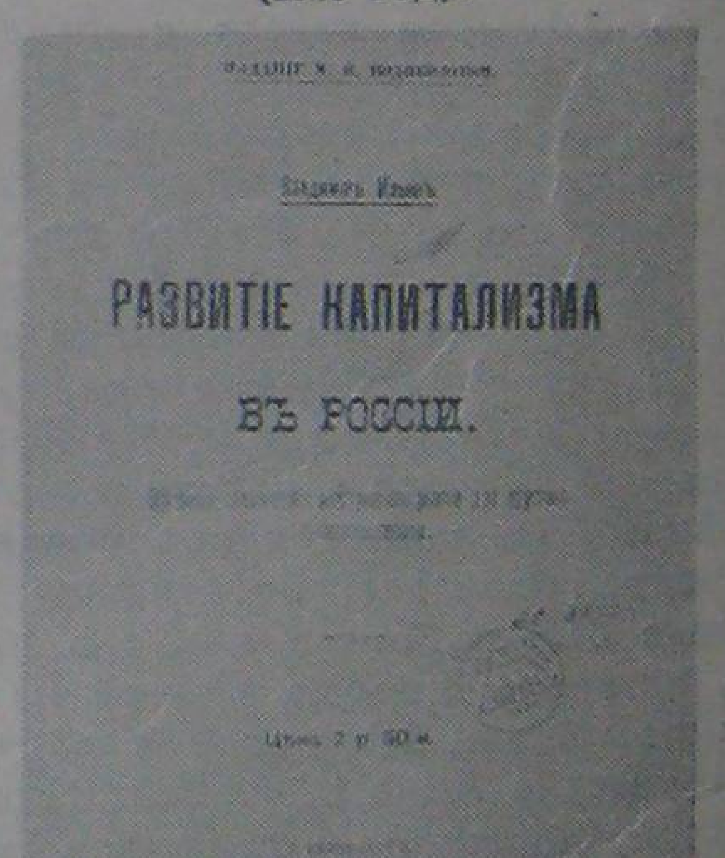
Известный книговед, член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров после длительного изучения материалов отдела редких книг написал капитальный труд «История оформления русской книги», а сотрудница библиотеки А. С. Зернова выступила с научным исследованием «Начало книгопечатания в Москве и на Украине».

В отделе редких книг практикуется проведение книжных выставок. Вслед за выставками «Рисунок пером в иллюстрации», «История переплета от середины XV века до наших дней», готовятся новые выставки по истории шрифта, на темы: «Иллюстрации к текстам классиков художественной литературы», «Техника печати» и т. д.

После того как закончится строительство новых корпусов Ленинской библиотеки, в одном из них откроется Музей редкой книги.

[1] Книга, напечатанная до XVI века.

«Донесение следственной комиссии» по делу декабристов (1826 год).

РАЗВИТIЕ КАПИТАЛИЗМА
ВЪ РОССIИ

Первое издание работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (1899 год).

«Геометрия». Первая книга, напечатанная «гражданским» шрифтом (Москва, 1708 год).

(Продолжение. См. «Огонек» № 1)

Илья ЭРЕНБУРГ

Рисунки Л. Бродаты

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Редакция газеты «Фламбо дю миди». Кабинет редактора. Большой стол завален газетами, гранками, письмами. Бутылка ликера, две рюмки. Цветы. Женская перчатка. На стенах фотографии актрис и лошадей. Маленький столик с пишущей машинкой. В кресле редактор, он просматривает газету. Перед ним репортер Пьер Желино, бедно одетый, с подбитым глазом.)

РЕДАКТОР (не глядя на Желино). Ну, собрали материал?

ЖЕЛИНО. Кое-что есть. Вчера вечером было собрание. Забастовка должна начаться послезавтра или в четверг. Шено выступил с пространной речью. Я записал самое важное... (Вынимает блокнот.)

РЕДАКТОР. Неинтересно. Значит, в среду или в четверг? Что вы узнали о Мари-Лу? (Смотрит на Желино.) Кто вас разукрасил? Бегаете к девочкам?

ЖЕЛИНО. Что вы, господин Пике! У меня трое детей, мне не до этого. Это на собрании. Вдруг подымается на трибуну какой-то подлец и кричит: «Здесь присутствует журналист, который прославлял убийц Мари-Лу!» Я вижу, что другого выхода нет — толпа разъярена,— говорю, что я здесь как представитель «Фламбо дю миди», а при немцах выходила «Фламбо дю жур», они прерывают: «Это—одно и то же». Один спрашивает: правда ли, что я писал о Мари-Лу? Я отвечаю, что писал только о мелких кражах, говорю, что мой дядюшка был в сопротивлении, что немцы меня чуть было не послали на работы, ничего не действует. Один — совершенно озверелый — подбежал ко мне и спрашивает: «А кто писал про Мари-Лу?» Я отвечаю, что это мне неизвестно. Тогда...

РЕДАКТОР (усмехается). А действительно, кто писал про Мари-Лу?

(Пауза.)

ЖЕЛИНО. Господин Пике, вы это знаете лучше меня.

РЕДАКТОР. Ладно. Что ж они с вами сделали?

ЖЕЛИНО. Один ударил. В общем выбрался...

РЕДАКТОР. Больше шума, чем беды. Что же вы узнали про Мари-Лу?

ЖЕЛИНО. Вивье уверяет, что ее действительно расстреляли.

РЕДАКТОР. Я вас об этом не спрашиваю. Это — дело редактора, а не репортера. Я поручил вам собрать детали ее прошлом.

ЖЕЛИНО (смотрит в блокнот). Двадцать два года, родилась здесь, дом восемь на улице Тьера, отец был механиком на заводе Дело, после школы поступила в мастерскую госпожи Мальбранш...

РЕДАКТОР. Вы, может быть, собираетесь писать ее биографию? Мне нужны живописные детали. Понятно?

ЖЕЛИНО (смотрит в блокнот). Немецкий протокол об обыске. У нее нашли револьвер немецкого происхождения, книгу Горького «Мать», триста шестнадцать франков и записку от какого-то Поля, который называл ее «звездочкой». Есть данные о самой казни, перед смертью она крикнула: «Нас много»...

РЕДАКТОР. Понимаю—вы собираетесь написать статейку для коммунистической газеты «Мари-Лу, или красная Жанна д'Арк»? Хватит! Жалко, что я поручил такое ответственное дело вам. Вы действительно годитесь только для мелких краж. Ну? Почему вы молчите? Вы не журналист, вы пескарь. Можете идти.

(Желино идет к двери.)

Погодите! До вечера извольте выяснить, когда начнется забастовка — в среду или в четверг. В общем вы мало чем рискуете: если вам подобьют другой глаз, у вас будет вполне пристойный вид. Можете идти.

(Желино идет к двери.)

Стойте! Пришлите сюда Мими, я продиктую передовую.

(Желино уходит. Редактор выпивает рюмку, нюхает цветы. Входит Мими, нарядная, с локонами, лицо куклы. Она садится за пишущую машинку.)

МИМИ. Ну?

РЕДАКТОР. Ну?

МИМИ. Я жду, что вы продиктуете.

РЕДАКТОР. А я жду, что ты скажешь. Я прождал вчера полтора часа. Я, кажется, редактор большой газеты, а не приготовишка.

МИМИ. Но я вам сказала, что я...

РЕДАКТОР. Ты мне сказала, что придешь. Довольно разыгрывать неприступную весталку! Устарело. После Анатоля Франса, после Фрейда, после двадцати веков прогресса это попросту неприлично. (Подходит, хочет поцеловать Мими, но она уклоняется от поцелуя, вертясь на вращающемся табурете.) Ну? Чего ты ждешь? Может быть, американца с долларами?

МИМИ. Я жду, когда вы начнете диктовать.

РЕДАКТОР. Ты придешь сегодня вечером?

МИМИ. Сегодня вечером вы как будто заняты с мадмуазель Бубуль.

РЕДАКТОР. Ах, вот что... Мы ужасно ревнивы. Брось глупости! Бубуль — это девушка Ришара, а Ришар — мой лучший друг. Да и вообще, как ты могла подумать! У меня слишком хороший вкус. После тебя — и вдруг Бубуль! Нет! (Целует ее.) Придешь? (Она кивает головой.) А теперь за работу. «Тучи сгущаются. Американские наблюдатели, которые приехали в нашу страну, увидят...» (Шагает по кабинету, подыскивая слова. Мими, оглянувшись, заметила на столе перчатку. Она вскакивает, берет перчатку.)

МИМИ. Чья это? Бубуль?

РЕДАКТОР. «Увидят зловещую картину»... Зачем ты это взяла? Отдай.

МИМИ. Чья это перчатка?

РЕДАКТОР (отбирает перчатку). Не твое дело. Мало ли что может быть в редакции. И потом я не выношу тирании. Прошу оставить этот тоталитарный тон. Я француз, мне ненавистна всякая диктатура.

МИМИ. Можете диктовать.

РЕДАКТОР (подбегает к ней, хочет поцеловать, она вертится). Ну, брось глупости! Как тебе не стыдно? Это перчатка моей жены. Нельзя быть такой подозрительной. (Целует ее.) Пиши. «Как черные воды потопа, забастовки хотят уничтожить прекрасную Францию. Во главе местных коммунистов стоит некая «Мари-Лу». Пора сорвать с нее маску! Коммунисты утверждают, что она расстреляна немцами. На самом деле гестаповцы ее отпустили и Мари-Лу сейчас находится в нашем городе».

МИМИ. Это правда?

РЕДАКТОР. Не твое дело. Сейчас ты машинистка — и только. Понятно? Пиши. «Мари-Лу — вовсе не Мари-Лу, а Мария Львовна, русская из Смоленска. Нам удалось установить, что она переправила в наш город огромные суммы и пулеметы русского происхождения. В кругах, близких к заговорщикам, ее называют «Красной звездой». Заговорщики намечают в среду или в четверг...»

(Стучат. Входит секретарь редакции, старичок в черной ермолке.)

СЕКРЕТАРЬ (шопотом). К вам пришла дама, господин Пике.

РЕДАКТОР. Вы, кажется, видите, что я занят.

СЕКРЕТАРЬ. Я ей так сказал, но она настаивает. Она говорит, что у нее дело государственной важности.

РЕДАКТОР. Но кто это? Приезжая?

СЕКРЕТАРЬ (еще тише). Мадмуазель Бубуль.

РЕДАКТОР. Скажите, чтобы подождала.

(Секретарь уходит.)

МИМИ. Вечером можете не ждать. И вообще все кончено. Вы будете диктовать или я могу идти?

РЕДАКТОР. Перестань глупить. Ты же понимаешь, что если она пришла в редакцию, то это по делу. Наверно, что-нибудь с Ришаром. Комиссия по чистке... Раскопали документы... Не сходи с ума! (Подходит, хочет поцеловать, она вертится на табурете.) Я ее сейчас же выпровожу. Между нами ничего нет, даю тебе слово. Ты у меня одна. Я даже согласен на диктатуру. (Целует ее.) А теперь уходи. Это ровно пять минут...

(Мими уходит. Редактор кричит в дверь: «Позовите ту даму!» Входит Бубуль.)

РЕДАКТОР. Ты что, с ума спятила? Среди белого дня да еще в редакцию?

БУБУЛЬ. Милый мой, мы не вчера познакомились. Можешь понять, если я пришла в редакцию, то не затем, чтобы целоваться.

РЕДАКТОР. Но это скандал. Ты понимаешь, что ты наделала? Тебя все знают.

БУБУЛЬ. Ты еще будешь меня благодарить. Это такая сенсация...

РЕДАКТОР. Догадываюсь: раскопали счета Ришара...

БУБУЛЬ. Вот и не догадался. Да ты не можешь догадаться. Я сама себе не верю. Это такая сенсация... Ты знаешь, кто к нам приехал?

РЕДАКТОР. Министр восстановления?

БУБУЛЬ. Стала бы я бегать из-за какого-то министра. Нет, ты и не можешь догадаться. Американский наблюдатель. Инкогнито. Теперь ты понимаешь, что я должна была прибежать. Имей в виду, не к мэру и не к Ришару, а к тебе. Ценишь?

РЕДАКТОР. Погоди, это может быть утка. У меня серьезная газета, я даю только проверенные факты. Кто тебе сказал?

БУБУЛЬ. Он.

РЕДАКТОР. Кто он?

БУБУЛЬ. Я тебе говорю, что он. Ну, он сам... Американский наблюдатель. Не веришь? Он приехал вчера утром. Наверно, весь день наблюдал, а вечером пошел в «Кафе о лион». Я туда заглянула на минуту. Франсуа мне

сказав, что вы только что ушли. Он начал на меня глядеть, потом не выдержал и подошел. Он такой вежливый, такой деликатный... Сначала он не хотел сказать, зачем приехал, полное инкогнито, даже нарочно сбивал с толку, говорил, что его интересуют древности, словом, заметал следы. Потом он немного выпил, а главное, он безумно увлекся мной. Я помнила о тебе и старалась вытянуть из него как можно больше. Ты знаешь, кто он? Личный представитель Джима, фамилию он не сказал, да я и не настаивала, ты знаешь, что я не могу запомнить ни одной американской фамилии. Но этот Джим играет всесторонною роль, он важнее всех сенаторов. А мой американец хорошо знаком с президентом, бывает запросто в Белом доме. Словом, он такой важный, что я боялась с ним разговаривать. Он ругал наш город, вообще французов, говорил «хлам», люди здесь не заняты делом, выродились. Словом, за один день успел все разнюхать. Я думаю, что мэру не поздоровится. А со мной он был такой нежный. И щедрый... У них, оказывается, нет времени, чтобы считать каждый франк, как ты. Я никогда не думала, что стану героиней замечательного фильма. Американцы — настоящие демократы, подумай, такой государственный человек запросто пошел ко мне, говорил: «Бубуль, Бубуль».

РЕДАКТОР. И ты его привела в свою трущобу?

БУБУЛЬ. Ну да, я тебе говорю, что он здесь инкогнито.

РЕДАКТОР. Где он остановился?

БУБУЛЬ. В гостинице «Люкс».

РЕДАКТОР. Кошмар! Это настоящая дыра. Там клопы...

БУБУЛЬ. Я думаю, что он нарочно выбрал: его ведь послали проверить, как мы живем. А денег у него уйма, он мне даже подарил... Впрочем, это неважно...

РЕДАКТОР. Пожалуй, лучше, что он увидел нашу бедность. Но нужно скорее предупредить мэра, чтобы правильно все осветить. Это действительно сенсация. Здесь нельзя терять времени.

БУБУЛЬ (*берет перчатку*). Ты, кстати, не теряешь времени. Чья это перчатка?

РЕДАКТОР. Брось глупости, это забыла моя машинистка Мими.

БУБУЛЬ. Ты, может быть, решил, что я для тебя слишком простенькая? Этот американец видел побольше, чем ты, с ним жили актрисы из Голливуда, и все-таки он побежал за мной. А ты, видно, ищешь «приличную» дамочку? (*Швыряет перчатку.*)

РЕДАКТОР. Что ты придумываешь? Я приду, как всегда, в четверг. Если только не будет забастовки... Скажи лучше, как зовут этого американца? Или ты не смогла даже этого запомнить?

БУБУЛЬ. Нет, это я запомнила. У него очень легкая фамилия.

РЕДАКТОР. Ну?

БУБУЛЬ. Слушай, милый, дай мне восемь тысяч. Мне нужно заплатить модистке, а у меня только чек.

РЕДАКТОР (*достает кредитки из бумажника*). Держи—пять, больше у меня нет. Как его зовут?

БУБУЛЬ. Джемс Лоу. Сейчас он у себя в гостинице...

(*Стучат. Показывается голова секретаря редакции.*)

СЕКРЕТАРЬ (*шепотом*). Господин Пике...

РЕДАКТОР. Вы не видите, что я занят?

СЕКРЕТАРЬ. Но это госпожа Пике. Она ничего не хочет слушать...

(*Голос госпожи Пике: «То есть как это занят? Я его жена или нет?» Отталкивая секретаря, в кабинет врывается госпожа Пике, чрезвычайно полная женщина в крохотной фиолетовой шляпе, с зонтиком.*)

ГОСПОЖА ПИКЕ. Ах вот как!.. Что здесь делает эта тварь?

РЕДАКТОР. Крошка, успокойся. Это чисто деловой разговор — она мне сообщила, как редактору, нечто исключительное...

ГОСПОЖА ПИКЕ. Ты еще смеешь врать? Нет, вы послушайте, он выдает публичную девку за газетного информатора!. Вот тебе «чисто деловой разговор»! (*Ударяет его зонтиком.*)

(*Воспользовавшись суматохой, Бубуль убегает.*)

РЕДАКТОР. Крошка, я тебе еще раз говорю: успокойся. Отложим этот разговор до вечера. У меня очень важное дело. От этого зависит судьба родины, судьба газеты, судьба наших детей. Я могу стать первым журналистом Франции. (*Кричит в дверь: «Мадмуазель Мими!» Входит Мими. Она изумленно оглядывает госпожу Пике, которая все еще потрясает зонтиком, и садится к машинке.*)

РЕДАКТОР. Пишите.

МИМИ. Мы остановились на словах: «Заговорщики намечают в среду или в четверг».

РЕДАКТОР. Это потом. Прежде всего на первую полосу: «В нашем городе произошло сенсационное событие»...

ГОСПОЖА ПИКЕ. Я тебя спрашиваю: что здесь делала эта тварь?

РЕДАКТОР. Крошка, не перебивай. «К нам приехал американский наблюдатель, личный представитель президента великой союзной республики. В следующем выпуске мы дадим интервью с господином Джемсом Лоу».

ГОСПОЖА ПИКЕ. Не заговаривай мне зубы. Эта тварь забыла здесь перчатку. (*Кидает перчатку на пол, топчет ее.*)

МИМИ. Ах так!.. Господин Пике, я сегодня вечером занята, так что вам придется пригласить другую машинистку.

РЕДАКТОР. Да ну вас всех к чорту с вашими бабскими историями! Разве вы можете понять, какая это сенсация? Нужно прежде всего предупредить мэра, потом взять интервью, передать в Париж. Здесь делается мировая история, а вы с вашей поганой перчаткой. Самое смешное, что я сам не знаю, чья она... (*Убегает.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(*Комната в третьеразрядной гостинице «Люкс». Темно. Грязные обои. Огромная кровать по середине комнаты. В нише раковина умывальника, возле нее стоит Лоу и яростно вертит кран. Перед ним заспанный коридорный.*)

ЛОУ. Вы сказали, что у вас проточная вода во всех комнатах...

КОРИДОРНЫЙ. Да, сударь. Можете сами проверить. Вот кран с горячей водой.

ЛОУ. Но она не течет

КОРИДОРНЫЙ. Она текла до войны, сударь.

ЛОУ. Вы хотите, чтобы я мылся довоенной водой?

КОРИДОРНЫЙ. Я ничего не хочу, сударь.

ЛОУ. Где холодная вода?

КОРИДОРНЫЙ. Холодная иногда течет. Господин из восемнадцатого номера говорил, что она всегда течет в четыре часа утра. Может быть, вы подождете?.. Ничего не поделаешь, все пришло в упадок. Дело, сударь, за американцами.

ЛОУ. Стоп! Вы не на собрании Объединенных наций. Дело за водой! Принесите кувшин воды и портативную ванну.

(*Коридорный уходит. Лоу вертит краны. Стучат. Входит мэр, позади редактор.*)

МЭР. Если вы разрешите...

ЛОУ. Где вода? Столько бездельников и ничего нельзя добиться. Вас нужно разогнать!

МЭР. Но, господин Лоу...

ЛОУ. Никаких «но»! Мне надоело разговаривать с олухами. Где вода? (*Входит коридорный с крохотным тазиком и чайником.*) Вот ваша Франция! Античный свинюшник! Коллекция средневековых лодырей! (*Хватает мэра за воротник.*) Что вы здесь крутитесь? Займитесь лучше водопроводом.

МЭР. Господин Лоу, мы работаем с утра до ночи... Мы приняли все меры... Это послевоенная разруха... Вы сами видите, как мы разорены... Именно поэтому мы так рады вашему приезду...

ЛОУ. Вы еще смеете издеваться? Вы рады? Но я, чорт побери, не рад! Я хочу мыться, понятно? По-вашему, я могу влезть в эту мисочку? Мы, американцы, не метафизики, мы моемся, а не занимаемся любовными интрижками.

МЭР. Господин Лоу, мы делаем все, от нас зависящее. Но без американской помощи...

ЛОУ. Это я уже слышал. Вы не на конференции шестнадцати наций. Вы думаете, что Америка вам пришлет клопоморов?

МЭР. Я вас уверяю, как мэр города, что мы приняли срочные меры...

ЛОУ. Вы мэр города? Удивительно!.. Я вас принял за хозяина этого клоповника. Будем знакомы (*протягивает руку*). В общем, я люблю мэров. Мэр Джексона — славный парень, только он слишком любит виски и поэтому голосовал за сухой закон. Садитесь прямо на кровать: я не выношу этикета. А кто же этот господин?

РЕДАКТОР. Разрешите представиться: ответственный редактор единственной местной газеты «Фламбо дю миди».

ЛОУ. Газетчик? Что же, и это — дело. В общем я люблю прессу. Хороший журналист делает доллары и не мешает другим. Так или не так? Но почему у вас только одна газета? У нас в Джексоне две газеты: конкуренция — это двигатель жизни. Должны быть две газеты, два универмага, две партии. Но одна жена, одна монетная единица, один бог. Так или не так? Сколько у вас в городе партий?

РЕДАКТОР. Не считая мелких — шесть.

ЛОУ. Чересчур много. Знаете что: закройте четыре. Нужно экономить, особенно теперь, когда вы в пиковом положении. В Америке много долларов и всего две партии:

республиканцы и демократы. Вы можете их назвать по-своему — мы уважаем чужие обычаи. На Филиппинах тоже две партии, но нам все равно, как они называются. В общем филиппинцы вас опередили. Подумайте: восемь партий и ни одной ванны! Я не хочу вас обидеть, я знаю, что французы — исторический народ. У нас в Джексоне есть бар с джазом, там замечательные коктейли, и вы знаете, как он называется? «Старая Франция». Мы умеем ценить чужие достоинства. В общем вы мне нравитесь, поэтому я скажу прямо: вам нужно учиться. Я здесь второй день и вижу вашу слабость: никакой инициативы. Я спрашиваю: «Почему нет воды?» А мне говорят про американскую помощь. Глупо и безнравственно. Конечно, мы вам поможем. Джим говорил, что это на мази. Но мало получить доллары, нужно уметь с ними обращаться. Доллары дают деловым людям, а не шелопаям. Вы отстали на сто лет. Когда-то европейцы открыли Америку, построили города, построили мой Джексон. Мы перед Европой в долгу, а мы, американцы, отдаем наши долги, мы должны теперь открыть Европу, построить здесь нечто порядочное — как Джексон. Без клопов. Без метафизиков. И без коммунистов.

РЕДАКТОР (*он все время что-то записывает*). Господин Лоу, это настолько мудрые слова, что мне хочется довести их до сведения наших читателей. Я знаю, что вы здесь инкогнито, вы мне потом скажете, что я могу дать от вашего имени и что мне придется выдать за свои мысли.

ЛОУ. Можете все выдать за свои мысли. Реклама — великое дело, но, верьте мне, я сейчас меньше всего нуждаюсь в рекламе. У судьбы свои шутки: меня теперь интересует ваше старье.

МЭР. Дорогой мистер Лоу, почему же старье? Я понимаю, что мы сильно отстали, но у нас тоже есть кое-что новое: дансинг, два американских бара, молодежь. Я вас познакомлю с писателем Рене Вивьеном, это — восходящее светило. Я познакомлю вас с моей дочкой, ей восемнадцать лет, она не выносит ничего старого. Она не выносит даже меня... Напрасно вы остановились в этой допотопной гостинице. Почему вы нас не предупредили?

ЛОУ. А почему я должен был вас предупреждать?

МЭР. Я понимаю, вы соблюдаете инкогнито, хотите войти в самую толщу жизни. Я сам люблю соприкасаться с народом. Но все-таки здесь вы не можете оставаться. Мы приготовили для вас аппартаменты в «Отель дю Гран Лион».

ЛОУ. Не выйдет. У меня нет ваших паршивых франков. Чековая книжка и перспективы...

МЭР. Что вы, что вы!.. Нельзя быть таким скромным. Вы наш гость. Не сердитесь, если мы вас бедно принимаем: мы очень разорены войной. Для нашего города — такая честь ваш приезд... (*Встает.*) Как мэр, я хочу вас приветствовать в этих древних и славных стенах. В городском архиве хранится приветственный адрес жителей нашего города бессмертному Лаффайету. У истории есть своя мораль: к вам, в Америку, приехал Лаффайет, а к нам из Америки приехал Джемс Лоу, посол дружбы и благоденствия (*жмет руку Лоу*).

ЛОУ. В общем я согласен. Я даже тронут... О деловой стороне поговорим потом. Мы, американцы, умеем брать и умеем давать. А вы неплохой парень. Вы могли бы быть американцем, мэром Джексона. Угу.

МЭР. Ужасно, что вы провели в этой трущобе бессонную ночь. Но скажу эгоистично как мэр города: я рад, что американский наблюдатель увидел нашу нищету.

ЛОУ. У нас в Америке не любят нищих. Когда у человека нет долларов, он должен говорить, что у него есть доллары. Доллар приходит в гости к доллару, доллар не любит пустые карманы.

МЭР. Я могу сказать одно в наше оправдание: мы разорены войной. В нашем городе не было крупных боев, но нас восемнадцать раз бомбили — сначала немцы, а потом союзники.

ЛОУ. Это — объяснение, но не оправдание. Воевать нужно далеко, тогда война оправдана морально и материально. Мы воевали в Нормандии, сейчас мы воюем в Китае, завтра мы будем воевать где-нибудь на Северном полюсе. Это в порядке вещей. А воевать у себя дома — глупо и безнравственно.

РЕДАКТОР. Удивительно метко! Если разрешите, я напишу об этом в нашей газете.

ЛОУ. Пишите. Кстати, мне столько приходится говорить, что у меня пересохло горло. (*Звонит.*) Я не думал, когда приехал сюда, что мне придется заняться воспитанием французов, но мы, американцы, умеем менять профессию... (*Стучит. Входит Делó.*) Послушайте, дайте нам коньяку. Ну? Что же вы стоите, как истукан? Может быть, ждете американской помощи, прежде чем подать нам бутылку?..

ДЕЛО. Я хотел засвидетельствовать мое почтение... К сожалению, мой завод не выделывает коньяка, наша специальность — кюрассо...

МЭР. Разрешите вам представить: член муниципального совета, директор прославленной фирмы «Делó и сын»...

ЛОУ. В таком случае садитесь. Я вообще люблю директоров.

(*Входит коридорный.*)

МЭР. Принесите бутылочку кюрассо, конечно, «Делó и сын».

ЛОУ. Это хорошо, что в вашем муниципальном совете такие солидные люди. Когда человек изготовляет ликеры, он трезво смотрит на жизнь. Угу.

(*Коридорный приносит бутылку, рюмки. Делó разливает.*)

МЭР. Выпьем за достойного представителя великой плодоносной Америки.

ЛОУ. (*Делó.*) А вы почему не пьете?

ДЕЛО. Доктор запретил мне даже нюхать спиртное. Я пил и много. Но господа-коммунисты довели меня до хронического воспаления печени.

ЛОУ. Мэр Джексона тянет виски, а других заставляет пить молоко. По-моему, вы куда благородней (*пьет*). В первый раз пью такой коктейль. Вы знаете, что это? Смесь бензина с одеколоном.

ДЕЛО. Наша фирма сто одиннадцать лет поддерживала престиж французской культуры. Мы не виноваты, что господа-коммунисты мешают нам получать апельсиновые корки из Испании. Если вам удастся, господин Лоу, повлиять на наших министров, я вас угощу настоящим довоенным кюрассо.

ЛОУ (*задумывается, кладет ноги на спинку кровати*). Хорошо. При случае повлияю.

(*Стучат. Входят Ришар и писатель Рене Вивьен, молодой, сильно прыщеватый, с огромным портфелем.*)

МЭР (*поспешно*). Разрешите представить: господин Ришар, член муниципального совета, председатель торговой палаты и крупный домовладелец. А это наша знаменитость: молодой писатель Рене Вивьен, он получил за свой роман премию «Этуаль де миди».

ЛОУ. Присаживайтесь. Я теперь понимаю, почему здесь такая поместительная кровать. Можно открыть заседание муниципального совета. (*Ришару.*) Это хорошо, что у вас дома. Человек, у которого недвижимость, всегда движется вперед. Вы как: покупаете или строите?

РИШАР. Откровенно говоря, я не покупал и не строил, мне помогло провидение.

МЭР. Не удивляйтесь, господин Лоу, наш друг Ришар — убежденный католик, он даже говорит, что верит в бога.

ЛОУ. Это хорошо, это помогает делать доллары. Но я не понимаю, какая связь между провидением и недвижимостью? У нас в Джексоне люди строят дома богу, это понятно, а вот чтобы бог построил дома человеку, этого я еще не видал.

РИШАР. Провидение потому и провидение, что его нельзя предвидеть. До войны я был скромным тружеником. Спросите любого человека в нашем городе, все вам скажут, что я честнейший человек. Потом пришли черные дни оккупации. Вы не можете себе представить, как нас угнетали немцы! Я жил одним — надеждой на десант. Немцы не считались ни с какими законами, они отняли дома... у полуфранцузов неарийского происхождения. Мой долг был — взять эти дома, сохранить их и для Франции и для моих малолетних детей. Да, самому провидению было угодно, чтобы я стал первым домовладельцем города.

ЛОУ. Вы знаете, я недооценивал французов, я думал, что вы метафизики, а среди вас имеются деловые люди. Угу. Такое провидение может пригодиться и в Джексоне. Это хорошо, что у вас в муниципальном совете не разбойники, а цвет города.

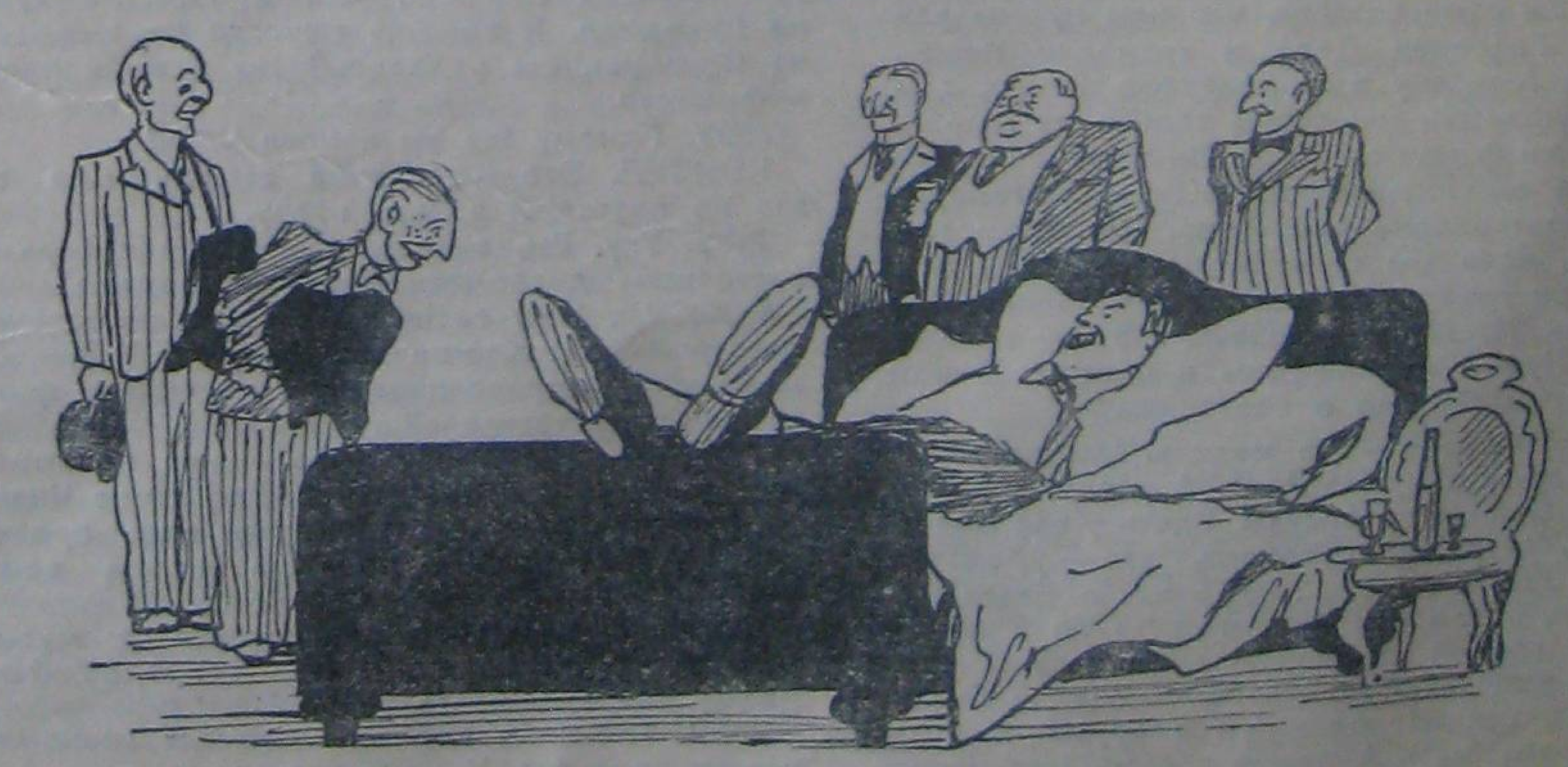
МЭР. У нас сидели в муниципальном совете настоящие разбойники. Вы знаете, как называется площадь, где находится мэрия? Сталинградская площадь. Разве это не скандал? Я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что я живу на Сталинградской площади. Прежде она называлась площадью Тьера, но эти разбойники, то есть коммунисты, назвали главную площадь города большевистским именем. На новых выборах пять партий, не считая мелких, объединились. Мы все — и господин Делó, и господин Ришар, и я — выложили наши последние сбережения. Мы пожертвовали кровным добром ради спасения родины. У нас оказалось пятьдесят пять процентов голосов. Тогда мы постановили исключить разбойников из муниципального совета. Я вам говорю, это настоящий роман...

ЛОУ (*он плохо слушал мэра, писателю*). Роман? Вы, значит, пишете романы? И как — приносит? У вас портфель больше, чем у министра, сразу чувствуется, что там пяток самых новых романов. Что же, и это — дело. Я лично никогда не читаю, у меня для этого нет времени, но моя сестра в Джексоне буквально проглатывает романы. Она мне иногда рассказывает. Бывают смешные... (*смеется*). Но зачем говорить о пустяках? Сколько экземпляров вы продали, молодой человек?

ПИСАТЕЛЬ. Восемьсот.

ЛОУ. Маловато. У вас теперь действительно разруха. Ну, ничего, мы вам поможем. Я повлияю. У нас одна писательница написала роман, называется «Яйцо и я». Она продала восемь миллионов. Угу. Там молодожены устраивают птицеферму, целуются и продают яйца. Феноменальный успех! А как называется ваш роман?

ПИСАТЕЛЬ. «Хвост собаки Альцибиада».

ЛОУ. Глупо и безнравственно. Я хочу вам помочь, но вы все-таки выродились. Собачий хвост — это не название — это пакость. А кто он, этот... Вы сказали фамилию...

ПИСАТЕЛЬ. Альцибиад? Это древний грек. Желая потрясти воображение своих сограждан, он отрубил хвост у собаки, которая стоила семь тысяч драхм.

ЛОУ. Вы что-то путаете. Наверно, вы любите эту смесь бензина с одеколоном. Мы дали грекам не какие-то жалкие драхмы, а миллионы долларов. Угу. А рекламу, молодой человек, делают иначе — ваш грек щенок. У нас в Джексоне представитель страхового общества купил дом и сжег его, он нанял негра, чтобы тот кричал среди огня: «Я не застрахован!» — и он уплатил вдове этого негра три тысячи долларов. Угу. А о чем ваш роман? О собаках?

ПИСАТЕЛЬ (*обиженно*). Я изображаю подсознательный мир раздвоенного мечтателя, который находит подлинную свободу воли в башне из слоновой кости. Мой роман показывает все превосходство психоанализа над мнимой реальностью мира.

ЛОУ. Удивляюсь, что вы продали даже восемьсот экземпляров. Из слоновой кости изготовляют нессесеры, а не башни. Когда люди попадают в пиковое положение, как вы, нельзя заниматься такими глупостями. Нужно делать ванны, а не писать про собачий хвост. Угу.

МЭР. Наш друг еще очень молод, он не знает жизни. Я ему часто говорю: ближе к народу, к толпе, к реальности. Я, как старый социалист...

ЛОУ. Как? Вы социалист? Но это чорт знает что! Это хуже, чем его романы! Мы, американцы, не признаем никакого социализма. Деньги созданы не для того, чтобы над ними философствовать, деньги созданы для того, чтобы их зарабатывать. Как вы хотите, чтобы Америка пришла к вам на помощь, когда мэр города чуть ли не коммунист? Это глупо и безнравственно.

ДЕЛО (*мэру*). Вы теперь видите, дорогой друг, что нельзя сидеть между двух стульев. Вопрос поставлен прямо: с кем вы — с Америкой или с господами коммунистами? Никакой «третьей силы» нет. Генерал говорит...

МЭР. Погодите, господин Дело! Нельзя из-за партийных страстей срывать весь план американской помощи. Я хочу объяснить нашему дорогому гостю, что мы все за Америку. Конечно, на свете есть отвратительные социалисты. Я сам читал, как один социалист в Польше публично обнял коммуниста. Но ведь это на востоке, там дикость, тирания, а у нас живут глубоко цивилизованные социалисты. Я первый предложил исключить коммунистов из муниципального совета. Спросите у господина Дело: кто удерживает его рабочих от забастовки?

ЛОУ. Но если вы социалист, значит, вы покушаетесь на частную собственность?

МЭР. Что вы, господин Лоу! Посмотрите: разве я похож на разбойника? У меня магазин «Дам дю миди»: конфекция, белье, галантерея. Неужели я стану покушаться на самого себя?

ЛОУ. Почему же вы социалист, если вы порядочный человек?

МЭР. Вы сами сказали, что нам нужны две партии. Господин Дело и господин Ришар стоят за Америку и за генерала. А мы, старые социалисты, мы стоим только за Америку. За ваш факел свободы. За вашу демократию. За ваши доллары. Конечно, генерал рассуждает вполне правильно. Но зачем нам генерал, если мы сами можем сделать все, о чем он говорит? У нас своя старина, свои традиции. Наш народ привык к слову «социализм». Нужно кое-что дать и народу. О чем мы спорим? Только о названии...

ЛОУ. Название — это мелочь. Мы не хотим вмешиваться в чужие дела. А насчет старины мы с вами еще потолкуем. Здесь у вас имеется лев, откровенно говоря, это — уродство, это не лев, а пудель... Впрочем, о делах поговорим потом. Вы правы: дело не в названиях. Молодой человек мог бы назвать свой роман даже «Собачий хвост», но если бы он написал, как молодожены торгуют яйцами, он продал бы в Америке восемь миллионов. Угу. Называйте себя социалистом, если это вам нравится, в общем, вы неплохой мэр. Я расскажу об этом в Джексоне. А поскольку вы тоже за частную инициативу, мы можем выпить еще по одной.

МЭР. Я хочу предложить ответственный тост. Мы знаем, что вся Америка спешит на помощь всей Франции, но вот великий сын далекого Джексона, благодаря счастливой игре судьбы, попал именно к нам, и я пью за великодушную руку, которую далекий Джексон завтра протянет нашему древнему городу. (*Все чокаются.*)

ЛОУ. Где бы достать американские сигареты?

ПИСАТЕЛЬ (*высыпает из портфеля не менее двадцати пачек сигарет*). Какую марку вы предпочитаете? «Кемел», «Честерфильд», «Лаки-страйк», «Морис»?

ЛОУ. Вы, что же, такой страстный курильщик?

ПИСАТЕЛЬ. Нет, я вообще не курю. Но вы сами понимаете, литература не приносит... Премия — это только название: они выдают вместо денег диплом на плохой бумаге. Я творю исключительно ночью. А днем я работаю. В моих руках «черный рынок»!

ЛОУ. Где он помещается ваш «черный рынок»? На площади?

ПИСАТЕЛЬ. Нет, в этом портфеле. Чулки, сигареты, шоколад, пенициллин,— словом, дары вашей пышной Америки. Я покупаю в Марселе у ваших военных.

ЛОУ. Оказывается, вы не так глупы, как это кажется. Я против таких портфелей: вы мешаете честным коммерсантам. Но я понимаю, что вы в пиковом положении: нельзя жить на восемьсот экземпляров. И я вам скажу откровенно: лучше продавать дамские чулки, чем писать про хвост собаки какого-то древнего грека. Всякая торговля заслуживает уважения, наш президент сказал, что торговля — это залог прогресса. Угу.

(*Стучат. Коридорный приносит визитную карточку. Входит почетный консул Чили г. Лобре, чрезмерно элегантный мужчина лет пятидесяти.*)

КОНСУЛ. Как единственный член дипломатического корпуса в этом городе, я счастлив приветствовать высокого гостя.

ЛОУ. Устраивайтесь. Интересно, кого же вы представляете в этой дыре?

КОНСУЛ. Союзника Соединенных Штатов — республику Чили.

ЛОУ. Вот как! Что же, Чили — это полезное государство: в Чили можно делать доллары. У меня есть приятель Джим, он полгода пробыл у вас в Вальпараизо.

КОНСУЛ. Где?

ЛОУ. В Вальпараизо. Это ведь ваш главный порт...

КОНСУЛ. Вы артистически выговариваете такие трудные названия. Я бы не мог...

ЛОУ. А как же вы выехали из Чили — не через Вальпараизо?

КОНСУЛ. Я никогда не выезжал из Чили по той простой причине, что я никогда туда не приезжал. Я вообще никогда не выезжал из Франции. Вы удивлены? Но я не чилиец, я француз.

ЛОУ. Почему же вы консул Чили?

КОНСУЛ. Это — почетное звание, мне за это не платят. Я за это плачу.

ЛОУ. Угу. Вы, значит, фиктивный консул с настоящим дипломатическим паспортом?

КОНСУЛ. Нет, господин Лоу, я настоящий почетный консул, мое имя значится в дипломатическом справочнике, и я не люблю фиктивных представителей...

ЛОУ. У вас нет слуха, господин почетный консул, вы взяли не тот тон. Что такое Чили? Наша селитра, наши доллары, наш президент. Угу. Не забывайте, что перед вами представитель Джексона.

КОНСУЛ. Я никогда не отличался музыкальностью, господин Лоу. Я предпочитаю драму. Вы посещаете театры?

ЛОУ. Только в периоды сильных экономических кризисов. У меня нет времени для таких глупостей.

КОНСУЛ. Жаль. Попадаются забавные комедии. Я в Париже видел комедию Мольера «Врач поневоле». Там один лесоруб выдает себя за ученого медика. Смешно?

ЛОУ. Нет. Я знаю ученых медиков, которые ведут себя, как лесорубы: рубят на куски больных. Угу.

КОНСУЛ. Я видел в Париже одну смешную комедию русского автора. Можно сказать, вечная тема. Там один проходимец выдает себя за царского инспектора. Как вам нравится такая ситуация, господин Лоу?

ЛОУ. Мне прежде всего не нравится, что почетный консул Чили ходит на большевистские спектакли. Я расскажу об этом в Вашингтоне. А если вы так любите комедии, я знаю одну действительно сенсационную. Последняя новинка сезона. Один фальшивомонетчик выдает себя за дипломата. Угу. Почему же вы не смеетесь, господин почетный консул? Это ведь действительно смешно...

КОНСУЛ (*деланно смеется*). Смешно... Вы меня простите, многоуважаемый господин Лоу, я заехал на одну минуту — протокольный визит. Надеюсь, мы с вами еще увидимся. (*Уходит. В дверях он сталкивается с маркизом де Шампиньи. Это тучный смуглый брюнет, похожий на Дюма-отца. Консул и маркиз друг другу церемонно кланяются.*)

МАРКИЗ (*умирающим голосом*). Здравствуйте... хотел вас пригласить на охоту в мой замок, но, к сожалению, маркиза де Шампиньи плохо себя чувствует... В связи с политическими событиями у нее приступ наследственной подагры... Я устал, я пришел пешком, мой жеребец захромал, а я не выношу ни поезда, ни автобуса...

МЭР (*маркизу*). Как хорошо, что вы пришли, господин маркиз! Мы стараемся познакомить нашего гостя с достопримечательностями города, но только вы можете открыть перед господином Лоу двери высшего общества (*Лоу*). Я — старый социалист, но я первый преклоняю голову перед величием рода де Шампиньи. Маркиз был настолько любезен, что согласился войти в наш муниципальный совет.

ЛОУ (*он внимательно рассматривает маркиза*). А ну-ка, покажите вашу руку.

МАРКИЗ. Это наследственный перстень, мой дед получил его от короля Людовика-Филиппа...

ЛОУ. Перстень не при чем. Меня интересуют ногти...

МАРКИЗ. Моими ногтями занимается лучшая маникюрша города.

ЛОУ. Маникюр не при чем. И маникюр вам не поможет...

МАРКИЗ. Простите, я не понимаю, о чем вы говорите?

ЛОУ. О том. Где проживала ваша бабушка? На Антильских островах?

МАРКИЗ. Нет, в нашем родовом имении.

ЛОУ. Тем хуже для вашего дедушки...

МАРКИЗ (встает). Я вас не понимаю... Вы, кажется, сомневаетесь в моей особе? Я — маркиз де Шампиньи...

МЭР. Он — маркиз де Шампиньи...

ЛОУ. У нас такие маркизы чистят ботинки. Угу. А ну-ка, убирайтесь! (Выталкивает маркиза.) Я не выношу присутствия цветных.

МЭР. Господин Лоу, вы ошибаетесь. Мы все давно знаем маркиза...

ЛОУ. В этом вопросе я никогда не ошибаюсь. У меня большой опыт. Главное — ногти. У нас в Джексоне жил один адвокат, рыжий, бледный, с веснушками. Десять лет он занимался практикой, женился на белой. Никто не подозревал... А я поглядел и сразу увидел — ногти... Знаете, кем он был? Стопроцентным мулатом. Его повесили на дереве, потому что этот негодяй осмелился жениться на белой женщине. Угу.

(Входит секретарь мэра Гастон, тощий и белесый, весь его облик выражает одно — глубокое почтение к начальству.)

ГАСТОН. Господин мэр, простите, что я вас потревожил, но в мэрии произошли возмутительные события. Явилась делегация от муниципальных рабочих. Они требуют повышения ставок и даже угрожают... мне неудобно сказать, но они угрожают забастовкой. Я счел долгом срочно вас предупредить.

МЭР. Могли бы подождать с такими приятными новостями. И потом я занят общегосударственным делом. Можете идти.

(Гастон, приниженно кланяясь, уходит.)

ЛОУ. Я теперь у вас никому не верю. Вы заинтересовались ногтями этого субъекта? Может быть, он тоже черный?

ДЕЛО. Он хуже, чем черный,— он красный. Я видел его позавчера с одной коммунисткой, они вместе ели мороженое (мэру). Вы распустили служащих мэрии. Этот Гастон нахально держится. Вы распустили весь город. Если у вас начнется забастовка, она сейчас же перекинется ко мне на завод. Это катастрофа. Вы ведь знаете, что в городе Мари-Лу,— значит, господа коммунисты не сегодня-завтра выступят.

МЭР. Положение, бесспорно, угрожающее, но не нужно сгущать краски.

ДЕЛО. Вы всегда боитесь называть вещи их именами. В булочных третий день нет хлеба. Интересно, что вы скажете вашим рабочим?

МЭР. Я им скажу о великодушных намерениях господина Лоу. Да, если наш дорогой гость согласен придти нам на помощь, мы спасем город от ужасной катастрофы. Я не говорю о помощи в государственном масштабе — этим занято правительство. Но почему бы прекрасному Джексону не придти на помощь нашему городу? Мы дали вам Лафайета. Мы будем покупать исключительно американские товары. Мы вам отплатим... Вы молчите, господин Лоу?

ЛОУ. Угу. Я вам уже сказал, о делах мы поговорим потом. Вы здорово умеете трепать языком, это метафизика. Мы, американцы, говорим о деле без лишних фраз и с глазу на глаз. Понятно?

МЭР. Вы правы, как всегда. Мы закончим этот разговор у меня после обеда. Вы, наверное, успели проголодаться, а моя жена вас ждет к обеду. Моя дочь сгорает от нетерпения...

ДЕЛО. Госпожа Деlо́ просила вам передать, что она будет счастлива, если вы примете приглашение.

РИШАР. Боже, сколько у меня соперников! Но я все-таки надеюсь, что господин Лоу согласится посетить мою скромную хижину...

МЭР. Это нечестно — я вас известил о приезде господина Лоу, а вы хотите все сорвать. Дело идет о спасении города. Я мэр или не мэр?

ДЕЛО. Я думаю, господин Лоу, вам лучше договориться со мной. Конечно, я не мэр, я только первый заместитель мэра. Но у нас в муниципальном совете большинство. Подтвердите, господин Ришар...

РИШАР. Подтверждаю. Благодаря богу и провидению — абсолютное большинство.

ДЕЛО. Мы — это партия порядка. А мэр — социалист. Вы сами знаете, что на социалистов нельзя положиться. Я с восхищением слушал, как вы приперли к стенке нашего друга, мы его сделали мэром из уважения к его сединам, но мы можем хоть завтра его сместить. Поскребите социалиста — и вы всегда найдете нечто коммунистическое...

МЭР. Во мне «нечто коммунистическое»? Ну, знаете, это чересчур! Вы забываетесь! Господину Лоу неважно, к какой фракции я примыкаю. Для него я мэр города. А вы кто? Мой заместитель — и только.

РИШАР. Я осмелюсь предложить господину Лоу компромисс. Не нужно идти ни к мэру, ни к заместителю мэра. Это крайности. Я могу предложить свои скромные услуги как председатель торговой палаты. Провидение приведет вас ко мне, дорогой мистер Лоу...

МЭР. Не слушайте их! Вы знаете, кто господин Ришар? До войны у него была крохотная лавчонка. Это несерьезная фигура.

ДЕЛО. Интересно, что вы скажете обо мне? Нет в городе человека солиднее. Моей фирме сто одиннадцать лет. Я здесь представляю самого генерала...

МЭР. Хорошо, я объясню господину Лоу, почему вы не мэр, а только заместитель мэра: вы были мэром при Петэне...

ДЕЛО. Когда вы любезничали с фон Шаубергером...

(Общий шум. Мэр, вынув из кармана трехцветный шарф, опоясывается им.)

МЭР. Именем республики я приглашаю представителя города Джексона к себе на обед.

ЛОУ. Угу. Я согласен. Господин Дело́, я еще как-нибудь загляну к вам. И в вашу «хижину», господин... Забыл, как вас зовут, одним словом, «провидение»... Я повлияю насчет апельсиновых корок, будьте спокойны. Мы, американцы, стоим над всеми партиями. Но сейчас я занят делом. Как представитель города Джексона, я должен поговорить с хозяином этого города. Я убежден, что мы договоримся (берет мэра под руку). Мы, американцы, умеем брать и умеем давать.

РЕДАКТОР. Господин Лоу, могу ли я сообщить читателям моей газеты, что есть надежда на помощь города Джексона нашему многострадальному городу?

ЛОУ. Угу. А о деталях я договорюсь с мэром.

МЭР. Воистину историческая минута! Вы можете также сообщить читателям вашей газеты, что социалистическая фракция муниципального совета вносит предложение о переименовании Сталинградской площади в площадь Джемса Лоу.

(Все аплодируют.)

(Продолжение следует.)

ШАХТЕР ЗАПОРОЖЕЦ

Савва ГОЛОВАНИВСКИЙ

В донецкой шахте, в хмурой глубине,
мерцает свет на угольной стене,
и бесконечных штреков коридоры
прорублены сквозь сумрачные горы.
Там, опускаясь с лампочкой в забой,
он продолжает ежедневный бой,—
склонясь к машине, он ведет работу,
как фронтовик, приникший к пулемету.

Стоит под кровлей вечная жара
там, где пласты столетние заснули,
и звук летит тревожно на-гора́,
как звук о камень цокающей пули.
А на земле, где начался рассвет,
где сумерки редеют постепенно,
все говорят: сейчас он начал смену,
встречая день сражений и побед!

Уже бегут вагончики по склонам,
груженым клетям тяжело ползти,
уже стоят под паром на пути
готовые к отправке эшелоны,
сверкает уголь искрами с платформ,
вокруг теснятся угольные горы,
и с восхищеньем говорят шахтеры:
он вырубил за смену десять норм!

Не ради блеска нового рекорда
он стал на эту каменную пядь,
чтобы ее решительно и твердо,
как свой рубеж, в сраженьи отстоять!
Он в черный пласт вгрызался неуклонно,
и перед ним в часы его труда
шли корабли кильватерной колонной,
дымились печи, мчались поезда...

Их голос долетал к нему сквозь дали,
сквозь облака, через туман и дым.
Они его в свидетели не звали,
считая соучастником своим.
А он врубался в землю вдохновенно,
и глыбы угля рушились у ног,
и, сколько им нарублено за смену,
он больше подсчитать уже не мог.

За каждое мгновение тревожась,
он добывал победу день за днем.
И вот идет по штреку Запорожец,
еще как бы согретый тем огнем,
тем неостывшим вдохновеньем боя
земной породы — с волею людскою,
глухих и скрытых каменных громад —
с живым умом, не знающим преград.

Еще сорок восьмой живет на свете,
еще летят стремительные клети,
и светят звезды ночи напролет.
И машинист
перекрывает нормы,
уже он в завтра шлет свои платформы,
уже в пятидесятом он живет.
Рожденное шахтерскими руками,
встает само грядущее пред нами.
Оно встает от края и до края,
сквозь даль времен, волнуя и маня,
и все вокруг, как солнцем, озаряя
чудесным светом завтрашнего дня!

Перевел с украинского
Мих. МАТУСОВСКИЙ

ТАМ, ГДЕ РАСТУТ КАМНИ

Александра ЛОЖЕЧКО

Хибинские горы спускаются почти к самому берегу голубого и холодного озера Имандра. Даже в летнюю пору ущелья этих невысоких гор сияют белизной вечных снегов. На вершинах лежат облака, будто снежные сугробы; они медленно тают и расползаются по горному хребту. Но подымаетесь ли вы в горы, бродите ли по тундре у берегов Имандры,— везде тут земля покрыта камнем. Валуны громоздятся друг на друга, вылезают из почвы или прячутся на глубине, постепенно выходя на поверхность. На этих камнях, чуть подернутых слоем земли, растут мхи, кусты и чахлые деревья.

Бедная земля! Здесь, на 67-й параллели, она ничего не могла принести человеку. На камнях и торфяных болотах в условиях короткого и холодного северного лета не росли даже самые неприхотливые овощи и злаки. Вот почему местные коренные жители — саами — целыми селениями вымирали от цынги.

В прошлом веке губернатор Зиновьев писал: «Так как на Севере постоянно льды и хлебопашество невозможно, а никакие другие промысла немыслимы, то, по моему мнению, необходимо народ удалить с Севера во внутренние районы государства...»

Советская власть поставила задачу — освоить богатства Крайнего Севера. Для этого в первую очередь необходимо было создать условия для нормальной жизни человека: решить проблему питания. Значит, возделывать землю на Севере. Эта мысль казалась невероятной.

Именно с этой невероятной мыслью приехал в Хибины двадцать пять лет назад молодой агроном, эстонец по происхождению, Иоган Гансович Эйхфельд, только что окончивший Ленинградский сельскохозяйственный институт. Он решил сделать плодородным и цветущим этот край камней, болот и лишайников.

Эйхфельд приехал в Хибины в апреле 1923 года, когда у подножья гор только что начали таять снега. Он поселился в домике лесного объездчика и объявил, что здесь, в Хибинах, организуется опытная сельскохозяйственная станция Мурманской железной дороги. Вначале руководитель этой станции работал один.

Весна медленно поднималась от подножья гор к далеким снежным вершинам. Все дольше задерживалось над тундрой солнце, темнели и оседали сугробы, покрываясь крупинками льда. Иногда вновь начинали валить хлопья, подымалась пурга, но в мае ветер дул уже влажный, теплый, а снег падал липкий, неживучий.

Обнажилась земля, покрытая прошлогодним мхом, кустами брусники и волокнистым ягелем. Склоны гор потемнели; вниз побежали, грохоча по камням, седые потоки. Эйхфельд серыми весенними тропами бродил по лесу вдоль берега Имандры: он искал подходящее место для первых делянок.

Редкие жители этих мест с удивлением смотрели на странного молодого человека, который рубил кустарник, корчевал пни, освобождая землю от камней, вскапывал твердую рыжеватую почву.

В первую очередь необходимо было внести удобрения на опытные делянки. На станции оказалось много навоза: несколько лет тому назад здесь гнали скот. Эйхфельд достал двуколку и начал возить на «поля» удобрения. Двуколка сломалась. Он стал носить навоз в корзине на собственных плечах...

Наступили долгожданные дни: на десятках крошечных делянок появились первые тонкие ростки.

Эйхфельд со своей новой, недавно приехавшей помощницей М. М. Хренниковой следили за каждым шагом развития первых культурных растений, перешагнувших Полярный круг.

...Однажды августовским утром Эйхфельд взглянул на участок и замер: поле лежало перед ним совсем белое. Это был первый короткий заморозок. Через несколько минут иней растаял. Обнажились почерневшая, увядшая картофельная ботва, поникшие кисти овса, мертвые колосья ячменя. Эйхфельд тоже стоял черный и поникший, как его растения. Вдруг он заметил несколько уцелевших зеленых кустиков. И еще, еще... Это были самые крепкие, самые сильные организмы, которые, вопреки всем законам, вынесли заморозок и продолжали жить.

И Эйхфельд понял: сегодня было не поражение, а победа. Наиболее стойкие растения выдержали небольшой заморозок короткой ночи. Они будут родоначальниками, предками той армии растений, которая пойдет в наступление на тундру, завоюет ее пески и болота, ее горы и камни и даст возможность человеку нормально жить и трудиться в суровом Заполярье.

На первом этапе работы опытной станции необходимо было выяснить, какие сорта сельскохозяйственных культур могут произрастать в условиях Хибин и какими агротехническими приемами надо их возделывать. Сотни сортов картофеля, свеклы, репы, редиса, ячменя, овса, ржи высевались на опытные делянки.

И тут начался «бунт» растений: некоторые сорта картофеля давали прекрасную ботву, но совсем не давали клубней. Шпинат пышно расцветал, но почти не выбрасывал зелени, капуста и свекла, не образуя ни кочна, ни корнеплода, вышли в стрелку и тоже зацвели...

Наблюдения и опыты привели к выводу: так растения реагировали на круглосуточный полярный день. Незаходящее солнце, обилие света вызвали у одних буйный рост зеленой массы в ущерб образованию корнеплодов, у других — преждевременный выход в стрелку и раннее цветение. Шпинат, который на несколько часов в день прикрывали от солнца соломенными матами, стал расти нормально; то же происходило со свеклой и капустой.

Агрономы стали селекционировать, отбирать такие сорта овощей, на развитие которых полярный день не оказывал вредного действия.

Шли годы. Расширялись опытные делянки, освобождались от камней и кустарника новые гектары земли, станция пополнялась новыми работниками. В 1926 году на опытной сельскохозяйственной станции стал работать замечательный человек Михаил Федорович Овохин, ставший впоследствии заместителем директора. Вначале он был здесь единственным рабочим. Именно с его помощью была произведена первая осушка болот в Хибинах. Он не только руководил группой рабочих, но сам корчевал и копал, часто стоя по колено в воде.

Оказалось, что торфяные, болотистые почвы могут давать урожай с применением одних минеральных удобрений, без навоза. Это тоже была победа!

...В горах Хибинского хребта был найден ценный минерал — апатит. Сергей Миронович Киров поставил перед большевиками Заполярья задачу — широко развернуть и освоить добычу апатитовой руды, а с этой целью создать все условия для нормальной жизни и работы в этом крае. С большой остротой встал вопрос о собственной сельскохозяйственной базе для нового промышленного города. Особое значение теперь имело все, что сделали пионеры земледелия на Кольском полуострове. В работе заполярной опытной станции начался новый этап. Теперь началась борьба за создание новых сортов овощей и злаков.

Скрещивались сорта со странными названиями: культурный сорт «юбель» с диким «соланум андегенум токанум»...

Их семена на будущий год высевают на делянки. Они дают ряд «расщепленных» форм — неполноценных,— но часть новых растений обладает теми свойствами, которыми хотел наделить их человек: морозоустойчивостью и скороспелостью дикого сорта, урожайностью и вкусовыми качествами культурного. Так в Хибинах были созданы новые сорта картофеля: «имандра», «снежинка», «эпикур», которые теперь широко распространены на севере.

И не только картофеля. Здесь выращены новые сорта свеклы, которая быстро вызревает, не стрелкуется при длинном полярном дне, отличается темной окраской мякоти; скороспелая и морозоустойчивая морковь, капуста, брюква, кормовые травы.

25 лет люди вели упорную войну с природой, с климатом, с некоторыми врожденными свойствами растений. Вот научные сотрудники из рабочих: агрономы И. П. Сомов и П. М. Епифанов, которые с таким подъемом работали на Севере в области агротехники. Вот энтузиаст-картофельник И. А. Веселовский, который много лет жил и трудился в Хибинах; сколько тысяч опытов поставлено было им, пока были выведены новые сорта картофеля! Вот люди, которые и сейчас живут в небольшом поселке среди болот и гор, на берегу озера, и летом и зимой, при незаходящем солнце и в долгую полярную ночь, кропотливо и упорно продолжают огромное, благородное дело, начатое И. Г. Эйхфельдом. Это научные сотрудники Ф. И. Маньков, П. П. Гусев, М. К. Знаменская, Е. Д. Пальчикова, П. Д. Горбачева и другие.

Новые культуры растут теперь не только на делянках и питомниках Хибинской опытной станции, которая теперь называется Полярным отделением Всесоюзного института растениеводства — ПОВИР'ом. Около 8 тысяч гектаров земли освоено сейчас на Кольском полуострове. Там, где были лишь болота и камни, сейчас зеленеют поля. Один только совхоз «Индустрия» занимает около 2000 гектаров.

Война тяжело отразилась на работе ПОВИР'а. Многие работники ушли на фронт. Немцы неоднократно бомбили станцию Хибины, разрушили некоторые здания. Но научные сотрудники с прежним энтузиазмом продолжали свое дело, ставили опыты, ухаживали за посевами, вели наблюдения.

И теперь здесь работа продолжается... Вновь остеклены теплицы, в которых зреют помидоры разных сортов, огромные змеевидные огурцы, колосится на опытных полях рожь, завиваются тугие листья капусты, выбрасывает перья лук, зацветают десятки сортов картофеля, скоро зазвенят на ветру метелки овса...

С новым директором ПОВИР'а — Филатом Ивановичем Маньковым — идем мы по опытным участкам. Бывший директор ПОВИР'а, теперь действительный член Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина Иоган Гансович Эйхфельд, лауреат Сталинской премии, живет и работает в Ленинграде.

Мы идем по опытным полям. Вокруг делянок лес, и всюду нагромождение камней. Вот поле с каменной оградой. Видно, отсюда убирали валуны, а все-таки они покрывают вспаханную землю, белеют между всходами.

— Почему же нельзя убрать весь камень?

Маньков улыбается. Потом отвечает:

— Среди местного населения существует легенда, что здесь камни растут. В самом деле, вы можете в этом году освободить поле от валунов, а через год — два оно опять покроется камнями. Они лежат не только на поверхности почвы, но и в глубине. Замерзшая земля в течение зимы постепенно выпирает камни. А все более совершенные орудия обработки почвы захватывают их наверх. Вот и все...

Я подумала, что в этой легенде о растущих камнях выражены особенности работы ПОВИР'а. Решение одной проблемы влечет за собой другую, преодоление одних трудностей, которые ставит Север перед земледелием, открывает следующий этап борьбы.

Человек изменил природу этого сурового края. Под лучами незаходящего летнего солнца Советского Заполярья раскинулись поля, пастбища, ягодники и цветники... Но борьба за освоение тундры продолжается.

Плакат гражданской войны художника Д. С. Моора

БЕСПОЩАДНО РАЗГРОМИМ И УНИЧТОЖИМ ВРАГА!

КУКРЫНИКСЫ-41г.

Плакат Отечественной войны художников Кукрыниксы

ИЗ ПЕПЛА РАЗВАЛИН

Текст В. ВОЛКОВА

Фото Н. МИХАЙЛОВА

Вновь высится в Минске восстановленное здание Белорусского государственного ордена Ленина театра оперы и балета. В фойе театра.

Когда говорят о послевоенном восстановлении, обычно имеют в виду главным образом фабрики и заводы, колхозы и совхозы. Но посмотрим, что происходит сегодня в героической Белоруссии.

Белоруссы не только пустили в ход тысячи разрушенных немцами предприятий, не только подняли из пепла целые улицы своих израненных городов, не только переселили из землянок в новые дома без малого два миллиона человек сельского населения: Белоруссия уже близка к восстановлению всех своих культурных учреждений!

До войны в республике было около 12 тысяч школ. Столько же школ насчитывается и сегодня. Зажглись огни 285 клубов и домов культуры, 2516 изб-читален — это означает, что довоенная сеть культурно-просветительных учреждений воссоздана полностью.

Недавно белорусский народ одержал новую культурную победу: в Минске восстановлен Белорусский государственный ордена Ленина театр оперы и балета.

Мне приходилось бывать в этом театре в довоенные дни. Огромное здание на площади Коммуны, изливая потоки света, казалось, парило над городом как сказочный дворец музыки, красоты, поэзии. Под сводами этого здания я впервые услышал чистые и светлые мелодии белорусских композиторов Тикоцкого и Богатырева. Здесь ставились произведения Глинки, Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова.

Через два дня после освобождения Минска Советской Армией в 1944 году я приехал в город как корреспондент фронтовой газеты. Все в Минске было разрушено. Мертвая, обгорелая громада театра на площади Коммуны высилась пугающим призраком. Стены уцелели, но внутри все было взорвано, искромсано. Гитлеровцы разграбили богатейшее имущество театра. Они вывезли в Германию все: костюмы, декорации, инструменты, библиотеку, театральный занавес, обивку кресел. Здесь был устроен пересыльный пункт для жертв гитлеровцев, направлявшихся в лагерь уничтожения — Тростенец.

Спешно покидая Минск, немцы подожгли театр.

На стене одного из разбитых домов недалеко от площади Коммуны в первые дни освобождения города кто-то вывел огромные красные буквы:

«Мы возродим тебя из пепла развалин, наш родной Минск!»

Я вспомнил про эту надпись, приехав в столицу Белоруссии в канун Нового, 1948 года.

Красочные афиши, расклеенные по всему городу, оповещали, что в Белорусском государственном театре оперы и балета состоится премьера оперы Дм. Лукаса «Кастусь Калиновский». Осуществлена постановка и другой национальной белорусской оперы — «Алеся» (музыка Е. Тикоцкого).

Вечером мы были в театре. Великолепный трехъярусный зрительный зал на 1200 мест, какому может позавидовать любая европейская столица, был переполнен. Все здесь ласкало глаз: и радостные лица посетителей, и красный бархат, и золото лож, и белорусский орнамент на стенах... Театр стал еще красивее, чем был.

Перед началом спектакля главный инженер театра А. Черноусов рассказал нам историю восстановления этой цитадели белорусского искусства. Автор довоенного архитектурного проекта здания профессор И. Лангбард со своими помощниками заново сделал все чертежи. Восстановительные работы шли днем и ночью. Минские строители послали сюда своих лучших мастеров — стахановцев Бондаренко, Евелевского, Юдина, Фиша и других. Артисты помогали рабочим.

Народная артистка Союза ССР Л. Александровская, народный артист БССР И. Болотин, заслуженный артист БССР И. Муромцев, певцы, музыканты, художники, артисты балета — все самоотверженно трудились на субботниках. Они делали все: носили лес и красили стены, шили из плюша занавесы и убирали помещения — лишь бы поскорее приблизить день открытия театра.

Исключительную помощь восстановителям оказывало правительство Белорусской республики.

Торжественное открытие театра состоялось в тридцатую годовщину Октября.

Репетиции «Кастуся Калиновского» и «Алеси» шли в недостроенном здании, среди лесов, однако это обстоятельство не отразилось на качестве постановок. Художественный руководитель театра О. Брон, режиссеры Б. Мордвинов и В. Шахрай добивались филигранной отделки каждой вокальной партии, каждой мизансцены.

Белорусское искусство в этих спектаклях поднялось на новую высоту.

Особенно значителен спектакль «Кастусь Калиновский». Автор либретто писатель М. Климкович и молодой композитор Дм. Лукас сумели дать исторически правильное освещение образа национального героя белорусского народа. В опере раскрыты идейная связь Калиновского с русским освободительным движением, его ненависть к царским сатрапам и польским панам, его верность делу народа. Большое, серьезное содержание постанов-

Сцена из III акта оперы Е. Тикоцкого «Алеся». В роли Алеси — народная артистка СССР и БССР Л. П. Александровская.

щики сумели воплотить в динамичном и красочном спектакле. Чрезвычайно выразительны декорации заслуженного деятеля искусств БССР С. Николаева, особенно перспектива Петербурга в первой картине и окраина старого Вильнюса в пятой картине.

В спектакле немало актерских удач. Заслуженный артист Н. Сердобов поет Калиновского свободно, проникновенно, с подкупающей искренностью. Его Кастусь обаятелен и глубоко человечен. Блеснула тонкостью психологической разработки образа народная артистка СССР Л. Александровская, исполняющая сложную роль Марии Греготович. Незаурядные актерские данные показал А. Белов в роли генерала Муравьева.

Спектакль был бы еще ярче и глубже, если бы постановщики более детально разработали массовые сцены.

Белорусский театр оперы и балета переживает сегодня кипучие, подъемные дни. Создана база для плодотворной творческой работы, для осуществления самых вдохновенных художественных замыслов.

Сцена бала из II акта оперы Дм. Лукаса «Кастусь Калиновский» в Белорусском государственном театре оперы и балета.

С утра на огромной сцене идут репетиции. Готовится к постановке новая опера Лукаса — «Песня о счастье», посвященная жизни белорусских колхозников.

* * *

...В полуразрушенном городе, где жизнь все еще сопряжена со многими неудобствами, открыт замечательный театр. Каждый вечер его зрительный зал наполняется рабочими, студентами, офицерами, гостями из колхозов. Они наслаждаются музыкой и игрой артистов, они с гордостью сознают, как снова быстро расцветает их национальная белорусская культура, которую фашистские вандалы хотели втоптать в грязь.

И каждое посещение театра вливает в них новые силы для борьбы за быстрейшее полное восстановление родной Беларуси.

ВЕЛИКИЙ ЛЕКАРЬ

Фото С. Ростоцкого и В. Дорман

— Не оставит родина моя в пренебрежении науку. Хватит нам заморских недоучек нанимать. Пусть они у нас учатся, уже пора, есть чему, — говорит в фильме «Пирогов» герой картины великий русский хирург.

И на вопрос, почему он не едет за границу, Пирогов отвечает:

— Нет для меня славы ученого, покинувшего отечество свое. Слава ученого — слава его страны.

В этих словах ярче всего раскрыт благородный образ гениального русского ученого.

Имя Николая Ивановича Пирогова — великого русского хирурга и анатома, основоположника военно-полевой медицины — известно во всем мире. Пирогов был ученым-новатором, обогатившим мировую науку. Его труды были переведены на многие языки, и открытия русского медика применяли в своей работе военные хирурги всего мира.

Следуя традиции советского биографического фильма, авторы кинокартины отказались от темы «частной жизни» и положили в основу сюжета три важнейших этапа в деятельности великого лекаря. Пирогов показан в картине во время холерной эпидемии в Петербурге в 1848 году, при проведении опытов применения наркоза в хирургической операции и как организатор помощи раненым в дни Севастопольской обороны.

Образ подлинного гуманиста, отдавшего свою жизнь на благо народа и человечества, с глубоким проникновением воссоздан в фильме артистом К. Скоробогатовым. Рядом с ним показана первая русская сестра милосердия (О. Лебзак). В роли купца Лядова снимался Н. Черкасов. Вновь увидел зритель в фильме адмирала Нахимова в исполнении А. Дикого.

В создании фильма «Пирогов» принимал участие творческий коллектив, постоянно работающий с режиссером Г. Козинцевым, — оператор А. Москвин, композитор Д. Шостакович, художник Е. Еней, звукооператор И. Волк.

Большую помощь киностудии «Ленфильм» оказала общественность Ленинграда. Для массовой сцены «Гулянья» Эрмитаж предоставил каретный музей, и вновь покатились по «Стрелке» ландо, кабриолеты и экипажи XIX века. Медицинский музей выдал для съемки инструментарий Пирогова. Таким образом, ланцет, которым артист К. Скоробогатов пользовался в сцене операции, держал в руках сам Пирогов.

Во время съемки одной из сцен, где показано общество пожилых врачей прошлого века, к режиссеру подошел очень старый человек и сказал:

— Сегодня в какой-то степени завершается круг моей жизни. Когда я был совсем маленьким, я тяжко заболел. Никто из пользовавших врачей не мог меня вылечить, и я был обречен на смерть. Родители мои проживали по соседству с деревней Вишни, где жил доктор Пирогов. Меня отвезли к нему, и великий лекарь меня исцелил. На протяжении всей моей жизни с благодарностью вспоминал я Николая Ивановича Пирогова. И вот на склоне дней меня пригласили сниматься в этой картине, и я как один из действующих лиц присутствую на операции, которую делает Пирогов.

Так в съемках фильма «Пирогов» случайно принимал участие один из исцеленных пациентов великого врача. Этот «артист» был приглашен на улице помощником режиссера, выискивавшим подходящий типаж для массовых сцен.

О. ОЛЬГИНА

Кадр из фильма. Пирогов (народный артист РСФСР К. В. Скоробогатов) перед хирургической операцией, в которой он впервые применил наркоз. В роли солдата Тарасова артист П. Лобанов.

Директор Государственного Эрмитажа академик И. А. Орбели (слева) и постановщик фильма «Пирогов» Г. М. Козинцев на съемке эпизода «Гулянье на Стрелке», в котором были использованы музейные кареты Эрмитажа.

Над чем вы будете смеяться в 1948 году?

Пророчествующие попугаи

Г. РЫКЛИН

Рисунки А. Каневского

Английский юморист Джером К. Джером приводит в одном из своих рассказов такой анекдот:

«Один фермер наслышался историй о попугаях. И вот он решил приобрести попугая. С этой целью он отправился к торговцу птицами и заплатил большую сумму за выбранного им попугая.

А неделю спустя фермер вернулся в лавку и принес клетку с недавно купленной им птицей.

— Птица, которую вы мне продали на прошлой неделе,— сказал он сердито торговцу,— не стоит и гроша.

— Что с ней случилось? — удивился торговец.— Ведь она хорошо говорит.

— Говорит? — закричал негодующе фермер.— Проклятая птица болтает весь день, но несет такую чушь, что стыдно слушать!..»

* * *

Я вспоминаю этот анекдот всякий раз, когда по долгу службы мне приходится читать писания дейлимейловских, херстовских и тому подобных газетных попугаев.

И всякий раз невольно повторяешь слова фермера из рассказа Джером К. Джерома:

— Проклятая птица болтает весь день и несет такую чушь, что стыдно слушать!..

Попугаи с автоматическими перьями не просто болтают, но еще пытаются и пророчествовать, предсказывая дурную погоду в СССР.

Это пророчествующие попугаи.

Два года тому назад хозяева этих птиц узнали о новой советской послевоенной пятилетке. Хозяева всполошились. Немедленно приказано было всем подведомственным попугаям высказаться по вопросу о советской пятилетке.

— Ничего у них не получится,— авторитетно заявили пророчествующие попугаи из лондонского журнала «Экономист».

— Совершенно верно! — засуетился мистер Гемпелл, ученейший финансист, обозреватель агентства Рейтер.— Я тоже знаю, что у них с пятилеткой ничего не получится.

— Не получится! — охотно подтвердил мистер Фреунд в австралийской газете «Сидней морнинг геральд».— Я тоже знаю, что не получится.

И тут же для пущей солидности австралийский попугай добавил:

— Россия будет истощена, если она не получит займов.

— Не получится! Не выйдет! Сорвется! — вторили попугаям все англо-саксофоны, австралийские бубны и турецкие барабаны.

Прошло два года. И уже сейчас мы имеем полную возможность громко и весело посмеяться над этими полинявшими попугаями и их предсказаниями.

Ничего, господа, не получилось из ваших предсказаний. Не вышло у вас! Сорвалось у вас!

* * *

Эти пророчествующие попугаи — не новички. Они имеют большой стаж. Они давно работают на этом сомнительном поприще.

Вот Сомерсет Могем. Вам, конечно, знакома эта фамилия. Это английский драматург, автор «Круга» и тому подобных мещанских пьесок.

Но Могем — не только английский драматург, но и английский разведчик. Говорят, что в этой области он делал гораздо бо́льшие успехи, чем в драматургии. Но бывали и срывы.

В воспоминаниях этого разведчика читаем:

«В 1917 году я поехал в Россию. Я был послан для того, чтобы предотвратить большевистскую революцию».

Он надеялся «предотвратить большевистскую революцию», опираясь, видимо, на предсказания мистера Фрэнсиса, посла США в России в 1917 году.

— По моему мнению,— важно заметил этот сановный попугай,— советский режим не просуществует и месяца.

Прошли годы. Прошло много лет. И вот уж новый сановный попугай пытается играть роль пророка.

Это было в июле 1941 года.

Тогда член американского конгресса Мартин Дайм сказал:

— Через месяц Гитлер завладеет Россией.

В те же дни попугаи из «Нью-Йорк джорнал америкен» так же категорически вещали:

«Россия обречена, и Америка с Англией бессильны предотвратить ее быстрый распад под ударами нацистского блицкрига».

Уже тогда, в начале 1941 года, мы, советские люди, смеялись над этими жалкими предсказателями дурной погоды.

Но они не перевелись. Все новые и новые попугаи появляются на политической арене.

Причем эти проклятые птицы несут такую чушь, что стыдно слушать...

Вот над кем в первую очередь я буду смеяться в 1948 году!

Я обращаю внимание на слова «в первую очередь». Потому что есть и другие объекты (и субъекты) для сатиры. И советский фельетонист не имеет права проходить мимо них.

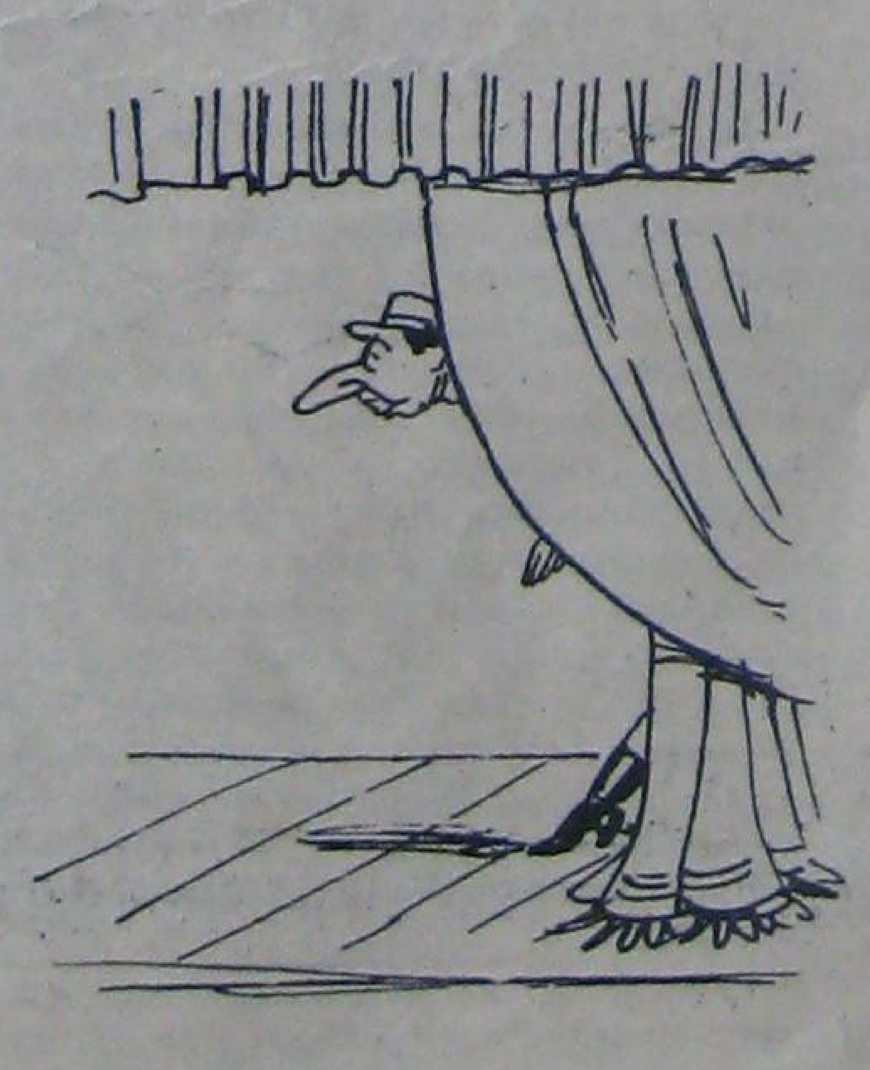
Все это было бы смешно...

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

В начале наступающего года мы заканчиваем работу над сатирическим романом, который пишем вот уже больше года. В этом романе мы смеемся над теми людьми, которые все еще недостаточно хороши для того времени, в котором они живут.

Но кроме этой работы, кроме этих тем внутренних, есть темы внешние, зарубежные. Эти внешние темы все более настоятельно требуют беспощадного сатирического освещения.

Затрудняет нашу работу одно обстоятельство, которое состоит в том, что порой уже сама беспардонная закордонная действительность является злейшей сатирой на самое себя:

«Мы с басен рады бы начать,
Но повторенья путь опасен:
Заокеанская печать —
Монополистка в смысле басен.
Пустая басня Херста кормит,
И басней кормится Маккормик.
Любой имеется сюжет,
На каждый вкус и каждый цвет,
Любая басня злобой пышет,
И лишь морали в баснях нет,
Как нет её у тех, кто пишет.

Комедия влечет нас, но
Писать комедии смешно.
Смешной сюжет давно
придуман:
То Рамадье, то Шуман
В комедии играют роль,
И ждет на выходе де Голль.
Комедия весьма смешная,
Но не своя — переводная.
На языке далеких янки
Она сочинена — и вот
Уже лежит в парижском банке
Американский перевод.

А что касается памфлета,
То мистер Эватт есть на это.
Признаем, истину любя,
Бессильна здесь литература:
Он сам себе карикатура
И даже пасквиль на себя.

Есть путь последний—оперетта,
Но отнято у нас и это:
Хоть слабо дядя Сам острит,
Но оперетте тем не менее
Антрепренеры с Уолл-стрит
Всегда находят применение.
Как в оперетте, например,
Бразильский действует премьер.
И у чилийского премьера
Уже освистана премьера.
Бразилия и Чили робки,
Их держат на ролях «Холопки»,
И поощряет их весьма
«Принцесса долларов» сама.
На опереточных ролях
Летучий лондонский поляк,
Марионетки из Сеула
И Ялчин с «прозою Стамбула».
Им всем за это платит фикс
Небезызвестный «мистер Икс».
Бизондер-фюрер мистер Клей,
Нацистам много дав ролей,
Поставил фарс, который тут
«Денацификцией» зовут.
. . . .
И пусть поставлены искусно
Все эти оперетты, но
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так
гнусно!»

Смех и улыбка

К. ЕЛИСЕЕВ

Художник, заслуженный деятель искусств РСФСР

Рисунки автора

Вас интересует, над чем я буду смеяться в 1948 году?

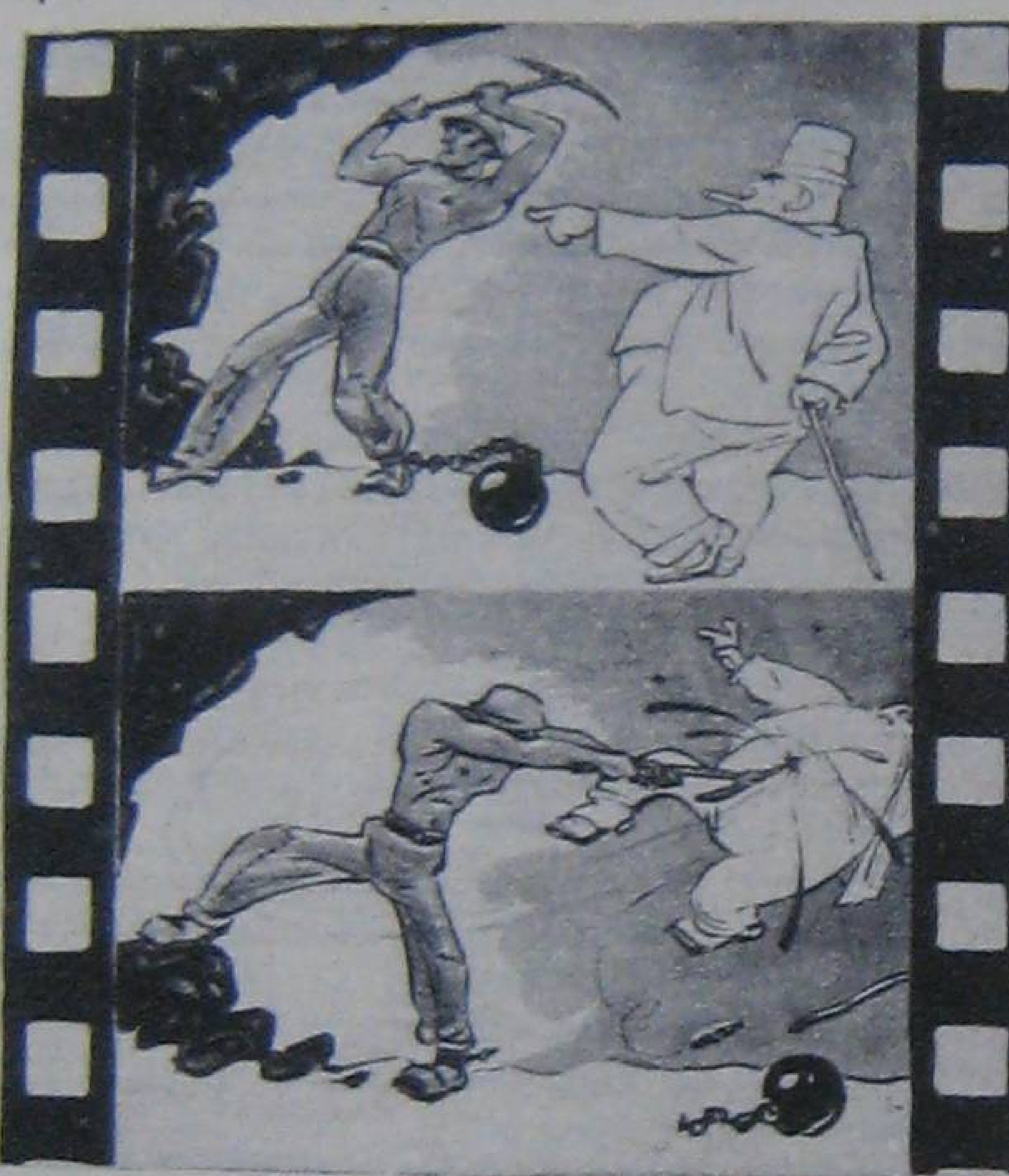
Я не очень смешлив и смеюсь нечасто. Я больше улыбаюсь, но при этом улыбаюсь по-разному в разных случаях. Одним и тем же словом «улыбка» обозначаются совершенно различные состояния и отношения; в этом случае, мне кажется, слово беднее зрительного образа. Мать смотрит, как ее ребенок делает первые, неловкие и неверные шаги, смотрит и улыбается — это одна улыбка; инвалид в палате перед врачом делает тоже первые шаги после трудной операции и, не привыкнув еще к палочке или к костылю, робко и вроде как виновато улыбается — это другая улыбка. Улыбок очень много, и все они непохожи одна на другую: есть улыбки, которые дарят, а есть улыбки, которые просят; есть улыбки божественные, а есть — хамские; есть улыбки многозначащие, и есть — недействительные, как справка без нужной печати; есть улыбки дежурные, и есть — мгновенные; наконец, есть улыбки подлые, есть — лакейские, холуйские, преступные, блудливые, вороватые.

Вольтер и Марк Твэн улыбались; улыбается юноша, перечитывая записку девушки, и улыбается спекулянт, пересчитывая свою гнусную дневную «выручку»; улыбаются в своих конторах американские экспортеры, читая о том, как господин Бидо или господин Бевин «резервируют свое мнение» по поводу советских предложений...

Когда я смотрю на фотографию, где какой-нибудь дядя Сэм у себя дома сидит, развалясь и положив ноги на стол, я пожимаю плечами и улыбаюсь, но когда я представляю себе этого же дядю где-нибудь в Греции, в Италии или во Франции, а то и на международной конференции и при том в той же позе, я тоже улыбаюсь, но уже не пожимаю плечами...

Моя мечта, как художника, советского художника, — создать целую сюиту из «улыбок», собрать огромную коллекцию их. Если смех — оружие, то улыбка — такое же оружие, только более гибкое, более тонкое.

Что касается смеха, то я буду громко смеяться, мне будет очень весело и смешно каждый раз, когда на земном шаре, то тут, то там, будут повторяться сцены, подобные такой:

Тут уж я сменю улыбку на то, что когда-то в старых фильмах анонсировалось как «гомерический хохот». Это бывало в 1947 году, это будет и в 1948!

«Благодетели» наши...

Леонид ЛЕНЧ

В 1948 году я буду смеяться над... (следует точное перечисление объектов).

Обязуюсь охватить смехом количество читателей и слушателей на 145 процентов больше, чем в прошлом году.

Обязуюсь повысить количество смеховых точек в рассказах с..... до......

Одновременно обязуюсь снизить количество позывов к зевоте, возникающих у читателей при чтении некоторых юмористических рассказов, с.... до....

И так далее и тому подобное.

Для меня жизнь — это радость. Радость труда, борьбы, творчества.

Я буду писать об этой радости. О тех, кто делает ее солнечной и звонкой.

И о тех хмурых и скучных субъектах с подвязанными зубами, в грязных калошах, которые мешают советским людям радостно жить и радостно работать.

И я надеюсь, что Жизнь не оставит меня без тем и сюжетов.

Молодой Чехов написал:

«Иной раз погонишься за смешным, а такое сморозишь, что самому совестно».

Опасность «сморозить» — это самая главная опасность в творчестве юмориста.

Постараюсь в 1948 году избежать ее. Еще мне остается сказать, что в «рассуждении» тем и сюжетов я возлагаю надежды на наших идейных противников.

Я думаю, что борзые американские конгрессмены, рыскающие по Европам, горластые поджигатели войны и реакционные тупицы всех мастей «сморозят» в 1948 году столько, что сюжетов с избытком хватит на весь дивизион советских юмористов.

Наши заграничные «благодетели» не оставят нас без «пищи».

По традиции...

В. С. ВОЛОДИН

Народный артист РСФСР

Если вам случится около половины восьмого вечера выходить из станции метро «Маяковская» либо случайно проходить мимо здания оперетты, вас остановят сто раз люди самого различного вида. И каждый из них спросит:

— Лишнего билетика в оперетту нет?

Что же привлекает советского человека к оперетте? Бодрость. Оптимизм. Праздничность. Музыка. Танцы. Смех.

В советской оперетте мы стремимся к тому, чтобы на своем, опереточном языке рассказывать зрителям о людях, о стране, о делах наших дней. И оказалось, что оперетте под силу описывать события на берегах Амура, на берегу Адриатики, в Средней Азии, окунаться в историю Малиновки...

Но о чем бы ни рассказывала наша оперетта, зритель требует — и он совершенно прав! — полновесной порции традиционного опереточного смеха. Комику в оперетте приходится работать с полной нагрузкой.

В 1948 году я буду играть роль заведующего чайной в новой оперетте Ю. Милютина «Беспокойное счастье». Надеюсь присовокупить этот образ к тем пятнадцати ролям, которые я сыграл за годы моей работы в Московском театре оперетты.

Милости просим к нам в театр посмеяться, дорогие зрители!

Очень хочется!

Р. Я. ПЛЯТТ

Заслуженный артист РСФСР

В истекшем, 1947 году мне посчастливилось: режиссер Г. В. Александров отдал мне на растерзание бездельника и пошляка, пьяницу и труса Бубенцова в фильме «Весна». Я, как умел, воплотил фигуру этого субъекта, который придерживается в своей жизни принципа «где бы ни работать, лишь бы не работать».

Но в основном я—артист театра имени Моссовета.

И мне очень хотелось бы у себя в театре сыграть в хорошей комедии роль самовлюбленного и пышного тупицы, который обожает все «заграничное» и снисходительно относится ко всему отечественному. Я даже репетировал для себя дома, как бы я стал произносить русские слова на манер иностранных. Я представляю, какой попугайный галстук повязал бы себе на шею! А какие надел бы пунцовые ботинки с бахромой и инкрустациями! Каким бараньим голосом стал бы восхвалять импортные рефрижераторы и заграничные носки!..

Очень хочется вволю поиздеваться над постыдным низкопоклонством перед Западом, чтобы, встречая в жизни таких «модников», люди указывали на них пальцами и вспоминали бы созданную мной карикатуру.

Но, к сожалению, такой пьесы еще нет. И такой роли нет. Несомненно, они появятся. Надеюсь, именно в 1948 году.

Как равный с равным

В. ВИКТОРОВ

Фото Дм. Бальтерманца, Н. Волкова и Л. Бордукова

Только тот, кто впервые видит матч бокса, кому еще все в новинку: и высокий помост ринга, очерченный туго натянутыми канатами, и две пары черных кожаных перчаток, лежащих на самой середине боевого настила,— может, пожалуй, разделить волнение молодого боксера, которому предстоит встреча с заведомо более сильным противником.

Вот он проскользнул между канатами и теперь одиноко стоит в своем углу. Сотни глаз направлены на него со всех сторон. И три угловых судьи, занявшие свои места за столиками, тоже смотрят на него, подняв головы, и белые, еще не заполненные листки протокола лежат перед ними.

Чья-то ласковая рука прикоснулась к плечу молодого боксера. Секундант! Затем он слышит бульканье воды в стакане, такое мирное, словно сама вода успокаивает его. Он слышит шорох пододвигаемого ему под ноги подноса с канифолью, и сейчас этот обычный ритуал трогает его до слез. Как они заботятся о нем, его секунданты, чтобы горло не было сухо, чтобы подошвы не скользили! И пока молодой боксер стоит, повернувшись спиной к рингу, и секунданты натягивают перчатки на его покорно протянутые руки, в противоположном углу появляется противник. Об этом нетрудно догадаться по нарастающему гулу трибун, и тоскливое одиночество, отодвинутое в сторону ласковыми ладонями секунданта, снова охватывает его. Еще никогда не ощущал он так остро хода времени, словно секундная стрелка, стремящаяся вперед по кругу, прошивает насквозь его тело. Еще несколько мгновений — и он останется один, один против того, другого. Он столько слышал о нем! Он столько раз наблюдал его бои, сидя в безопасном отдалении от ринга, там, на трибуне, где сейчас сидят другие. Теперь он здесь, на ринге, теперь другие смотрят на него, осмелившегося выйти на бой с прославленным мастером.

Вот и судья поднялся на ринг. Неожиданно громкий обрушивается голос диктора, объявляющего имя того, стоящего в противоположном углу, и знаменитое это имя, словно отраженное от потолка и стен, рушится на ринг.

«Аплодируют», — не сразу приходит догадка, и тут же в этом оглушительном грохоте он едва слышит свое, молодое, никому не знакомое имя.

Вот-вот прозвучит гонг, секундометрист уже держит в руках молоточек. Как это все знакомо и как угрожающе ново! И неожиданно приходит мысль: «Вот этим же молоточком секундометрист будет отстукивать секунды, когда знаменитый крюк чемпиона бросит меня на настил... Ну, теперь все!» И когда протяжный звон гонга проносится по залу, он смело идет вперед, навстречу своему противнику.

...Зрители всесоюзных междуведомственных командных соревнований по боксу стали свидетелями мужественной, захватывающей борьбы молодых боксеров с опытными, сильными мастерами. Это было не так просто — вести бой со знаменитым противником, как с равным. Один случай показал, как это было трудно для молодого боксера.

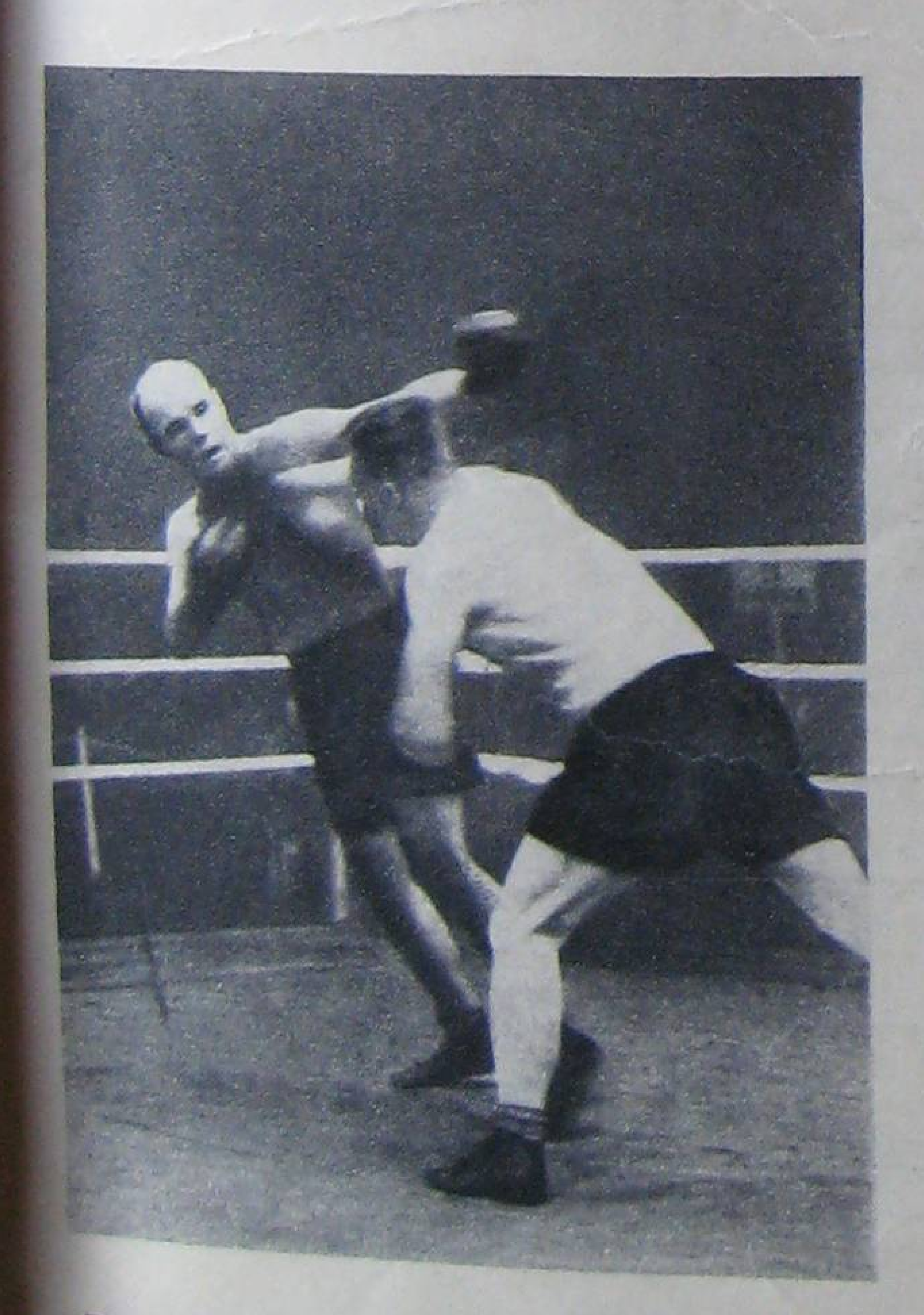
Против Николая Королева — нашего сильнейшего тяжеловеса, который вот уже в течение многих лет не находит себе равного противника ни в Советском Союзе, ни за рубежом,— был выставлен молодой боксер. Когда Королев пошел на него, низко опустив руки, неотвратимый, беспощадный, юноша попытался остановить его прямыми ударами и не смог. Мощные крюки Королева настигали боксера, но он держался, отступал, закрывая челюсть, пока Королев не прижал его к углу, и тогда все увидели, как молодой боксер зашатался и, прекратив бой, схватился за канат. В тот момент всем показалось, что Королев провел молниеносный, невидимый, но точный удар.

Когда секунданты сводили юношу с ринга, он все еще шатался и ноги его подгибались. Но, придя в себя, он чистосердечно объяснил случившееся. Оказывается, зная силу королевских ударов, юноша так боялся их, что, загнанный в угол, чувствуя, что сейчас испытает на себе всю мощь могучего кулака, он почувствовал все ощущения нок-дауна.

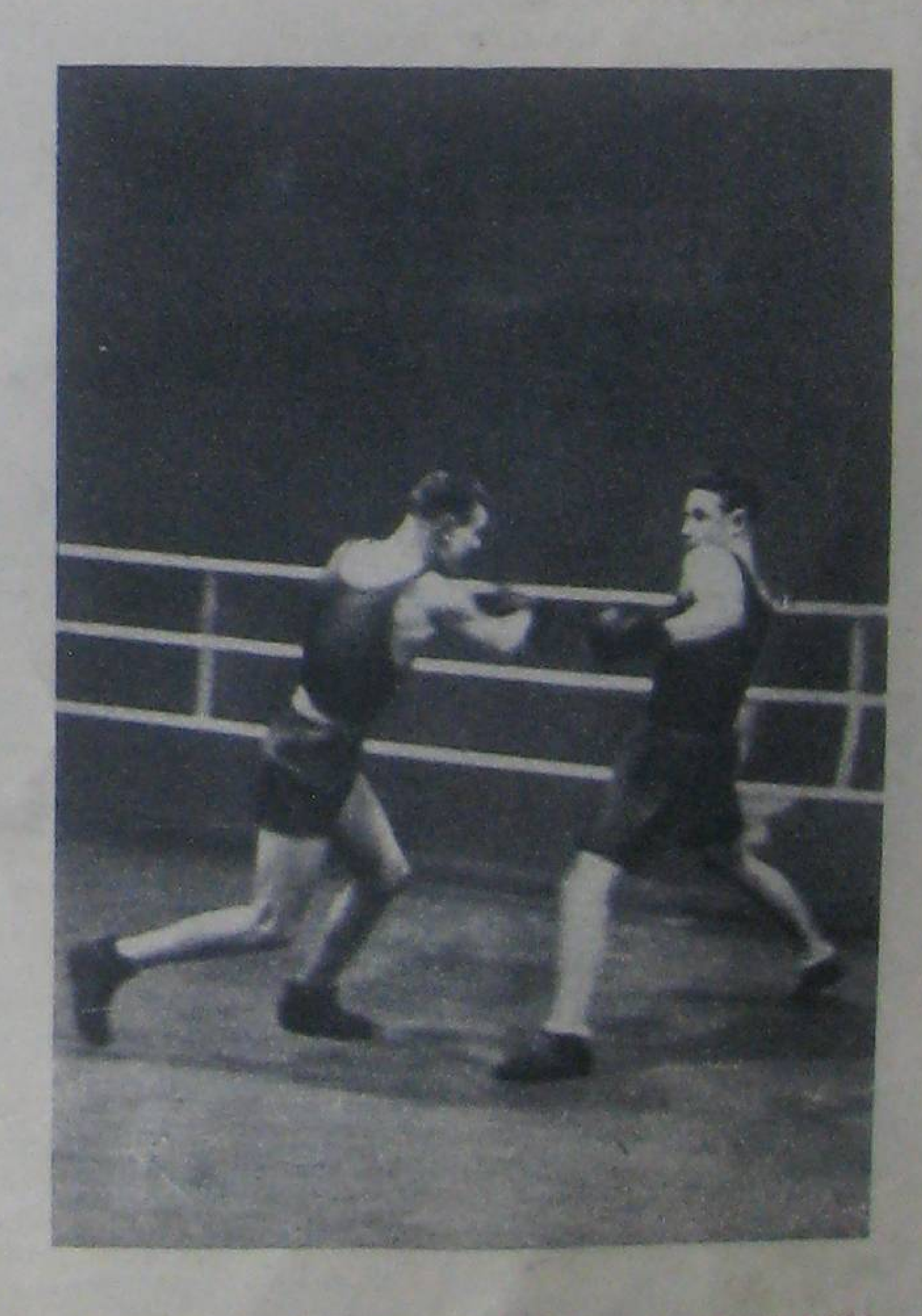
За все пять дней соревнований это был единственный случай малодушия. Много блестящих и трудных боев провела наша боксерская молодежь, не всем удалось добиться победы, но они делали все для этого, и трудно представить себе, какие моральные силы нужны были им, чтобы подавить свою робость, преклонение перед непоколебимым авторитетом. И именно в этом преодолении было то большое мужество, которое так привлекало всех.

Тот, кто видел на ринге малоизвестного боксера из Иванова Николая Кирова, кто наблюдал его в матче с одним из лучших наших средневесов, заслуженным мастером спорта Евгением Огуренковым, тот никогда уже не забудет этого отважного и сильного бойца.

Евгений Огуренков шестнадцать лет выступает на ринге. Он провел за это время 130 боев, вырывал не раз победу у сильнейших и добился того, что почти никогда не удается

Николай Киров атакует чемпиона Советского Союза в среднем весе Гурия Гаврилова.

Александр Чеботарев ведет бой с мастером спорта Александром Любимовым.

средневесу: выиграл у тяжеловесов абсолютное первенство страны.

Николай Киров начал заниматься боксом семь лет назад, но четыре года провел на фронте. В его боевом списке 34 матча с равными противниками. Впервые он встретился на ринге с таким сильным и опытным мастером, как Огуренков. Те, кто представляли себе, как неравны силы этих двух людей, ожидали быстрого финала. Но вот в обоюдных атаках прошел первый раунд, в напряженном единоборстве начался второй. Киров на атаку отвечает атакой, на удар — ударом. Бой принимает все большую остроту. Вот Огуренков брошен на канат, сам Киров, не удержавшись, летит на него, туго натянутые канаты не выдерживают этого яростного напора, цепь лопается, и весь ринг будто бы срывается с места. Казалось, еще немного — и тяжелые крюки, вбитые в землю, не выдержат и взлетят в воздух. И эта лопнувшая цепь была символом боя, где опыту одного была противопоставлена молодая, неисчерпаемая сила другого.

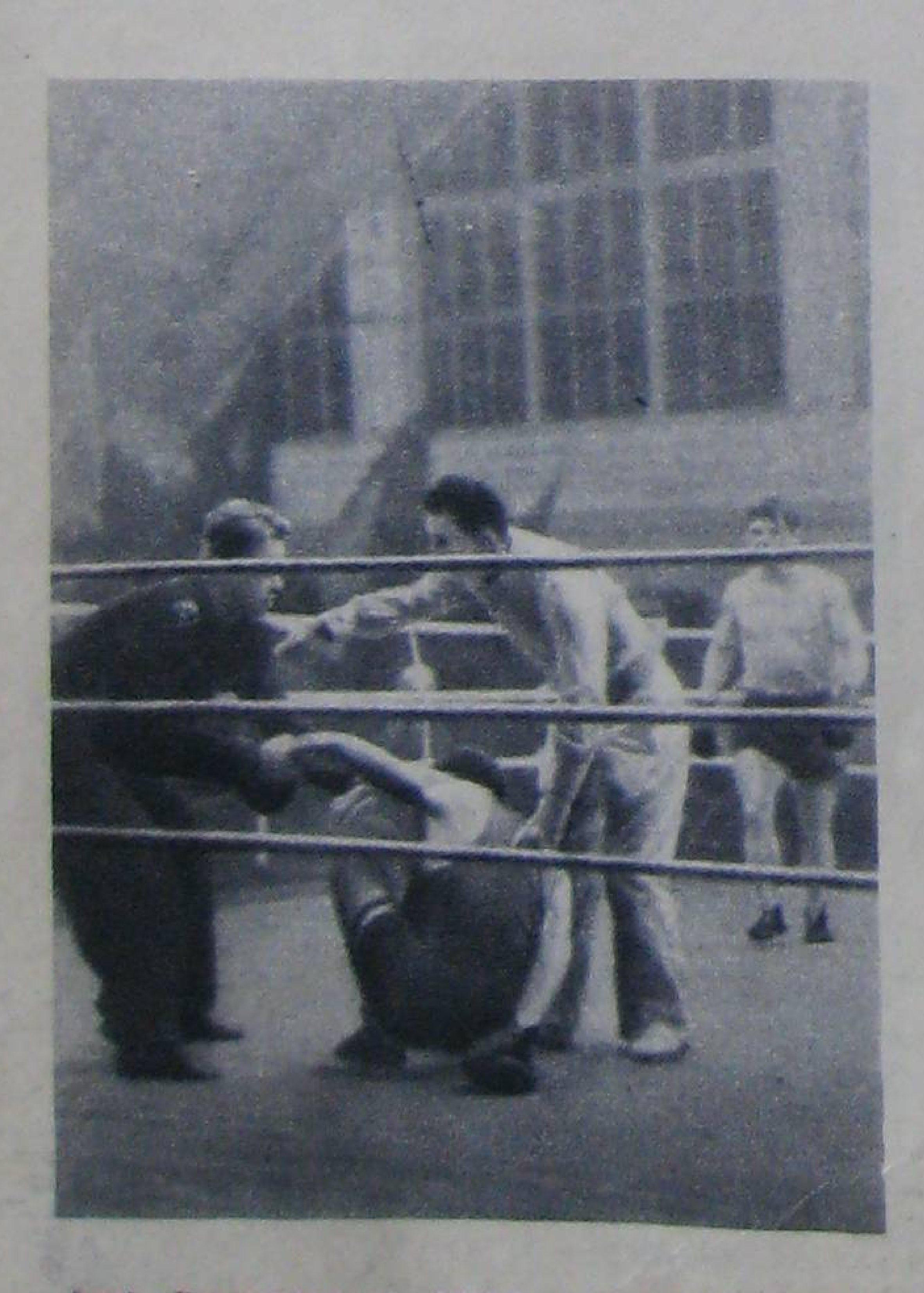
Только на последних секундах третьего раунда Огуренкову удалось вырвать победу, а на следующий день мы снова увидели молодого бойца в матче с чемпионом страны в среднем весе Гурием Гавриловым.

Гаврилову 35 лет. Но у него не знающее усталости молодое сердце и огромный опыт, который дал ему возможность победить на первенстве страны всех своих противников.

Диктор объявляет:

— На ринге боксеры среднего веса. Чемпион Советского Союза Гурий Гаврилов боксирует тринадцать лет. Николай Киров боксирует три года.

И зал аплодирует Кирову еще до того, как нанесен первый удар, зал аплодирует смелости молодого бойца, решившегося на этот трудный для него матч. Этот матч Киров начинает стремительной атакой, словно перед ним не лучший средневес Советского Союза, а рядовой противник. Но это не атака отчаяния. Киров не теряет головы, не забывает о том, кто стоит перед ним, и когда Гаврилов идет в наступление, его точные и сильные удары наталкиваются на умелую и расчетливую защиту. Снова повторяется картина первого матча — одновременный натиск, ослепительный темп. Гаврилову приходится призвать на помощь все свое мастерство, все свои силы, чтобы вырвать победу. Но разве это не победа и Кирова? Простоять против такого боксера все три раунда, как равный против равного, разве это не победа?

Аут! Секундант и судья поднимают мастера спорта Александра Крючкова, нокаутированного Владимиром Родионовым.

На ринге двадцатилетний боксер Николай Обдиркин и чемпион страны в полусреднем весе Сергей Щербаков.

Рядом с Кировым в команде «Спартака» стоял двадцатилетний юноша из Киева, студент института Николай Обдиркин, боксер полусреднего веса. Ему пришлось выдержать не менее трудный, а может быть, и более тяжелый бой. Обдиркин встретился с Василием Никитиным.

Двенадцать лет выступает на ринге Никитин, один из лучших наших полусредневесов, боксер спокойный и умный. Это была их вторая встреча. Первую Обдиркин не смог довести до конца, и не так-то легко после этого снова выйти на ринг. Молодой боксер вышел, провел на этот раз все три раунда, и хоть не ему присудили победу, но высокого круглолицего юношу со смешным белокурым хохолком зрители проводили горячими аплодисментами.

Самую молодую команду выставили «Трудовые резервы». Еще совсем недавно мы видели всех этих боксеров на юношеском ринге, но имена их уже широко известны и звучат полновесно и грозно: Анатолий Перов, Виктор Меднов, Владимир Родионов, Александр Чеботарев...

В этой молодой и блестящей команде самым юным (не по годам: 19-летних в команде много,— а по своему боевому опыту) был Леонид Козлов. Он впервые встретился с мастером, да еще каким — Иваном Князевым.

Вот сравнительные данные этих двух боксеров:

Иван Князев — чемпион СССР в полулегком весе, на ринге семнадцать лет. За это время провел 115 боев.

Леонид Козлов — на ринге четыре года. В списке 33 боя.

Одно только преимущество было у Козлова: молодость. Но у Князева, так же как и у Гаврилова, молодое сердце, не знающее усталости. И вот они стоят друг против друга, соединяя в традиционном пожатии свои затянутые в кожу кулаки. Проносится протяжный звон гонга — и первый удар наносит Козлов и сразу же еще один — точный, прямой удар в челюсть. Овацией встречает зал атаку юноши, с первых же секунд боя показавшего, что он отбросил в сторону все сомнения, что для него ничего больше не существует, кроме этого ярко освещенного четырехугольника и упрямо склоненной головы противника. И эта голова приближается, грозно сверкают глаза под могучими надбровными дугами. Князев рядом. Идет ближний бой. Сеть тяжелых крюков оплетает тело Козлова, но он в свою очередь наносит удар за ударом, и зал снова грохочет, ободряя бесстрашного бойца.

Во втором раунде Князев повел неотразимую атаку. Его нельзя было остановить, от него нельзя было уйти, он двигался вперед — удар, еще один. Юноша шатается, все плывет перед его глазами, двоится, смешивается, но он продолжает сопротивление, и Князев не может его сбить...

Этот матч не имел третьего раунда: Козлов отказался от борьбы, и все же зал овацией проводил и победителя и побежденного.

Но не все молодые боксеры спускались с ринга побежденными. Два из них были вознаграждены за свое самообладание и смелость. Александр Чеботарев, ровесник Козлова и товарищ его по команде, проведший 38 боев и проигравший всего два, выиграл у мастера спорта Александра Любимова. Еще более удачно сложились выступления другого боксера команды «Трудовые резервы», Владимира Родионова. Он провел три серьезных боя: два проиграл, один выиграл нокаутом.

Владимир Родионов встретился с Сергеем Щербаковым. Это имя известно далеко за пределами Советского Союза. Неоднократный чемпион страны, победитель девяти международных матчей, Щербаков провел 121 бой, выиграв 109 (27 нокаутом и 14 из-за отказа противников). Что мог противопоставить этому мастеру, уже шесть лет не знающему, что такое поражение, двадцатилетний боксер? Пять лет боксерского стажа, 27 боев.

Вот как прошла эта встреча:

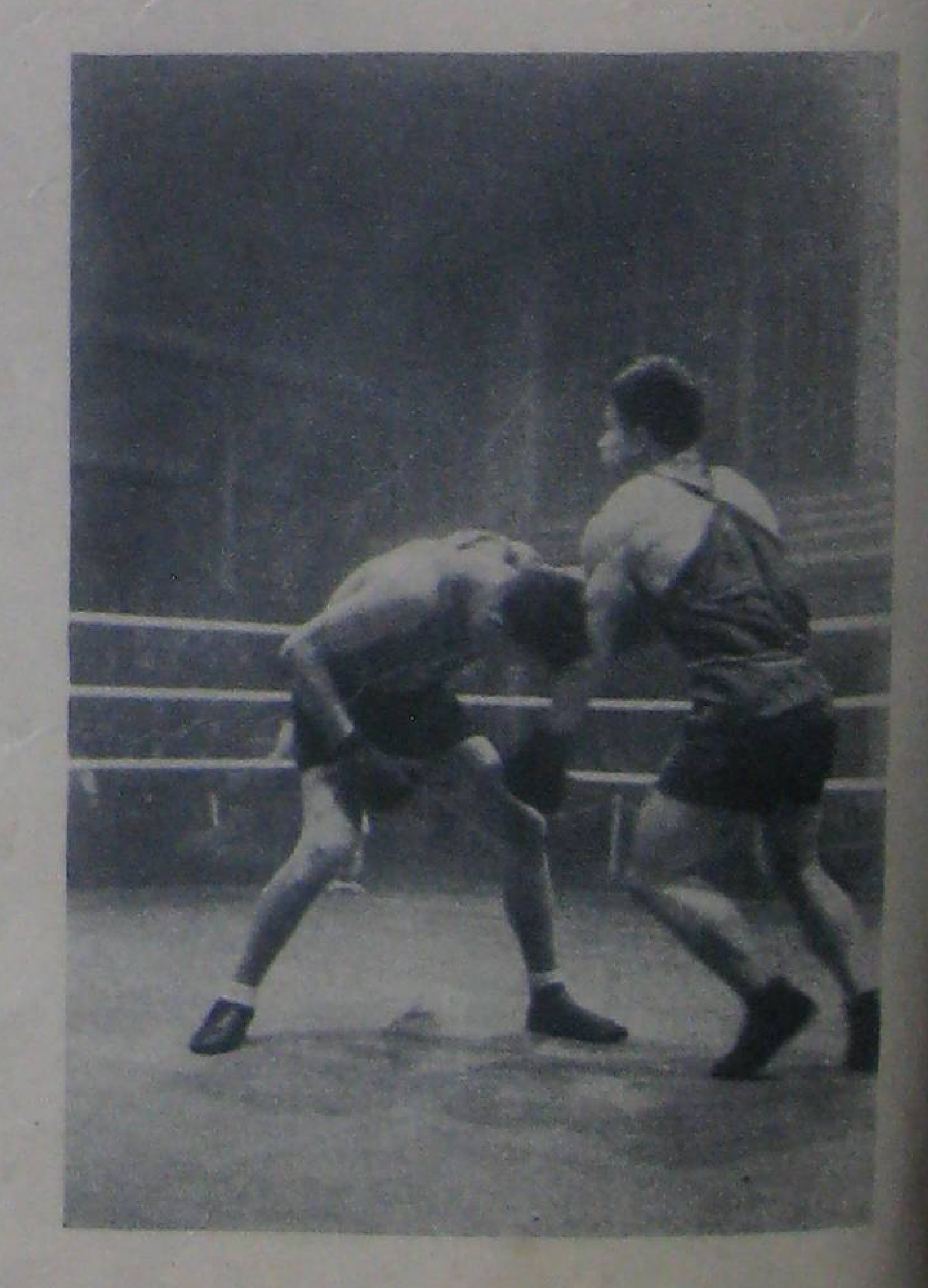
Первый раунд. Удар Родионова, еще два подряд. Щербаков наступает. Ближний бой. Сокрушительные щербаковские крюки проносятся над головой Родионова. Все труднее уходить от них, и вот уже Родионов шатается из стороны в сторону. В конце раунда один из крюков ослепляет его. Родионов едва держится на ногах.

Второй раунд. Атака Щербакова. Лавина ударов, каждый из которых таит в себе нокаут. И все же, защищаясь, Родионов бьет. Ему тяжело. Каждое движение должно быть точно рассчитано, каждый удар Щербакова угадан на мгновение раньше, чем он будет проведен. Трудно дышать. Дыхание сбито. Пот заливает глаза. Один из крюков Щербакова достигает цели. Родионов на полу. Судья взмахивает над ним рукой: «Раз, два, три...» Но нет, это не конец. Вот он снова на ногах встречает идущего на него Щербакова.

Третий раунд. Родионов проводит два удачных апперкота. Опять встречный бой. Родионов сам идет в атаку. Он идет вперед, несмотря ни на что. Пусть бой проигран,— он атакует. Пусть бой проигран,— он устоял...

А в последний день соревнований этот юноша, коренастый, с могучей спиной и сильными руками, нокаутировал в третьем раунде опытного мастера Александра Крючкова, и этот нокаут как бы завершил всю пятидневную борьбу боксерской молодежи с могучими, испытанными мастерами.

На затянутом брезентом ринге, в углу, стоял молодой боксер и, опустив свои кожаные кулаки, ждал, пока секундометрист отстучит своим молоточком десять положенных секунд и судья, в последний раз взмахнув рукой над поверженным противником, не скажет долгожданное — аут!

Бой Владимира Родионова с мастером спорта Василием Никитиным.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера М. Ботвинника

БОЕВАЯ ВСТРЕЧА

В седьмом туре Международного турнира славянских стран памяти М. И. Чигорина интереснейшей партией была встреча между гросмейстером В. Рагозиным и чемпионом Югославии мастером П. Трифуновичем. Приводим эту партию.

ГОЛЛАНДСКАЯ ПАРТИЯ

П. Трифунович	В. Рагозин
1. Kg1—f3	e7—e6
2. e2—c4	f7—f5
3. b2—b3	Kg8—f6
4. Cc1—b2	Cf8—e7
5. g2—g3	d7—d6
6. d2—d4	0—0
7. Cf1—g2	Фd8—e8
8. Kb1—d2	. . .

Голландскую партию охотно применяют советские шахматисты, в то время как в заграничных турнирах она сравнительно редкий «гость». Уже здесь чувствуется, что Трифунович мало знаком с этим дебютом. Коня белым лучше развивать на c3, для того чтобы осуществить прорыв d4—d5 в момент, когда черные играют Кс6. И в дальнейшем видно, что Трифунович чувствует себя в «голландских водах» не совсем уверенно.

8. . . .	Kb8—c6
9. Фd1—c2	Cc8—d7
10. a2—a3	a7—a5
11. h2—h3	. . .

Напрасное ослабление. Правильно было 0—0 и потом e4. Белые намечают продвижение своей пешки g, чтобы начать атаку на черного короля, но весь этот план ошибочен. Король черных расположен вполне безопасно; белым же после вскрытия игры на королевском фланге негде будет найти надежную позицию для своего короля.

11 . . .	Фe8—g6
12. g3—g4	Kf6—e4
13. g4 : f5	e6 : f5

Рагозин, конечно, не попадается в прозрачную ловушку; после 13. . . . Ф : g2 14. Лh2 черный ферзь пойман!

14. Лh1—g1	Ce7—f6
15. Cg2—h1	Фg6—h6!
16. Kd2 : e4	f5 : e4
17. Фc2 : e4	Лa8—e8
18. Фe4—d3	Фh6 : h3
19. 0—0—0	. . .

Белые ищут убежище для своего короля на ферзевом фланге. Рагозин энергичной игрой доказывает, что и здесь белому королю будет не очень спокойно.

19. . . .	Cd7—f5
20. Фd3—d2	Cf5—g6
21. d4—d5	. . .

Другой защиты от страшной угрозы Фf5 нет. Сейчас, конечно, черным нельзя играть сразу 21. . . . Фf5 из-за 22. Л : g6.

21. . . .	Kc6—e5
22. Kf3 : e5	Cf6 : e5
23. Cb2 : e5	Лe8 : e5

Просто и сильно. К ненужным и неясным осложнениям вело продолжение 23. ... Л:f2 24. Лg3 Фf5 25. Л : g6 Ф : e5 26. Лe6, и белые в состоянии защититься от атаки черных.

24. f2—f3	a5—a4
25. b3—b4	c7—c6!
26. Лg1—g5	. . .

После 26. dc bc не годится Ф : d6 из-за Л : e2 с разгромом.

26. . . .	Фh3—h4!
27. Лg5—g4	Фh4—f6
28. Лg4—d4	. . .

Проигрывает сразу, однако партия белых безнадежна. Сопротивляться можно было еще ходом 28. e4. После 28. . . . cd 29. cd Лh5 у белых также не было защиты против многочисленных угроз черных.

28. . . .	c6—c5
29. b4 : c5	d6 : c5
30. Лd4—g4	Лe5 : e2!

Заключительный удар. После 31. Ф : e2 следует Фc3+ с матом, поэтому белые сдались.

Гросмейстер Рагозин провел всю партию с большой энергией!

Положение на доске после 30-го хода черных.

Как звали...

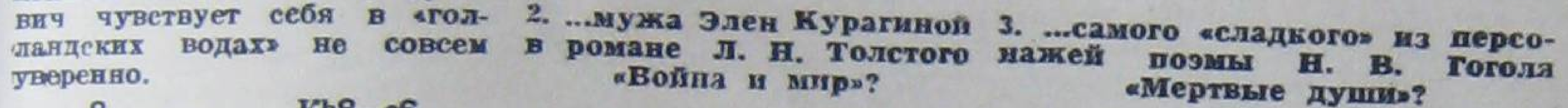

1. ...героя и любимую им девушку в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник»? →

2. ...мужа Элен Курагиной в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»?

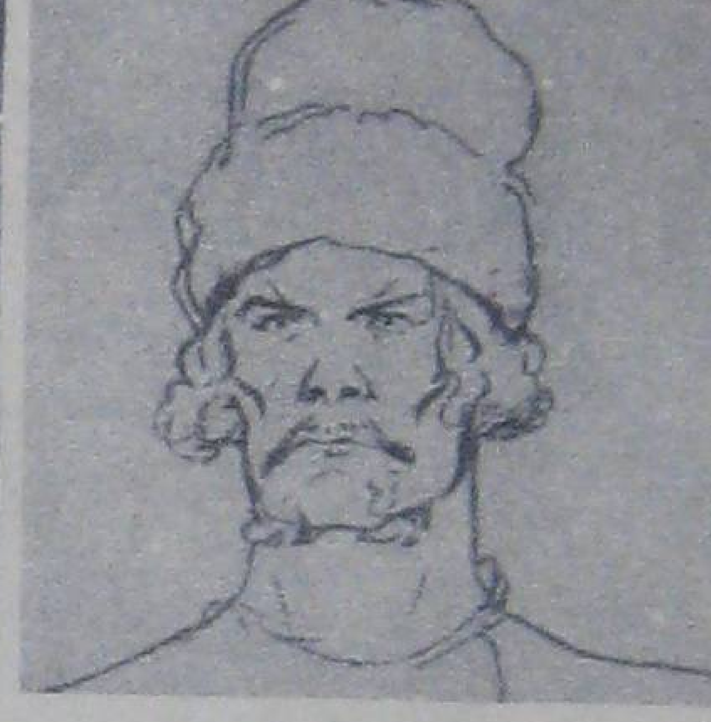
3. ...самого «сладкого» из персонажей поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»?

4. ...отца Татьяны в поэме А. С. Пушкина «Евгений Онегин»?

5. ...Хлестакова в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»?

6. ...Подколесина и его слугу в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба»?

7. ...героя рассказа И. С. Тургенева «Муму»?

8. ...станционного смотрителя, его дочь и похитившего ее гусара в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»?

9. ...бессовестного хвастуна, пьяницу и лгуна в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»?

10. ...казначейшу в поэме М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша»?

11. ...героиню поэмы А. С. Пушкина «Граф Нулин»?

12. ...судью в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»?

КРАСИВАЯ АТАКА

На командном первенстве ВЦСПС в Ленинграде было сыграно немало интересных партий. Приводим партию, сыгранную между гросмейстером Бондаревским (ДСО «Зенит») и мастером Гульдиным (ДСО «Молния»).

КАТАЛОНСКОЕ НАЧАЛО

Бондаревский	Гульдин
1. d2—d4	Kg8—f6
2. c2—c4	e7—e6
3. g2—g3	d7—d5
4. Cf1—g2	c7—c5

Лучшим ответом считается 4. ... dc. При системе, избранной черными, «каталонский» слон g2 долгое время будет оказывать давление на центр и ферзевый фланг черных.

5. c4 : d5 Kf6 : d5
6. Kg1—f3 Kb8—c5
7. 0—0 Cf8—e7

Неплохо было 7. ... Kf6, чтобы разрядить напряжение в центре.

8. Kb1—c3 0—0

Черные напрасно изолируют пешку d5. Проще было меняться на c3 или отступать конем на f6.

9. Kc3 : d5 e6 : d5

После 9. ... Ф : d5 10. Ke5 Ф : d4 11. K : c6 у белых получалась лучшая пешечная позиция.

10. d4 : c5 Ce7 : c5
11. a2—a3 a7—a5

Понятно, что черные предупреждают ход b4 с дальнейшим Cb2.

12. Фd1—c2 Cc5—e7

Можно было уступить слоном на b6, ибо угроза Kg5 после ответа g6 не была уж так страшна для черных.

13. Cc1—e3 Cc8—e6
14. Kf3—d4 Фd8—d7

Получилась позиция, аналогичная встречающимся в защите Тарраша, только на доске нет коней c3 и f6. Это обстоятельство выгодно только белым, которые стремятся к эндшпилю.

Сейчас пункт d4 в руках белых, шансов же на атаку у черных нет. Такие позиции в наше время считаются стратегически проигранными (для черных).

15. Лa1—c1 Лf8—c8
16. Фc2—d2 Kc6—e5
17. Kd4 : e6 f7 : e6
18. Лc1 : c8+ Лa8 : c8

После 18. ... Ф : c8 19. Лc1 не проходило 19. ... Kc4 из-за 20. C : d5! K : d2 21. Л : c8+ Л : c8 22. C : e6+ и белые выигрывают.

19. Фd2 : a5 Ke5—c4
20. Фa5—a7 Kc4 : b2
21. Лf1—b1 Ce7—f6
22. Cg2—h3! Лc8—c6

Защищаясь от угрозы 23. Л : b2! C : b2 24. Фb6 с двойным ударом на b2 и e6. Теперь следует изящный конец.

23. Ce3—c1 Kb2—d1
24. Лb1 : b7!! Лc6 : c1

Теперь черные грозят даже матом (Ke3+).

25. Лb7—b8+ Cf6—d8
26. Ch3 : e6+ Kpg8—h8

Или 26. ... Kpf8 27. Л : d8+

27. Kpg1—g2!! черные сдались.

После последнего тихого хода белых мат для черных уже неизбежен; если 27. ... Фd6 или Фe8, то следует 28. Фf7.

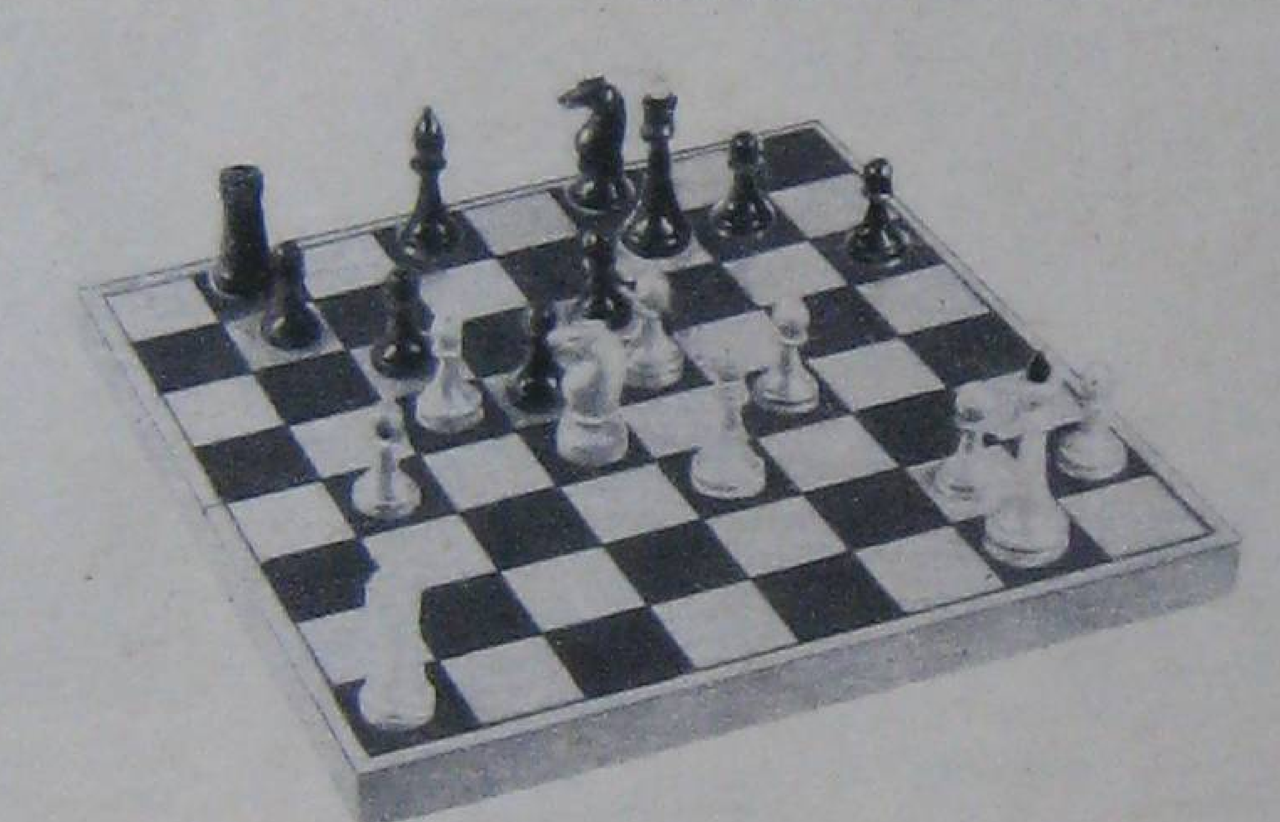
Заключительная позиция весьма картинна!

ОСТРОУМНОЕ ОКОНЧАНИЕ

В XVI чемпионате СССР впервые примет участие молодой ленинградский мастер Марк Тайманов. В Ленинградском полуфинале Тайманов занял второе место (первое — Аронин) и прошел весь турнир без поражения. Энергично и красиво закончил Тайманов партию против мастера Гольдберга.

После 34-го хода получилась позиция, изображенная на снимке.

Белые — Тайманов: Kpg1, Лa1, Ce3, Kd4, П. b4, c5, e5, f4, g2, h2. Черные — Гольдберг: Kpf7, Лb8, Cd8, Kf8, П. b7, c6, d5, e6, g7, h6.

Партия продолжалась:

35. Лa1—a7 Kpf7—e8

Лучшая защита против угрозы 36. K : c6 была 35. Ce7. Теперь следует несколько сильных ударов со стороны белых

36. f4—f5 Kpe8—d7
37. b4—b5 c6 : b5
38. f5 : e6+ Kpd7—c8

После 38. ... K : e6 39. c6+ Kpe7 40. Л : b7+Л : b7 41. cb Cc7 42. b8Ф и Kc6+ черные остаются без фигуры.

39. c5—c6 b5—b4
40. Лa7—a1 b4—b3
41. c6—76!! . . .

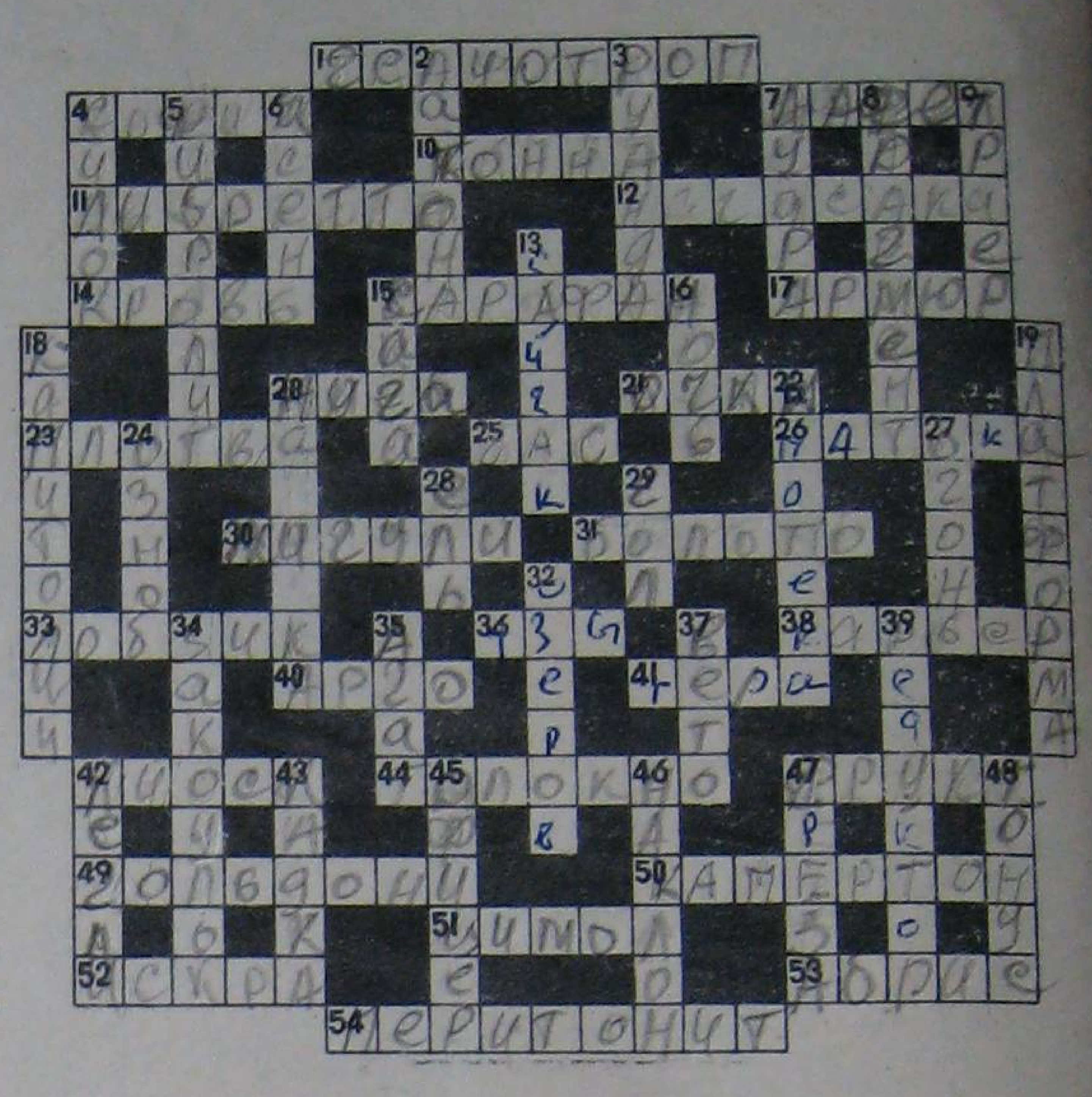
Красивый заключительный ход. Если слон берет на c7, то пешка e6 проходит в ферзи.

41. . . . Kpc8 : c7
42. Kd4—b5+ Kpc7—c6
43. Kb5—a7+

Черные сдались, ибо после 43. ... Kpc7 они получают неожиданный мат (44. Лc1X)!

КРОССВОРД

Составила читательница «Огонька» Р. АЛЕКСАНДРОВА (Москва)

По горизонтали:

1. Цветок. 4. Столица государства в Европе. 7. Часть артиллерийского орудия. 10. Мера веса. 11. Краткое содержание оперы. 12. Порт в Японии. 14. Жидкость, заполняющая кровеносную систему. 15. Женская одежда. 17. Шелковая материя. 20. Кондитерское изделие. 21. Оптическое приспособление. 23. Рыба. 25. Мужской голос. 26. Сахарный сироп. 30. Возвышенность в среднем Поволжье. 31. Участок земли, пропитанный стоячей водой. 33. Инструмент для вырезания. 36. Оковы. 38. Бег лошади. 40. Жаргон. 41. Греческая богиня. 42. Павильон. 44. Овсяная мука. 47. Плод. 49. Итальянский драматург. 50. Инструмент для определения высоты тона. 51. Составная часть эфирных масел. 52. Частица горящего вещества. 53. Контур. 54. Болезнь.

По вертикали:

2. Персонаж римской мифологии. 3. Область в Африке. 4. Западня. 5. Строительный материал. 6. Дерево. 7. Река во Франции. 8. Часть художественного произведения. 9. Сельскохозяйственная машина. 13. Антилопа. 15. Сказание. 16. Часть суток. 18. Крепость в древнем Риме. 19. Перон. 20. Вино. 22. Форма залога. 24. Болезненное явление. 27. Пламя. 28. Дерево. 29. Футбольный термин. 32. Русский драматург. 34. Глухой переулок. 35. Минерал. 37. Запрет. 39. Деталь машины. 42. Игра. 43. Бадья. 45. Воинское звание. 46. Укос. 47. Режущий инструмент. 48. Состояние организма.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 1

По горизонтали:

1. Ловелас. 7. Регенерация. 8. Ратификация. 13. Нукус. 16. Дагомея. 17. Каталог. 19. Погон. 23. Окорок. 25. Перелом. 27. Калина. 28. Назар. 29. Вогул. 30. Оливин. 31. Ренегат. 32. Лирика. 33. Зарок. 34. Топаз. 35. Арарат. 36. Матадор. 39. Канада. 41. Талер. 43. Кишинев. 44. Мелинит. 45. Пират. 48. Суверенитет. 49. Телевидение. 50. Базальт.

По вертикали:

2. Осетин. 3. Еретик. 4. Ананас. 5. Бенарес. 6. Цицикар. 9. Фурор. 10. Купол. 11. Вапоризация. 12. Колонизация. 14. Канализация. 15. Модификация. 18. Потомак. 19. Перекат. 20. Генерал. 21. Новатор. 22. Таракан. 24. Канат. 25. Паром. 26. Мотор. 27. Кулак. 37. Тапир. 38. Декан. 40. Демулен. 42. Селенит. 45. Пезета. 46. Резина. 47. Тигель.

Почему мы так говорим

КРОМЕШНЫЙ

«Кромешный» сохранилось в обыденной речи только в нескольких выражениях: тьма кромешная, ад кромешный...

Мы применяем это слово, когда собираемся сказать «беспросветный». Происходит «кромешный» от «крома» — край, и значило оно когда-то «внешний».

Почему же беспросветная тьма определялась как внешняя?

За земным кругом, где светило солнце, по старинным представлениям, был другой мир: внешний, кромешный, царство мрака. Поэтому «внешний» приобрело смысл «мрачный». Так появилось сочетание слов «кромешная жизнь» и «ад».

САРКАЗМ

У слова «сарказм» — злая, ядовитая насмешка — неожиданное происхождение: от «мясо».

Это слово очень древнее: литературным путем оно проникло в очень многие языки из древнегреческого. По-гречески мясо — саркс, сарказо — рвать мясо, терзать. Саркастический смех — горький смех, когда человек кусает губы, рвет мясо. Отсюда — саркастическая улыбка и сарказм.

И. УРАЗОВ

Уголок натуралиста

ПТИЦЫ — ОХОТНИКИ

Хищные птицы часто являются изобретательными охотниками. Где трудно одной справиться с намеченной добычей, охота ведется двумя птицами, как, например, это делают вороны, охотясь за зайцами. Один из воронов залетает вперед поднятому с лежки или застигнутому на бегу зайцу, хлопает перед ним крыльями и не дает бежать, а другой тем временем нападает на него с тыла.

В сбитого с пути зайца вцепляются оба ворона: один в голову, другой в спину, выклевывают ему глаза и тут же начинают его потрошить, ослепленного, но еще живого.

Орлы-беркуты облетают свой охотничий участок также вдвоем, однако не из опасения в одиночку не справиться с добычей, а для более тщательного «прочесывания» местности. Действительно, от четырех зорких орлиных глаз укрыться трудно, и то, что не увидел один беркут, увидит другой.

Беркут поступает также, как и ворон при охоте на зайца. Он налетает на добычу с протянутыми вперед и растопыренными лапами и, если перед ним опасный противник, например лиса или волк, одной лапой вцепляется в голову, стремясь прежде всего ослепить свою жертву и сделать ее беспомощной.

Филин с большим знанием дела занимается рыбной ловлей. Он выбирает неширокий мелкий проток, входит в него против течения, подгибает под себя хвост и, раскинув опущенные в воду крылья, загораживает ими весь водный проток. Вода проходит сквозь перья крыльев и хвоста, но рыбе путь прегражден, и филин таскает одну за другой плывущую к нему рыбу.

Главный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. УРАЗОВА

А — 01051. Подписано к печати 6/I — 48 г. 5½ печ. л. Изд. № 2. Тираж 154 000. Зак. № 3674. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ТОВАРОВ ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА

Ткани, обувь, готовое платье, меха, головные уборы, белье, трикотаж и др. Товары для детей всех возрастов

Адрес магазина: Москва, Добрынинская пл., тел. В 1-24-91, В 3-98-04

Цена 3 ру

Сцена из оперы «Манас» в Киргизском государственном театре оперы и балета (г. Фрунзе).

Фото М. Савина